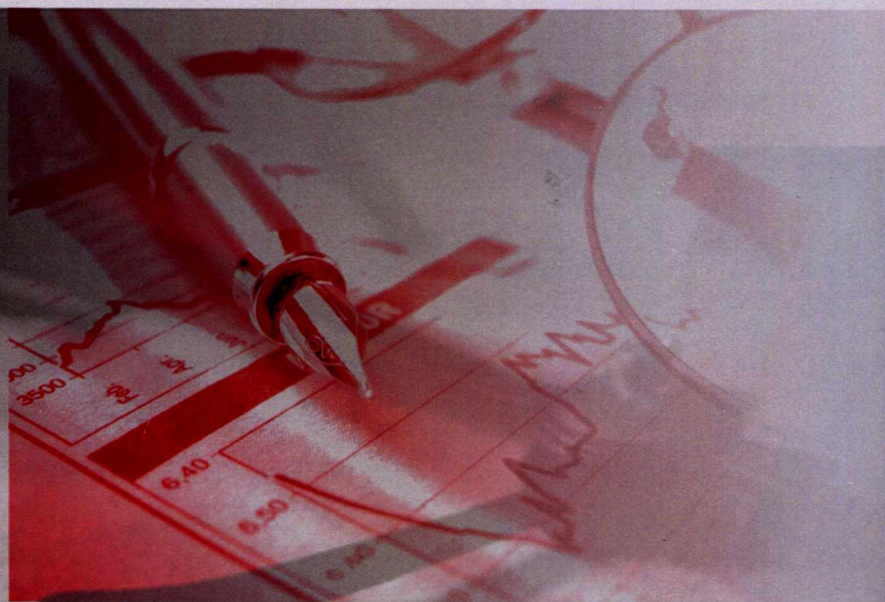

ISSN 2414-5815

ПРАВО
ЭКОНОМИКА
ПСИХОЛОГИЯ

№ 2(30)

2023
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2015 года

2023 № 2(30)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:

В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

Е.Ф. Ивашкевич (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенков, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушена, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Стаценко В.Г., Петров А.П. «Чрезвычайное законодательство» Республики Беларусь: правовые ограничения личных (гражданских) прав и свобод в условиях особых правовых режимов 3

Трацевская Л.Ф., Гайдукова Д.М. Организационно-правовые условия осуществления инвестиционной деятельности в свободных экономических зонах Беларуси 10

Козловская В.В. Недобросовестное использование объектов промышленной собственности в сети Интернет. Часть 1 17

Тиковенко О.А. Принцип разделения государственных властей в истории политико-правовой мысли Запада и в конституции Беларуси 24

ПСИХОЛОГИЯ

Не С., Фурманов И.А. Личностные детерминанты сексуальной мотивации китайских студентов 29

Стреленко А.А. Особенности ресурсной функции социально-перцептивных образов матерей 39

Шевцов А.В. Искусственный интеллект: проблема и перспектива его использования в образовании 51

Клещёва Е.А. Модификация современной белорусской семьи: от традиционализма до детоцентризма 61

Андреева И.Н. Влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценности в ранней взрослости 67

ЭКОНОМИКА

Кузьмицкая Т.В., Клименко В.А. Социально-экономические закономерности трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации 74

Бекиш Е.И., Мантур Е.Е. Эффективность деятельности ОАО «Витебский завод тракторных запасных частей» 80

Турковский С.Р. Взаимообусловленность и взаимное влияние цифровой трансформации экономики и системы образования 86

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2023 № 2(30)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:

V.V. Bogatyreva

Editorial Board:

E.F. Ivashkevich (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenshchik,
L.F. Tratsevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Statsenko V.G., Petrov A.P.** "Emergency Legislation" of the Republic of Belarus: Legal Limitations of Personal (Civil) Rights and Freedoms under Special Legal Regimes 3
- Tratsevskaya L.F., Gaidukova D.M.** Organizational and Legal Conditions for the Implementation of Investment Activities in the Free Economic Zones of Belarus 10
- Kozlovskaya V.V.** Dishonest Use of Industrial Property Objects on the Internet. Part 1 17
- Tikovenko O.A.** The Principle of Separation of State Powers in the History of Western Political and Legal Thought and in the Constitution of Belarus 24

PSYCHOLOGY

- Nie X., Fourmanov I.A.** Personality Determinants of Chinese Students' Sexual Motivation 29
- Strelenko A.A.** Peculiarities of the Resource Function of Socially-Perceptual Images of Mothers 39
- Shevtsov A.V.** Artificial Intelligence: Problem and Perspective of its Use in Education 51
- Klescheva E.A.** Modification of the Modern Belarusian Family: from Traditionalism to Child-Centrism 61
- Andreyeva I.N.** Influence of Emotional Intelligence and Subclinical Properties of the Personality on Values in Early Adulthood 67

ECONOMICS

- Kuzmitskaya T.V., Klimenko V.A.** Social and Economic Patterns of Transformation of University Functions in the Context of Modern Technological Modernization 74
- Bekish E.I., Mantur E.E.** Efficiency of JSC "Vitebsk Plant of Tractor Spare Parts" 80
- Turkovsky S.R.** Interdependence and Mutual Influence of the Digital Transformation of the Economy and the Education System 86

УДК 342.76:37.04(476)

«Чрезвычайное законодательство» Республики Беларусь: правовые ограничения личных (гражданских) прав и свобод в условиях особых правовых режимов

Стаценко В.Г., Петров А.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Проблема легального ограничения личных (гражданских) прав и свобод в целом и в условиях действия особого правового режима в стране в частности, несмотря на свою очевидную правовую актуальность и значимость, определяемую тем обстоятельством, что любое такое ограничение в существенной степени может повлиять на правовой статус личности, а также обеспечение конституционного правопорядка, не нашла достаточного освещения в отечественной правовой литературе. Указанный факт, что само понятие «ограничение прав и свобод» не имеет легального определения и, следовательно, может трактоваться, в определенном смысле, произвольно, свидетельствует о необходимости разработки данной проблематики.

Цель данной статьи – анализ конституционно-правовых основ ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина по белорусскому законодательству в условиях особых правовых режимов.

Материал и методы. *Материалом исследования являются правовые источники, научные публикации, отражающие различные позиции по рассматриваемым в статье проблемам в правовой доктрине. В работе использовались общенаучные методы, а также частно-правовые, включая формально-юридический метод, метод толкования норм права, компаративистский метод.*

Результаты и их обсуждение. *Сопоставление норм чрезвычайного законодательства Республики Беларусь с требованиями международно-правовых стандартов в данной области свидетельствует в целом об их идентичности. В то же время рассматриваемые нормы национального права требуют дальнейшего их совершенствования в целях усиления эффективности правового регулирования в условиях особых правовых режимов. Правоприменительная практика к тому же не всегда отвечает формальным правовым требованиям.*

Заключение. *Решение рассмотренных в статье проблемных вопросов законодательного закрепления норм, регулирующих правоотношения в условиях особых правовых режимов, а также соответствующей правоприменительной практики, может способствовать оптимизации правового регулирования и обеспечения, пусть в ограниченном формате, прав и свобод личности.*

Ключевые слова: *права человека и гражданина, конституционно-правовое регулирование, международно-правовые стандарты, ограничения прав и свобод, правовой режим, особый правовой режим, режим чрезвычайного положения, режим военного положения.*

“Emergency Legislation” of the Republic of Belarus: Legal Limitations of Personal (Civil) Rights and Freedoms under Special Legal Regimes

Statsenko V.G., Petrov A.P.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

The problem of legal restriction of personal (civil) rights and freedoms in general and under the conditions of a special legal regime in the country, in particular, despite its obvious legal relevance and significance, determined by the fact that any such restriction can significantly affect the personality legal status, as well as ensuring constitutional law and order, did not find sufficient coverage in domestic legal literature. The very fact that the concept of “restriction of rights and freedoms” itself does not have a legal definition and, therefore, can be interpreted, in a certain sense, arbitrarily, indicates the need to develop this issue.

The purpose of this study is to analyze the constitutional and legal foundations for restricting personal (civil) rights and freedoms of a person and a citizen under Belarusian law under special legal regimes.

Material and methods. *The material of the study is legal sources, scientific publications, reflecting various positions on the problems considered in the article in the legal doctrine. The work used general scientific methods, as well as private law methods, including the formal legal method, the method of interpreting the rules of law, and the comparative method.*

Findings and their discussion. *The comparison of the norms of the emergency legislation of the Republic of Belarus with the requirements of international legal standards in this area indicates, in general, their identity. At the same time, the norms of national law under consideration require their further improvement in order to strengthen the effectiveness of legal regulation in the context of special legal regimes. Law enforcement practice, moreover, does not always meet formal legal requirements.*

Conclusion. *The solution of the problematic issues discussed in the article of legislative consolidation of the norms governing legal relations under special legal regimes, as well as the relevant law enforcement practice, can help optimize legal regulation and ensure, albeit in a limited format, the rights and freedoms of the individual.*

Key words: *human and civil rights, constitutional and legal regulation, international legal standards, restrictions on rights and freedoms, legal regime, special legal regime, state of emergency, martial law.*

Исследование проблемных и дискуссионных вопросов, связанных с правовым обеспечением института чрезвычайного положения, одним из последствий введения которого, а также, по сути, условием его осуществления является временное ограничение (приостановления) конституционных прав и свобод человека и гражданина, имеет весьма существенное значение и с точки зрения развития законодательства страны в данной сфере общественных отношений, и с позиций обеспечения реализации личных прав и свобод человека и гражданина в Республике Беларусь.

Цель статьи – анализ конституционно-правовых основ ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина по белорусскому законодательству в условиях особых правовых режимов.

Материал и методы. Материалом исследования выступают международные и национальные правовые источники, научные публикации, отражающие различные точки зрения отечественных и зарубежных специалистов в области конституционного права. В работе использованы как общие методы познания (системный метод, логический метод, метод анализа и синтеза, индукции и дедукции), так и частно-правовые методы:

формально-юридический, метод толкования норм права, компаративистский метод.

Результаты и их обсуждение. Понятие «ограничение прав и свобод» личности не закреплено законодательно, а в правовой доктрине не имеет однозначного толкования. В юридической литературе чаще применяется термин «правовые ограничения», являющийся более юридически содержательным. Так, например, А.В. Малько дает следующее определение правовых ограничений, т.е. ограничений в соответствии с правом: «Правовое ограничение есть правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрsubjекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [1, с. 240].

Следует разграничивать понятие ограничения реализации конституционных прав и свобод, отражаемые в Конституции и в соответствующих подконституционных правовых актах, основанные на общеправовых принципах и международно-правовых стандартах, и понятие ограничения прав и свобод личности в условиях особых правовых режимов. В первом случае речь идет о легаль-

ном ограничении действия конституционных прав в «нормальных» условиях общественного развития. В качестве примера можно привести норму, определяемую частью 1 статьи 25 Конституции Республики Беларусь: «Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом» [2, ст. 25]. Второе, отличное от охарактеризованного выше, содержание понятия «ограничение прав и свобод» трактуется более конкретно и определяется формулой «временные ограничения (приостановления)» осуществления конституционных прав и свобод в определенных обстоятельствах, под которыми понимается осуществление особого правового режима: режима чрезвычайного или военного положения.

Права и свободы личности в доктрине права иногда условно разделяют на «абсолютные» и «относительные». Н.М. Коркунов, например, под абсолютными правами человека предлагал понимать «прирожденные права, независимые от государства, являющиеся безусловными и неприкосновенным для властных структур» [3, с. 289]. Следовательно, все остальные права можно условно определить как «относительные», т.е. права, которые могут быть легально временно ограничены (приостановлены) в условиях особого правового режима.

Международно-правовые принципы, определяющие условия и пределы ограничения прав и свобод личности, впервые получили закрепление в части 2 статьи 29 Всеобщей Декларации прав человека 1948 года [4, ст. 29]. В дальнейшем более развернуты эти критерии, а также права человека, осуществление которых не может ограничиваться даже в условиях чрезвычайного и военного положения, устанавливаются в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (5, ст. 15) и в статье 4 Международного Пакта «О гражданских и политических правах» 1966 года ООН [6, ст. 4].

Следует отметить, что в международном праве существенное значение имеют документы, содержащие толкование норм универсальных международных договоров, не обладающие официальным характером, но тем не менее их дополняющие и конкретизирующие. К числу таких документов экспертного назначения в рассматриваемой нами области можно отнести «Принципы защиты прав и свобод граждан в условиях действия чрезвычайного законодательства» 1982 года, «Минимальные стандарты норм об основных пра-

вах человека при исключительном положении» 1984 года и «Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах» 1985 года.

По мнению ряда исследователей, в частности А.В. Грязнова, сформулированные в этих документах разъяснения и определения «весьма аргументированы» и должны использоваться при оценке национальных актов, закрепляющих ограничения прав и свобод личности, на предмет их соответствия международным стандартам [7, с. 38].

Так, в документе, принятом на Парижской конференции Международной ассоциации юристов в 1984 году, «Минимальные стандарты норм об основных правах человека при исключительном положении», условия ограничения или приостановки действия конституционных прав и свобод личности, установленных в нормах международно-правовых стандартов в области прав человека. Они толкуются следующим образом: чрезвычайное положение должно быть официально объявлено; введено оно может быть при «действительном» наличии критической ситуации «угрожающей жизни нации»; процедура объявления чрезвычайного положения должна быть определена конституционно и зафиксирована специальным законом еще «до объявления чрезвычайного положения»; введение режима чрезвычайного положения органом исполнительной власти должно «в кратчайшие сроки» подтверждаться законодательной властью, причем последняя должна иметь право его аннулирования и ограничения срока действия; законодательные функции в условиях особого положения должны оставаться «нетронутыми»; максимальный срок действия чрезвычайного положения (за исключением военного положения) должен быть установлен конституционно; «высшие судебные органы (органы конституционного контроля) должны обладать соответствующими полномочиями для того, чтобы решить: соответствует ли законодательство о чрезвычайном положении конституции государства; соответствует ли акт о введении чрезвычайного положения и принимаемых мерах национальному законодательству. Названные органы должны обеспечить недопустимость вторжения в сферу «абсолютных прав» граждан; орган конституционного контроля должен иметь полномочия по объявлению какой-либо чрезвычайной меры (законодательного или исполнительного характера) или какого-либо акта по их применению потерявшим и законную силу,

«если они не отвечают требованиям конституции или законодательству о чрезвычайном положении»; отмена чрезвычайного положения влечет за собой «автоматическое восстановление всех прав и свобод, которые были отменены (ограничены)» [8].

В документе под названием «Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений международного пакта о гражданских и политических правах» особо подчеркивается, что «для тех лиц, которые утверждают, что они пострадали в результате отступления от положений Пакта, которое, по их мнению не являлось необходимым в связи с остротой ситуации, государство должно обеспечить эффективные средства правовой защиты. При определении того, насколько отступление необходимо в соответствии с остротой ситуации, мнение властей страны не может считаться определяющим» [9].

Проанализируем нормы законодательства Республики Беларусь на предмет их соответствия приведенным международным стандартам.

Базовый конституционный принцип, устанавливающий основания и условия ограничения прав и свобод личности в Республике Беларусь, определен частью 1 статьи 23 Конституции: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [2, ст. 23].

Часть 2 статьи 84 Конституции Республики Беларусь, в полном соответствии с требованиями международных стандартов, устанавливает, что Президент страны «в случае стихийного бедствия, катастрофы, а также попыток насильственного изменения конституционного строя, захвата или присвоения государственной власти, вооруженного мятежа, массовых и иных беспорядков, сопровождающихся насилием либо угрозой насилия со стороны группы лиц и организаций, в результате которых возникает опасность жизни и здоровью людей, территориальной целостности и существованию государства, вводит на территории Республики Беларусь или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение с внесением в трехдневный срок принятого решения на утверждение Совета Республики» [2, ст. 84].

Новая редакция Конституции Республики Беларусь устанавливает еще одно основание для введения чрезвычайного или военного положения, определяя, что «в случае гибели Президента в результате покушения на его жизнь, совершения акта терроризма, военной агрессии, вследствие

иных действий насильственного характера... незамедлительно на основании решения Совета Безопасности в установленном порядке на территории Республики Беларусь вводится чрезвычайное или военное положение» [2, ст. 881].

Возможность в этих особых условиях ограничения, точнее приостановления действия конституционных прав и свобод личности, согласуется с конституционной нормой статьи 63 Конституции: «Осуществление предусмотренных настоящей Конституцией прав и свобод личности может быть приостановлено только в условиях чрезвычайного или военного положения в порядке и пределах, определенных Конституцией и законом. При осуществлении особых мер в период чрезвычайного положения не могут ограничиваться права, предусмотренные в статье 24, части третьей статьи 25, статьях 26, 31 Конституции» [2, ст. 63].

В целом трактование т.н. «абсолютных» прав в Конституции соответствует, за некоторым исключением, требованиям статьи 4 Международного пакта «О гражданских и политических правах» 1966 года.

Представляет интерес сопоставление т.н. «абсолютных», т.е. не подлежащих ограничению в любых условиях, прав и свобод, сформулированных международными актами и получивших закрепление в Конституции Республики Беларусь (таблица).

Международно-правовые стандарты устанавливают, как это было отмечено выше, возможность ограничения прав и свобод исключительно в законодательном и ни в каком ином порядке.

В соответствии с этим законодательство Республики Беларусь допускает возможность введения двух видов особых правовых режимов: чрезвычайное положение и военное положение. Порядок, условия и пределы ограничения или приостановления действия прав и свобод в Республике Беларусь в условиях этих правовых режимов конкретно основываются на Законе «О чрезвычайном положении» от 24 июня 2002 г. № 117-3 и Законе от 13 января 2003 г. № 185-3 «О военном положении». Под влиянием политических событий в 2021 году в данные законы были внесены существенные коррективы [10].

Основные меры по ограничению конституционных прав человека, определенные в Законе «О чрезвычайном положении»: установление ограничений на свободу передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение, а также введение особого режима въезда и выезда с нее, включая установление ограничений на въезд на указанную территорию и пре-

Таблица – «Абсолютные» права и свободы личности: международно-правовые стандарты и конституционное закрепление в Республике Беларусь

«Абсолютные» права	Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод	Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.	Конституция Республики Беларусь
Право на жизнь	Ст. 2	Ст. 6	Ст. 24
Запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания	Ст. 3	Ст. 7	Ст. 25, ч. 3
Запрещение рабства	Ст. 4, п. 1	Ст. 8, п. 1,2	–
Наказание исключительно на основании закона, действовавшего на момент совершения правонарушения	Ст. 7	Ст. 15	Ст. 26
Право на свободу мысли, совести и религии	–	Ст. 18	Ст. 31
Запрет лишения свободы на основании, что человек не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство	–	Ст. 11	–
Право на признание правосубъектности, независимо от места нахождения	–	Ст. 16	–

бывание на ней иностранных граждан и лиц без гражданства; запрещение или ограничение проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования; отложение проведения забастовок или приостановление их на территории, на которой введено чрезвычайное положение, но не более чем на трехмесячный срок; приостановление (прекращение) выпуска средств массовой информации...; ограничение доступа к интернет-ресурсам, сетевым изданиям [11, ст. 11]. В случае введения чрезвычайного положения в результате беспорядков, сопровождающихся насилием либо угрозой насилия со стороны группы лиц и организаций, в результате которых возникает опасность для жизни и здоровья людей, территориальной целостности и существования государства, закон предусматривает также: введение предварительной цензуры; приостановление деятельности политических партий и общественных организаций, преследующих политические цели; отмена проведения выборов и референдумов, т.е. ограничение избирательных прав на период действия

чрезвычайного положения, и ряд других мер [11, ст. 12–13].

Закон «О военном положении» дополняет этот список ограничений прав и свобод следующими мерами: ограничение права собственности, например, обязанность предоставлять имущество, находящееся в их собственности, необходимое властям для нужд обороны; запрет военнообязанным покидать место жительства или место пребывания без разрешения военных властей; ограничение права на получение и распространение информации путем введения военной цензуры [12, ст. 11].

Совокупность правовых актов Республики Беларусь, регулирующих режим особого правового положения в стране в форме чрезвычайного положения и военного положения, условно можно определить как «чрезвычайное законодательство» Республики Беларусь. Представляя собой систему взаимосвязанных актов, основывающихся на положениях Конституции, это законодательство является частью системы законодательства страны. Главной особенностью чрезвычайного

законодательства можно считать его исключительный характер: нормы его вступают в силу в особых исключительных обстоятельствах, носят временный характер и реализуются в соответствии со строго определенными Конституцией и законами условиями и при наличии конкретных оснований. Таким образом, как это следует из ч. 2 статьи 2 Закона «О военном положении», закрепляющей, что «если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются правила международного договора» [12, ст. 2], нормы чрезвычайного законодательства должны соответствовать международно-правовым стандартам, признанным Республикой Беларусь.

Заключение. Сопоставление норм чрезвычайного законодательства Республики Беларусь с требованиями международно-правовых стандартов в данной области свидетельствует в целом об их идентичности. Проблема, однако, заключается в том, что правоприменительная практика не всегда отвечает формальным правовым требованиям. Хотя режим чрезвычайного положения за весь период существования суверенного белорусского государства не вводился, определенные элементы этого положения, временно ограничивающие права и свободы личности, на практике находили применение. Речь идет в частности о таких мерах, как фактическое ограничение права на участие в массовых мероприятиях; временные ограничения права на получение и распространение информации путем ограничения доступа к интернет-ресурсам, введение ряда ограничительных мер в период пандемии COVID-19. Эти ограничительные меры, продиктованные соображениями политической целесообразности и требованиями обеспечения биолого-социальной безопасности в условиях пандемии, применялись без формального установления особого правового режима, что в определенном смысле создавало конституционно-правовую коллизию.

Необходимость внесения корректив в правовую регламентацию в сфере чрезвычайного законодательства выявила также пандемия COVID-19. В правовой практике РФ, например, наряду с понятием «режим чрезвычайной ситуации», в условиях противодействия пандемии, стало использоваться понятие «режим повышенной готовности», который и применялся в период пандемии COVID-19. Введение режима повышенной готовности носило предупредительный характер в условиях угрозы наступления чрезвычайной

ситуации. При этом, как отмечают российские исследователи, если понятие чрезвычайной ситуации в российском чрезвычайном законодательстве установлено, то легальное определение режима повышенной готовности и понятия «угроза чрезвычайной ситуации» отсутствует [13]. В чрезвычайном законодательстве Республики Беларусь такие понятия отсутствуют.

Можно согласиться в связи с этим с высказанной в литературе точкой зрения, что «одним из способов устранения законодательного пробела может послужить дополнение закона понятием “угроза чрезвычайной ситуации”, которую следует рассматривать как обстановку, создающую реальную опасность для жизнедеятельности (граждан) населения, их имущества и окружающей природной среды, повлекшую за собой человеческие потери, ущерб здоровью людей или окружающей среде, материальный вред. Таким образом, благодаря отличительным признакам “угроза чрезвычайной ситуации” позволит установить границы между режимами чрезвычайной ситуации и повышенной готовности» [14, с. 224].

Одним из важнейших средств защиты прав и свобод граждан является действующий в целом ряде стран принцип, определенный п. 4 статьи 5 Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод», гласящий, что «каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным» [5]. Хотя в соответствии с Конституцией Республики Беларусь «лицо, заключенное под стражу, имеет право на судебную проверку законности его задержания или ареста» [2, ст. 25], такой правовой механизм действует в стране ограниченно (при наличии жалобы лица, содержащегося под стражей [13, ст. 143–144]); принцип обязательности судебной санкции на заключение под стражу не применяется. Статья 109 Конституции Республики Беларусь запрещает образование чрезвычайных судов, следовательно, даже в условиях чрезвычайного и военного положения продолжают действовать суды общей юрисдикции. Данное положение подтверждается установлениями статьи 30 Закона «О чрезвычайном положении», в соответствии с которыми «правосудие на территории, на которой введено чрезвычайное положение, осуществляется только судом... Судопроизводство в судах осуществляется в соответствии с законодательством Респуб-

ки Беларуси, действующим на момент введения чрезвычайного положения. Образование чрезвычайных судов запрещается» [11, ст. 30]. Введение правового принципа обязательной судебной санкции на заключение под стражу в этих особых правовых условиях могло бы в большей степени обеспечить защиту граждан от незаконных или дискриминационных действий.

Решение рассмотренных в статье проблемных вопросов законодательного закрепления норм, регулирующих правоотношения в условиях особых правовых режимов, а также соответствующей правоприменительной практики, может способствовать оптимизации правового регулирования и обеспечения, пусть в ограниченном формате, прав и свобод личности.

Литература

1. Малько, А.В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики / А.В. Малько // Юрид. техника. – 2018. – № 12. – С. 238–248.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Коркунов, Н.М. Русское государственное право: в 2 т. / Н.М. Коркунов. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. Введение и общая часть. – Изд. 3-е, перераб. – 573 с.
4. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://world_of_law.pravo.by/text.asp?RN=I04800004. – Дата доступа: 13.12.2022.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm>. – Дата доступа: 15.12.2022.
6. Международный пакт по гражданским и политическим правам человека от 16.12.1966 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Грязнов, А.В. Концепция и конституционные основы института чрезвычайного положения / А.В. Грязнов // Государство и право. – 1994. – № 6. – С. 33–43.
8. Цит. по: Пчелинцев, С.В. «Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений международного пакта о гражданских и политических правах» и другие международные документы, не имеющие официального статуса: проблемы применения / С.В. Пчелинцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/20279-sirakuzskie-principy-tolkovaniya-ogranichenij-otstuplenij-polozhenij-mezhdunarodnogo>. – Дата доступа: 14.12.2022.
9. Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://european-court-help.ru/wp-content/uploads/2020/04/orendocpdf-1.pdf>. – Дата доступа: 14.12.2022.
10. Об изменении законов по вопросам защиты суверенитета и конституционного строя: Закон Республики Беларусь, 14 июля 2021 г. № 117-з // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
11. О чрезвычайном положении: Закон Респ. Беларусь, 24 июня 2002 г. № 117-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
12. О военном положении: Закон Респ. Беларусь, 13 янв. 2003 г. № 185-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
13. См.: Коновалов, А.М. Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? / А.М. Коновалов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 7. – С. 32–34.
14. Демченко, М.С. Актуальные проблемы правового регулирования в области защиты населения и территорий в чрезвычайных ситуациях / М.С. Демченко // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. – 2021. – Т. 7. – № 4(28). – С. 220–234.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, 16 июля 1999 г. № 295-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Поступила в редакцию 28.12.2022

Организационно-правовые условия осуществления инвестиционной деятельности в свободных экономических зонах Беларуси

Трацевская Л.Ф., Гайдукова Д.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В современных условиях для всех стран мира, в том числе и для Республики Беларусь, исключительное значение имеет процесс интеграции в мировое хозяйство, необходимость которой обуславливается углублением международного разделения труда, развитием общемировой инфраструктуры, переходом к новому технологическому способу производства. Инструментом, способствующим ускорению этого процесса, выступают свободные экономические зоны (СЭЗ) различных типов. Основной особенностью СЭЗ является формирование специального правового режима, предоставляемого исключительно для их участников с целью эффективной организации и стимулирования развития инвестиционной деятельности.

Цель статьи – выявление и исследование современных организационно-правовых условий осуществления инвестиционной деятельности в свободных экономических зонах Республики Беларусь.

Материал и методы. Работа осуществлялась с использованием научной и специальной литературы, аналитических материалов об инвестиционной деятельности в белорусских СЭЗ. Методологическую базу исследования составили: логико-дедуктивный метод, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез, методы группировки и сравнения.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время устойчивое социально-экономическое развитие Республики Беларусь невозможно без успешного осуществления инвестиционной деятельности и формирования благоприятного инвестиционного климата. При этом особое значение имеет привлекательность Беларуси как направления привлечения инвестиций, насколько успешно создаются необходимые для этого организационно-правовые условия. В статье проанализированы важнейшие факторы инвестиционной деятельности в рамках свободных экономических зон как эффективного инструмента привлечения инвестиций в Республику Беларусь, сделаны выводы о значимости правового регулирования этого процесса для его успешного осуществления.

Заключение. Республика Беларусь – страна, обладающая значительными возможностями для привлечения инвестиций, среди которых – ее выгодное геополитическое положение, высокая транзитивность территории, стабильное, гармонизированное с нормами международного инвестиционного права, законодательство. Тем самым созданы и совершенствуются организационно-правовые условия для формирования успешной инвестиционной стратегии. Особым инструментом в этой связи выступают свободные экономические зоны как региональные центры притяжения внешних и внутренних инвестиций.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, свободные экономические зоны, организационно-правовые условия.

Organizational and Legal Conditions for the Implementation of Investment Activities in the Free Economic Zones of Belarus

Tratsevskaya L.F., Gaidukova D.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

In modern conditions, the process of integration into the world economy is of exceptional importance for all countries of the world, including the Republic of Belarus. This necessity is conditioned by the deepening of the international division of labour, the development of global infrastructure, the transition to a new technological method of production. Free economic zones (FEZ) of various types act as a tool to accelerate this process. The main feature of the FEZ is the formation of a special legal regime provided exclusively for their participants in order to effectively organize and stimulate the development of investment activities.

The purpose of the article is to identify and study modern organizational and legal conditions for investment activities in the free economic zones of the Republic of Belarus.

Material and methods. The research was carried out using scientific and specialized literature, analytical materials on investment activities in Belarusian FEZs. The methodological basis of the study consisted of: the logical-deductive method, ascent from the abstract to the concrete, analysis and synthesis, methods of grouping and comparison.

Findings and their discussion. Currently, the sustainable social and economic development of the Republic of Belarus is impossible without the successful implementation of investment activities and the formation of a favourable investment climate. At the same time, the attractiveness of Belarus as a direction for attracting investments is of particular importance, how successfully the necessary organizational and legal conditions are created for this. The article analyses the most important factors of investment activity within the framework of free economic zones as an effective tool for attracting investments to the Republic of Belarus. Conclusions are drawn about the importance of legal regulation of this process for its successful implementation.

***Conclusion.** The Republic of Belarus is a country with significant opportunities to attract investments, among which are its favourable geopolitical position, high transitivity of the territory, stable legislation harmonised with the norms of international investment law. Thus, the organizational and legal conditions for the formation of a successful investment strategy have been created and improved. Free economic zones act as regional centers of attraction for external and internal investments.*

***Key words:** investments, investment activity, free economic zones, organizational and legal conditions*

Республика Беларусь, находясь на стадии стабилизации и модернизации своей экономики, рассматривает СЭЗ и инвестиционную деятельность в их рамках как площадку для отработки национальной экономической модели, обеспечения благоприятных условий социально-экономического развития как страны, так и ее регионов. Следовательно, роль свободных экономических зон как точек притяжения и эффективного использования в экономике нашей страны и ее регионов внешних и внутренних инвестиций в современных условиях растет.

Все возрастающая значимость СЭЗ усилила необходимость повышения эффективности управления данной сферой деятельности, важнейшим инструментом которого выступает ее правовое регулирование. Оно осуществляется государствами как коллективно (посредством разработки и применения международных правовых норм), так и индивидуально (через нормы национального законодательства), а также юридическими и физическими лицами разных стран путем заключения внешнеэкономических договоров. Международная и национальная правовая практика регулирования формирования и функционирования свободных экономических зон основывается на использовании целого ряда нормативных правовых актов как межстранового, так и внутристранового характера (конвенций, законов, указов, декретов и пр.).

Исходя из вышеизложенного, целью настоящей статьи выступает выявление и исследование современных организационно-правовых условий осуществления инвестиционной деятельности в свободных экономических зонах Республики Беларусь.

Материал и методы. Исходными материалами для исследования послужили научные и специальные литературные источники, аналитические материалы об инвестиционной деятельности в белорусских СЭЗ. Методологическую базу исследования составили: логико-дедуктивный метод, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез, метод группировки.

Результаты и их обсуждение. Испытывая необходимость в дополнительных факторах развития национальной экономики, и учитывая положительный опыт других стран, Республика Беларусь в начале 90-х годов XX века начала создавать свобод-

ные экономические зоны, зарекомендовавшие себя в мировой практике как эффективный инструмент притяжения инвестиций и активизации экспортной деятельности.

Основанием для формирования белорусских СЭЗ послужила выгодная локация страны, находящейся в центре Европы, и уникальные логистические возможности ее территории. Кроме того, особенности национальной экономики, связанные с недостаточной обеспеченностью природными ресурсами и одновременным значительным потенциалом перерабатывающей промышленности и высокой квалификацией трудовых ресурсов, прочными интеграционными связями со странами СНГ, определяют возможность ориентации производства на экспорт высокотехнологичной продукции. Все это делает Республику Беларусь весьма привлекательной для потенциальных инвесторов.

Как показало исследование, решаемые образованием СЭЗ задачи можно сгруппировать в следующие блоки:

Экономические задачи: привлечение иностранного и отечественного капитала за счет специального льготного налогообложения, стабильной законодательной базы и упрощения организационных и таможенных процедур; использование преимуществ международного разделения труда с целью расширения экспорта готовой продукции; рационализация импорта и развитие импортозамещающих производств; ликвидация монополии внешней торговли путем предоставления участникам СЭЗ равного доступа к различным формам внешнеэкономической деятельности; рост валютных поступлений в государственный и местные бюджеты.

Социальные задачи: ускорение социально-экономического развития конкретных регионов; создание рабочих мест и повышение уровня занятости населения; повышение квалификации рабочей силы за счет изучения и внедрения мирового передового опыта в производственной, управленческой и финансовой сферах; освоение менеджмента, ориентированного на мировые требования к культуре и технологии управления; удовлетворение потребностей населения в качественных товарах и услугах.

Научно-технические задачи: создание механизма трансферта передовых технологий; привлечение

зарубежных ученых и специалистов; ускорение инновационных процессов; повышение эффективности использования производственных мощностей и инфраструктуры фирм-участников свободных экономических зон.

Свободные экономические зоны как институт рыночной экономики занимают особое место в правовой системе Республики Беларусь. Законодательные основы создания, деятельности и ликвидации белорусских СЭЗ, в которых конкретизированы мотивы, принципы, цели и задачи их формирования, установлены следующими нормативными правовыми актами:

– Указом Президента Республики Беларусь от 20 марта 1996 г. № 114 «О свободных экономических зонах на территории Республики Беларусь» [1];

– Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 октября 1997 г. № 1415 «О концепции организации свободных (специальных) экономических зон на территории Республики Беларусь» [2];

– Законом Республики Беларусь «О свободных экономических зонах» от 7 декабря 1998 г. № 213-3 [3; 4];

– Указом Президента Республики Беларусь от 9 июня 2005 г. № 262 «О некоторых вопросах деятельности свободных экономических зон на территории Республики Беларусь» [5].

В соответствии с этими нормативными документами свободной экономической зоной в Республике Беларусь является часть ее территории, имеющая четко определенные административные границы и специальный правовой режим, предполагающий льготные условия для осуществления хозяйственной и иной деятельности участников СЭЗ. На территории свободной экономической зоны государство обеспечивает инвесторам защиту инвестиций, доходов и гарантирует беспрепятственное осуществление предусмотренных законодательством прав и свобод.

На сегодняшний день в Республике Беларусь функционируют шесть свободных экономических зон:

1. СЭЗ «Брест», созданная Указом Президента Республики Беларусь № 114 от 20.03.1996 г. «О свободных экономических зонах на территории Республики Беларусь» сроком на 50 лет.

2. СЭЗ «Минск», созданная Указом Президента Республики Беларусь № 93 от 2.03.1998 г. «О создании свободных экономических зон “Минск” и “Гомель-Ратон”» сроком на 30 лет.

3. СЭЗ «Гомель-Ратон», созданная Указом Президента Республики Беларусь № 93 от 2.03.1998 г.

«О создании свободных экономических зон “Минск” и “Гомель-Ратон”» сроком на 50 лет.

4. СЭЗ «Витебск», созданная Указом Президента Республики Беларусь № 458 от 4.08.1999 г. «О создании свободной экономической зоны “Витебск”» сроком на 30 лет.

5. СЭЗ «Могилев», созданная Указом Президента Республики Беларусь № 66 от 31.01.2002 г. «О создании свободной экономической зоны “Могилев”» сроком на 30 лет.

6. СЭЗ «Гродноинвест», созданная Указом Президента Республики Беларусь № 208 от 16.04.2002 г. «О создании свободной экономической зоны “Гродноинвест”» сроком на 30 лет.

Свободные экономические зоны, созданные в Республике Беларусь, располагают различным инвестиционным потенциалом, определяющим специфичность осуществляемой в них инвестиционной деятельности, о чем свидетельствуют данные таблицы.

Из таблицы следует, что привлечение иностранных инвестиций в указанные отрасли региональной экономики позволят свободным экономическим зонам Республики Беларусь решать важные задачи, стоящие перед территориями их базирования.

Так, для СЭЗ «Минск» они заключаются в развитии высокотехнологичных экспортоориентированных и импортозамещающих производств, а также расширении логистической деятельности за счет повышения загрузки аэропорта «Минск-2» и дальнейшего развития воздушного сообщения.

Для СЭЗ «Гродноинвест» и «Брест» такой задачей является внедрение в региональную экономику современных ресурсо- и энергосберегающих технологий.

Базовой задачей реализации инвестиционного потенциала СЭЗ «Гомель-Ратон» выступает вовлечение в производственную деятельность нетрадиционных ресурсов и источников энергии.

В качестве основной задачи СЭЗ «Могилев» и «Витебск» следует выделить развитие высокотехнологичных производств и обеспечение эффективного использования имеющихся логистических возможностей Витебской и Могилевской областей.

В соответствии с перечисленными выше нормативными правовыми актами специальный правовой режим СЭЗ представляет собой совокупность правовых норм, предусматривающих более благоприятные, чем общеустановленные, условия для осуществления инвестиционной и предпринимательской деятельности. Привлекательность специального правового режима в СЭЗ для потенциального инвестора заключается, пре-

Таблица – Инвестиционный потенциал СЭЗ Республики Беларусь

СЭЗ	Приоритетные направления инвестирования
1	2
Минск	<ul style="list-style-type: none"> » высокотехнологичные экспортные производства, ориентированные на выпуск конкурентоспособной продукции на внешних рынках; » освоение производства импортозамещающей продукции в соответствии с национальными приоритетами импортозамещения; » промышленность современных строительных материалов, медицинская промышленность, переработка и утилизация промышленных и бытовых отходов, развитие сектора экспортных услуг; » логистическая деятельность
Гродноинвест	<ul style="list-style-type: none"> » топливная промышленность: производство альтернативных видов топлива; » химическая и нефтехимическая промышленность: производство изделий из пластмасс, средств защиты растений, товаров бытовой химии; » производство медицинского оборудования и инструментов, металлорежущего и металлообрабатывающего оборудования, оборудования для переработки сельскохозяйственной продукции; » производство электротоваров и радиоаппаратуры; » промышленное производство строительных материалов
Гомель-Ратон	<ul style="list-style-type: none"> » продукция для целей технического переоснащения производства; » электроаппаратура; » производство электронно-гидравлических и гидравлических систем; » производство безасбестовых и фрикционных материалов и изделий для машиностроения; » компьютерная техника
Брест	<ul style="list-style-type: none"> » общественное питание; » банковская деятельность; » промышленность; » сельское хозяйство; » торговля
Могилев	<ul style="list-style-type: none"> » химическая промышленность; » машиностроение; » легкая промышленность; » приборостроение
Витебск	<ul style="list-style-type: none"> » продукция высоких технологий; » импортозамещающая и ресурсосберегающая продукция; » энергосбережение; » радиоинженерия

Примечание. Собственная разработка авторов.

жде всего, в особом режиме налогообложения – специальном порядке исчисления и уплаты налогов, сборов (пошлин).

Следует отметить, что обязательным условием применения специального правового режима является получение участниками СЭЗ сертификата продукции (работ, услуг) собственного производства. Порядок и условия отнесения продукции (работ, услуг) к продукции (работам, услугам) собственного производства определены Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1817 от 17.12.2001 г., а также Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1520 от 20.10.2010 г.

Создание четких правовых рамок образования и функционирования свободных экономических зон в Республике Беларусь способствовало формированию благоприятного инвестиционного климата для зарубежных инвесторов. Действующее законодательство Республики Беларусь устанавливает для всех белорусских СЭЗ единый специальный таможенный, регистрационный и налоговый режим, предоставляющий их резидентам возможность работать в особых льготных условиях.

Налоговые и таможенные льготы для участников белорусских СЭЗ можно рассматривать как значительное преимущество перед условиями для инвесторов вне зоны, способствуя формированию

благоприятного инвестиционного климата и налаживанию эффективной инвестиционной деятельности в государстве.

Действующее законодательство, регулирующее функционирование резидентов свободных экономических зон в рамках специального правового режима, постоянно оптимизируется. Так, с 1 января 2019 г. в Беларуси действуют новая редакция Налогового кодекса Республики Беларусь (Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2018 г. № 159-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь») и Указ Президента Республики Беларусь № 490 от 22 декабря 2018 г. «О таможенном регулировании». Этот Указ принят в целях приведения законодательства Беларуси в сфере таможенного регулирования в соответствие с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза по вопросам, отнесенным данным Кодексом к компетенции национального законодательства. Указ содержит 4 нормативных предписания и определяет 67 особенностей таможенного регулирования. В соответствии с ним участники свободных экономических зон получают возможность передачи друг другу объектов недвижимости, построенных на территории СЭЗ с использованием иностранных товаров. При этом у них отпадает необходимость декларирования и уплаты таможенных платежей, что значительно упростит взаимоотношения между резидентами в рамках свободных экономических зон.

В соответствии с данными нормативными правовыми актами для совершенствования инвестиционной деятельности в рамках СЭЗ на весь период их функционирования до 31.12.2049 г. предусматривается ряд льгот и преференций, основными из которых являются [6]:

1. Налог на прибыль:

– прибыль, полученная от реализации товаров (работ и услуг) собственного производства на экспорт или другим резидентам СЭЗ, освобождается от обложения налогом на прибыль.

2. Налог на недвижимость:

Резиденты СЭЗ освобождаются от налога на недвижимость:

– по объектам налогообложения, приобретенным в трехлетний период с даты регистрации в качестве резидента СЭЗ;

– по объектам налогообложения этим налогом, расположенным на территории соответствующих СЭЗ, независимо от направления их использования. Льгота предоставляется в квартале, если в непосредственно предшествующем ему квартале резидентом СЭЗ осуществлялась реализации товаров

(работ, услуг) собственного производства на экспорт или другим резидентам СЭЗ.

3. Земельный налог (арендная плата за землю):

Освобождаются от земельного налога (арендной платы) за земельные участки резидентов СЭЗ, расположенные в границах СЭЗ:

– предоставленные им после регистрации в качестве резидентов СЭЗ для строительства объектов, но не более пяти лет с даты регистрации в качестве резидента СЭЗ;

– независимо от их целевого назначения. Льгота предоставляется в квартале, если в непосредственно предшествующем ему квартале резидентом СЭЗ осуществлялась реализация товаров (работ, услуг) собственного производства на экспорт или другим резидентам СЭЗ.

4. Таможенные платежи (ввозная таможенная пошлина и НДС, взимаемый таможенными органами):

Резиденты СЭЗ не уплачивают таможенные платежи:

– при ввозе в свободную таможенную зону (определяется по заявлению предприятия-резидента) для целей реализации заявленного инвестиционного проекта строительных материалов, оборудования, а также сырья, материалов и комплектующих для производства продукции;

– при вывозе за пределы таможенной территории ЕАЭС иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, в неизменном состоянии, а также произведенной с использованием иностранного сырья (материалов, комплектующих) продукции;

– НДС, взимаемый таможенными органами, при вывозе на таможенную территорию ЕАЭС продукции, произведенной с использованием иностранных товаров (сырья, материалов, комплектующих), помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны.

Таможенные платежи уплачиваются при вывозе на таможенную территорию ЕАЭС иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, в неизменном состоянии, а также продукции, произведенной с использованием иностранных товаров (сырья, материалов, комплектующих).

5. Иные льготы и преференции для бизнеса:

Резиденты СЭЗ освобождаются от:

– платы за право заключения договора аренды земельного участка, предоставляемого для строительства и обслуживания объектов недвижимого имущества в границах СЭЗ;

– пошлины за выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства, привлекаемым для реализа-

ции инвестиционного проекта на территории СЭЗ, специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь. Особенно актуальны эти льготы иностранным инвесторам.

Резиденты СЭЗ не осуществляют компенсационные посадки и компенсационные выплаты стоимости удаляемых, пересаживаемых объектов растительного мира при строительстве в границах СЭЗ объектов, предусмотренных в инвестиционном проекте, с правом удаления, пересадки объектов растительного мира.

В то же время осуществление отдельных видов деятельности на территории СЭЗ запрещено. Согласно Закону № 213-З, нормам Положений о СЭЗ и Договора о ЕАЭС к ним относятся [6]:

- » производство, хранение, реализация, ремонт оружия, его составных частей и компонентов, боеприпасов к оружию, взрывных устройств, а также производство, хранение, реализация взрывчатых веществ;
- » производство, переработка, хранение, обезвреживание, реализация радиоактивных и иных опасных материалов;
- » оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров;
- » посев, выращивание, переработка, хранение, реализация культур, содержащих ядовитые вещества;
- » производство алкогольных напитков, за исключением шампанского, виноградных вин и пива;
- » производство табачных изделий;
- » изготовление ценных бумаг, денежных знаков и монет, почтовых марок;
- » лотерейная деятельность;
- » подготовка и трансляция радио- и телепередач, за исключением технического обслуживания радио и телевидения;
- » лечение лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для здоровья населения;
- » лечение животных с особо опасными заболеваниями;
- » деятельность, связанная с трудоустройством граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, за границей.

На резидентов СЭЗ распространяются гарантии прав инвесторов и защиты инвестиций, предусмотренные белорусским законодательством в инвестиционной сфере.

Так, согласно Закону Республики Беларусь № 53-З «Об инвестициях» [7] после уплаты установленных налогов, сборов (пошлин) и иных обя-

зательных платежей в бюджет иностранным инвесторам гарантируется беспрепятственный перевод за пределы Республики Беларусь прибыли (доходов) и иных правомерно полученных денежных средств, связанных с осуществлением инвестиций на территории Республики Беларусь, а также платежей, производимых в пользу иностранного инвестора и связанных с осуществлением инвестиций, в том числе:

- » денежных средств, полученных иностранными инвесторами после частичного или полного прекращения осуществления инвестиций на территории Республики Беларусь, включая денежные средства, полученные иностранными инвесторами в результате отчуждения инвестиций, а также образуемого в результате осуществления инвестиций имущества, иных объектов гражданских прав;
- » денежных средств, причитающихся в счет выплаты заработной платы иностранным гражданам и лицам без гражданства, осуществляющим трудовую деятельность по трудовому договору;
- » денежных средств, причитающихся иностранным инвесторам согласно судебному постановлению.

Государство гарантирует защиту инвестиций в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь. Согласно данным гарантиям имущество, являющееся инвестициями или образуемое в результате осуществления инвестиций, не может быть безвозмездно национализировано или реквизировано.

Национализация возможна лишь по мотивам общественной необходимости со своевременной и полной компенсацией стоимости национализированного инвестиционного имущества и других убытков, причиняемых национализацией.

Реквизиция возможна только в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, в интересах общества по решению государственных органов в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой инвестору компенсации стоимости реквизированного имущества.

Компенсация стоимости национализированного или реквизированного инвестиционного имущества иностранному инвестору выплачивается по выбору иностранного инвестора в белорусских рублях или в иностранной валюте в государство, указанное иностранным инвестором, если такой перевод не противоречит международным обязательствам Республики Беларусь. Размер компенсации стоимости национализированного или реквизированного

инвестиционного имущества может быть обжалован инвестором в суде.

Таким образом, в ходе исследования удалось установить, что создание СЭЗ на территории регионов Республике Беларусь, с одной стороны, позволяет решать социально-экономические проблемы их развития, а с другой – обеспечивает решение общегосударственных задач (привлечение в страну иностранных инвестиций и отечественных инвестиций в различных формах).

Функционирование белорусских СЭЗ и их резидентов регламентируется рядом специально разработанных нормативных правовых актов, регулирующее воздействие которых, по нашему мнению, направлено на совершенствование их деятельности, переход к устойчивому развитию, повышение роли СЭЗ как в экономике регионов базирования, так и в экономике страны в целом.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В современных условиях для устойчивого социально-экономического развития Республике Беларусь необходимо обеспечить приток внешних и внутренних инвестиций как в национальную экономику, так и в экономики своих регионов. Инструментом активизации этого процесса выступает формирование и правовое регулирование функционирования свободных экономических зон, состоящее в создании и применении соответствующих нормативно-правовых актов.

2. Свободная экономическая зона в трактовке законодательства Республики Беларусь – это часть территории государства, обладающая различной степенью обособленности от национального экономического пространства, где на основе действия рыночных отношений применяется определенная система льгот и стимулов для отечественных и зарубежных инвесторов, позволяющая в соответствии с определенным типом СЭЗ и региональными условиями и особенностями ее базирования привлекать инвестиционные ресурсы, производить и реализовывать конкурентоспособную продукцию.

3. Для организации СЭЗ в Беларуси национальным законодательством предусматриваются два принципиально различных пути: территориальный (в качестве СЭЗ рассматривается конкретная территория с льготным режимом регулирования предпринимательской (хозяйственной деятельности) и режимный (зона рассматривается как конкретная комплексная организация, которой предоставлены определенные налоговые и иные преимущества).

4. Законодательство Республики Беларусь предполагает установление особого правового

режима, наиболее благоприятного для деятельности иностранных и отечественных предпринимателей, для привлечения внешних и внутренних инвестиций. Этот режим предусматривает особые льготы для осуществления торговых операций, налоговые льготы, финансовые льготы на предоставление коммунальных и иных услуг и административные льготы, облегчающие таможенные процедуры, регистрацию предприятий и т.д.

Государственное правовое регулирование деятельности свободных экономических зон Беларуси обеспечивает надежный контроль над выполнением ими своих обязательств перед иностранными и отечественными инвесторами и создает для них благоприятную правовую и экономическую среду.

Литература

1. О свободных экономических зонах на территории Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 20 марта 1996 г. № 114 // *Збор указаў Прэзідэнта і пастановаў Каб. Міністраў Рэсп. Беларусь*. – 1996. – № 20. – С. 43–45.

2. О концепции организации свободных (специальных) экономических зон на территории Республики Беларусь: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 окт. 1997 г. № 1415 // *Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь*. – 2001. – № 5/7330. – С. 43–45.

3. О свободных экономических зонах: Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 213-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21400137&p1=1&p5=0 (дата обращения: 1.12.2022).

4. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О свободных экономических зонах»: Закон Республики Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 448-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21400137&p1=1&p5=0 (дата обращения: 14.12.2022).

5. О некоторых вопросах деятельности свободных экономических зон на территории Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 9 июня 2005 г. № 262 (с изм. и доп. Указа Президента Респ. Беларусь от 15 июля 2009 г.) // *Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь*. – 2005. – № 92, 1/6516. – С. 19–21.

6. Трацевская, Л.Ф. Правовые особенности предпринимательской деятельности в свободных экономических зонах Республики Беларусь / Л.Ф. Трацевская // *Актуальные проблемы профессионального образования в Республике Беларусь и за рубежом: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 17 дек. 2021 г. / Витеб. филиал УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»*; редкол.: А.Л. Дединкин (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2021. – С. 89–91. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/30612/89-91.pdf> (дата обращения: 28.12.2022).

7. Об инвестициях: Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 53-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21400137&p1=1&p5=0 (дата обращения: 14.12.2022).

Поступила редакцию 17.01.2023

Недобросовестное использование объектов промышленной собственности в сети Интернет. Часть 1

Козловская В.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Исследуется проблема недобросовестности при использовании объектов промышленной собственности в сети Интернет. Выявлены доктринальные подходы к определению понятия «добросовестность».

Цель статьи – выделить критерии недобросовестного использования объектов промышленной собственности в сети Интернет, определить гражданско-правовые последствия такого использования.

Материалы и методы. *Материалами для исследования выступили нормы гражданского права, регулирующие общественные отношения в сфере использования объектов промышленной собственности, научные публикации по теме исследования, а также материалы обобщения судебной практики. Методологическая основа статьи – анализ и синтез, абстрагирование, системно-структурный подход, метод толкования правовых норм, формально-юридический, сравнительно-правовой.*

Результаты и их обсуждение. *В научных публикациях добросовестность участников гражданских правоотношений принято рассматривать с объективной и субъективной точек зрения. На деле такой подход оказывается совершенно недостаточным для того, чтобы описать всю многогранность и многозначность рассматриваемого явления. Кроме того, ввиду своей смысловой парности категории «добросовестность» и «недобросовестность» обречены на постоянное сопоставление их между собой, поиск различающих их критериев и прочих разграничений, помогающих уяснить истинное содержание этих понятий.*

Заключение. *Применительно к ситуациям использования объектов промышленной собственности в сети Интернет проблема недобросовестного поведения рассмотрена в ракурсе несоответствия недобросовестности и незаконности использования таких объектов. Выявлено различие между недобросовестным и незаконным использованием объектов промышленной собственности в Интернете, состоящее в том, что недобросовестное использование объектов промышленной собственности не нарушает закон, но может быть неэтичным и ненадлежащим.*

Ключевые слова: *добросовестность, принцип права, недобросовестное использование объектов промышленной собственности, сеть Интернет, нарушение исключительных прав, незаконное использование, недобросовестная конкуренция, правонарушение, гражданско-правовые последствия.*

Dishonest Use of Industrial Property Objects on the Internet. Part 1

Kozlovskaya V.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The problem of dishonesty in the use of industrial property on the Internet is investigated in the paper. Doctrinal approaches to defining the concept of 'good faith' have been identified.

The purpose of the study is to highlight the criteria for the unfair use of industrial property on the Internet and to determine the civil law consequences of such use.

Materials and methods. *The materials for the paper were the norms of civil law regulating public relations in the field of the use of industrial property objects, scientific publications on the subject of the study, as well as materials summarizing judicial practice. The research methods were analysis and synthesis, abstraction, system-structural approach, method of interpretation of legal norms, formal legal, comparative legal.*

Findings and their discussion. *The good faith of participants in civil legal relations is usually considered from an objective and subjective point of view in scientific publications. In fact, such approach turns out to be completely insufficient in order to describe all the versatility and ambiguity of the phenomenon under consideration. The categories of "good faith" and "bad faith" are doomed to constantly being compared with each other. The search for criteria distinguishing them and other distinctions that help to understand the true content of these concepts, takes place.*

Conclusion. *The problem of unfair behavior is considered from the perspective of the discrepancy between dishonesty and illegality of using such objects in relation to situations of using industrial property objects on the Internet. The difference between unfair and illegal use of industrial property objects on the Internet is revealed. It means that unfair use of industrial property objects does not violate law but can be unethical and improper.*

Key words: *good faith, the principle of law, unfair use of industrial property, the Internet, violation of exclusive rights, illegal use, unfair competition, civil-legal consequences.*

Одним из принципов гражданского законодательства Республики Беларусь является принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений. Согласно абз. 8 ч. 2 ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК)

«добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается, поскольку не установлено иное» [1]. В указанной норме-принципе речь идет о презумпции добросовестности и разумности лиц, участвующих

в гражданских правоотношениях, однако критерии добросовестности не называются. В научных публикациях исследованию категории «добросовестность» уделено значительное внимание, но нет ясности по вопросу о содержании этого понятия. Отсутствует четкое понимание того, что следует считать недобросовестностью участников гражданских правоотношений в каждой конкретной ситуации, и каковы последствия такого ненадлежащего поведения. Кроме того, в случае с использованием объектов промышленной собственности в сети Интернет (далее – Интернет, Сеть) указанные обстоятельства осложнены особенностями отношений, складывающихся по данному поводу в Сети.

Цель работы – выделить критерии недобросовестного использования объектов промышленной собственности в Интернете, определить гражданско-правовые последствия такого использования.

Материал и методы. Материалы исследования – нормы гражданского права, регулирующие общественные отношения в сфере использования объектов промышленной собственности, научные публикации по теме исследования, а также материалы обобщения судебной практики.

Результаты и их обсуждение. Понятие «добросовестность» рассматривается в доктрине гражданского права традиционно в двух аспектах: различают добросовестность в объективном и субъективном смыслах. Проведя аналогию с пониманием права в объективном и субъективном смыслах можно сказать, что «субъективная» добросовестность связана с субъектом права, является неким присущим ему признаком. В противоположность этому объективное понимание добросовестности сводится к следующему. Добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений возведены в категории не только принципа гражданского права, но и правовой презумпции и закреплены как стандарт, образец социально ожидаемого поведения в норме абз. 8 ч. 2 ст. 2 ГК [1]. Таким образом, объективная добросовестность имеет место в случае, когда поведение субъекта права соответствует этому стандарту.

Если вспомнить о том, что под презумпцией в праве понимается «предположение, которое признается достоверным, пока не будет доказано обратное» [2, с. 391], то всякий раз, когда возникают сомнения в добросовестности лица, мы обязаны считать данное лицо действующим добросовестно, пока не доказано обратное. Эта обязанность существует в силу объективной нормы-принципа о добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений [1]. Однако в силу того,

что обратное может быть доказано, то в каждом конкретном случае поведение субъектов правоотношения подлежит правовой оценке, в том числе и с точки зрения добросовестности. Это дает основание говорить о добросовестности как об оценочной категории. «Критерии добросовестности и разумности являются оценочными критериями, – отмечает Н.Л. Бондаренко, – предназначенными для оценки, главным образом, психологической стороны поведения участников гражданских правоотношений» [3, с. 89]. Это мнение поддерживается Ю.А. Амелечной, по утверждению которой «оценку добросовестности следует осуществлять применительно к каждому конкретному случаю с учетом фактических обстоятельств» [4, с. 118]. Приведенные умозаключения можно дополнить замечанием М.В. Демьяновой о том, что «оценка поведения на соответствие принципу добросовестности должна осуществляться...вне зависимости от мотивов добросовестного или недобросовестного поведения субъекта» [5, с. 9].

Для того чтобы можно было понять, действовало ли лицо добросовестно или нет, в ряде случаев законодательство предусматривает оговорки, указывающие на признаки недобросовестности лица. Приведем примеры таких норм. Так, в ст. 62 ГК «обозначено следующее: «Лицо, которому было передано имущество, считается недобросовестным, если оно знало или должно было знать о намерении юридического лица скрыть это имущество от кредиторов» (здесь и далее курсив наш. – В.К.) [1]. В соответствии с частью третьей п. 1 ст. 172 ГК «дееспособная сторона обязана, кроме того, возместить другой стороне понесенный ею реальный ущерб, если дееспособная сторона знала или должна была знать о недееспособности другой стороны» [1].

Все же невозможно предусмотреть в законе все случаи проявления добросовестности либо недобросовестности участников правоотношений. Неизбежно возникновение новых ситуаций, в которых правоприменительным органам придется давать оценку действиям участников правоотношений, ориентируясь на имеющиеся представления о добросовестности и о том, что должно. Это тем более характерно для случаев возникновения отношений по поводу объектов промышленной собственности, используемых третьими лицами в Интернете. Недобросовестность поведения таких субъектов вероятно ввиду относительной легкости безнаказанного использования в Сети чужих результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Таким образом, декларируемая на уровне закона в форме нормы-принципа и пра-

вовой презумпции добросовестность поведения субъектов права в каждой индивидуальном случае вынуждена подвергаться оценке, превращаясь в субъективное явление и непостоянную величину.

Проблема многозначности термина «добросовестность» неоднократно затрагивалась в научных публикациях [3–8]. К настоящему моменту обоснована необходимость различать добросовестность как принцип гражданского права, как правовую презумпцию (добросовестность в объективном значении) и добросовестное поведение субъектов гражданских правоотношений (субъективный аспект добросовестности) [6, с. 91; 7, с. 78–82]. Высказывается и более радикальное мнение, согласно которому принцип добросовестности связан с «субъективной» добросовестностью не больше, чем с любыми другими институтами гражданского права [7, с. 78].

К.В. Нам отмечает: «Эти две категории [добросовестность как принцип гражданского права и “субъективная” добросовестность], несмотря на их терминологическую идентичность, представляют собой различные самостоятельные правовые явления. И различие между ними состоит не только в том, что первое отнесено к принципам гражданского права и применимо ко всем гражданско-правовым отношениям, а второе является частным случаем юридической квалификации определенных фактических обстоятельств. У них различные цели и задачи, различные функции, не говоря уже о различии в механизмах правового регулирования» [7, с. 78]. На различие между понятиями добросовестности как правовой презумпции и добросовестности как принципа права обращает внимание в одной из своих работ Н.Л. Бондаренко [3, с. 91].

Приведенные мнения не лишены резона, тем не менее нам более близка позиция Ю.А. Амельчени, в рамках которой объективная и субъективная составляющие понятия «добросовестность» сосуществуют, дополняя друг друга. В частности, автор отмечает следующее: «Тест добросовестности и разумности в гражданских отношениях базируется на нормах-принципах Гражданского кодекса Республики Беларусь, презюмирующих добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений, поскольку не установлено иное, а также на оценке фактических обстоятельств в процессе правоприменения» [4, с. 118–119].

«Под добросовестностью в субъективном смысле, – пишет К.В. Нам, – понимается извинительное незнание лицом определенных фактов, имеющих юридическое значение» [7, с. 78]. По мнению М.В. Цветковой, «добросовестность – это извини-

тельное незнание факта, препятствующего возникновению права (например, в случае приобретательной давности)» [9, с. 49].

Субъективную составляющую в понятии добросовестности выделяют Е.В. Богданов, К.И. Скловский [10, с. 12; 10, с. 81]. По замечанию Е.В. Богданова, добросовестность представляет собой «субъективную сторону их [участников гражданских правоотношений] поведения, когда они не знали и не могли знать о правах третьих лиц на соответствующее имущество или иной своей неуправомоченности» [10, с. 12]. «Добросовестность как состояние воли лица, которое характеризуется извинительным незнанием объективных препятствий к достижению преследуемой им юридической цели, прежде всего приобретению частного права», – определяет К.И. Скловский [11, с. 81].

Несколько в ином ключе формулирует субъективное понимание добросовестности Т.В. Дерюгина. В частности она отмечает: «Добросовестность – это способность человека осуществлять нравственный самоконтроль с позиции своего поведения требованиям нравственности и права. Для добросовестного субъекта не требуется, чтобы он осознавал или предвидел любые неблагоприятные для других лиц последствия, принцип добросовестности, в первую очередь, должен быть направлен на осознание собственного положительного поведения» [12, с. 32]. Подобная точка зрения опровергается М.К. Сулейменовым, по мнению которого «добросовестность в субъективном смысле определяется не честным образом мыслей как таковым, а знанием или незнанием фактов» [13, с. 32].

На наш взгляд, при всей справедливости вышеприведенных высказываний для полноты отражения сущности понятия субъективной добросовестности следует отметить, что добросовестность предполагает: во-первых, незнание лицом о наличии важных юридических фактов, например, обстоятельств, препятствующих заключению сделки, законной реализации права или осуществлению обязанности, а во-вторых, деяние (действие или бездействие), соответствующее по своему характеру состоянию такой искренней неосведомленности. По нашему мнению, добросовестность в субъективном смысле – это целостное и добропорядочное поведение, при котором субъекты правоотношений используют правильные процессы и правила, которые предусматривают уважение к правам других лиц, а также к принятым моральным и этическим нормам.

В противоположность этому можно говорить о субъективном понимании недобросовестности участников гражданских правоотношений как:

о состоянии осведомленности указанных лиц об обстоятельствах, имеющих юридическое значение и препятствующих нормальному гражданскому обороту, и 2) одновременном осознанном совершении поступков вопреки этому знанию.

Описанный выше подход в определении парных юридических категорий добросовестности и недобросовестности нашел отражение в законодательстве Республики Беларусь. В частности, в нормах ГК, в которых в качестве критериев добросовестности или недобросовестности поведения субъектов права употребляются словосочетания «не знал и не должен был знать» или «знал или должен был знать», соответственно. Кроме того, в ряде случаев в законе обозначены и юридические последствия недобросовестного поведения лиц.

Например, согласно части второй п. 2 ст. 429 ГК «условие договора о том, что риск случайной гибели или случайного повреждения товара переходит на покупателя с момента сдачи товара первому перевозчику, по требованию покупателя может быть признано судом недействительным, если в момент заключения договора продавец знал или должен был знать [то есть констатируется недобросовестность продавца], что товар утрачен или поврежден, и не сообщил об этом покупателю» [1]. И пример обратной ситуации – статья 793 ГК гласит: «Поклажедатель обязан возместить хранителю убытки, причиненные свойствами сданной на хранение вещи, если хранитель, принимая вещь на хранение, не знал и не должен был знать об этих свойствах» [1].

Более развернутый перечень критериев недобросовестности приводится на уровне обобщения судебной практики по категориям дел, связанных с правом собственности на жилые помещения [14]. Согласно части второй п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 2 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с правом собственности на жилые помещения» «если судом будет установлено, что приобретатель знал или должен был знать о наличии препятствий к заключению сделки с жилым помещением, о претензиях на него других лиц, не участвующих в сделке, но действовал умышленно либо не проявил той степени заботливости, осмотрительности, которая требовалась от него по характеру обязательств и условиям гражданского оборота, то эти обстоятельства могут свидетельствовать о недобросовестности приобретателя и повлечь истребование от него жилого помещения» [14]. В данном случае в качестве дополнительного признака недобросо-

вестности лица упомянуты действия, совершаемые им «умышленно» либо без проявления «той степени заботливости, осмотрительности, которая требовалась от него по характеру обязательств и условиям гражданского оборота» [14].

Если такой подход правоприменителя перенести на сферу отношений, связанных с использованием объектов промышленной собственности в Интернете, можно сказать, что критериями (индикаторами) недобросовестного поведения являются следующие факты:

– лицо, использующее объект промышленной собственности в Сети, знало или должно было знать о том, что оно либо не вправе его использовать подобным образом, либо такое использование неэтично, то есть не соответствует интересам правообладателя, может повредить его интересам;

– лицо действовало умышленно либо не проявило той степени заботливости, осмотрительности, которая требовалась от него по условиям гражданского оборота.

Следовательно, недобросовестным должен признаваться не просто тот пользователь Сети, который знал или должен был знать о наличии важных жизненных обстоятельств, препятствующих использованию объекта промышленной собственности в Интернете, а тот, кто действовал умышленно либо допустил совершение поступка вопреки такому знанию.

Продолжая сравнительную характеристику рассматриваемых парных категорий, отметим, что если добросовестность понимается как поведение участников гражданских правоотношений, характеризующееся такими признаками, как соответствие «требованиям морали и нравственности» [9, с. 49], совершение действий «без намерения причинить вред другим лицам» [15, с. 8], то противоположную по смыслу категорию недобросовестность можно обозначить как «заведомо нечестное, непорядочное поведение» [16], осуществляемое без учета вышеуказанных обстоятельств.

В области использования объектов промышленной собственности это может проявиться в следующем. Согласно п. 12 Методических рекомендаций по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства в части недобросовестной конкуренции, утвержденных Приказом Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 18 декабря 2020 г. № 235 «к недобросовестным действиям, противоречащим требованиям добросовестности и разумности, следует относить в том числе действия, связанные со сферой исключитель-

ных прав на средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг (далее – средства индивидуализации), сущность которых состоит в злоупотреблении правом. Так, приобретение и использование хозяйствующим субъектом исключительного права на товарный знак, ранее уже широко используемый конкурентами для индивидуализации производимых товаров, но не зарегистрированный в установленном законодательством порядке, являются действием недобросовестным, неразумным и подлежат квалификации как акт недобросовестной конкуренции» [17].

Еще одним проявлением недобросовестного поведения в Сети является ситуация, когда в качестве доменного имени или элемента доменного имени третьим лицом используется какое-либо обозначение, зарегистрированное в качестве товарного знака и начинающее быть узнаваемым. Как правило, до этого момента владелец обозначения, зарегистрированного в качестве товарного знака и (или) фирменного наименования, не заботится о регистрации своего доменного имени, аналогичного своим средствам индивидуализации. Но как только он решает организовать интернет-страницу, выясняется, что одноименный домен уже занят и администрируется другим лицом.

Если на сайте, поименованном спорным доменным именем, предлагаются к продаже товары, однородные с теми, для которых был зарегистрирован товарный знак, то очевидно, что имеет место правонарушение, заключающееся в незаконном использовании третьим лицом обозначения, зарегистрированного в качестве товарного знака. Подобные действия запрещены пунктом 2 ст. 1019 ГК и пунктом 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее – Закон о товарных знаках) и квалифицируются как нарушение исключительного права на товарный знак (пункт 3 ст. 3 Закона о товарных знаках) [1, с. 18]. В таком случае не имеет особого смысла устанавливать факт недобросовестного поведения, поскольку любая недобропорядочность со стороны третьего лица поглощается незаконностью его поведения.

Однако как быть в ситуации, когда подобный сайт вовсе не содержит никакой коммерческой информации – ни рекламы, ни средств индивидуализации, – а, например, используется для размещения автобиографии, личного фотоальбома лица, зарегистрировавшего доменное имя? Похожее положение дел имеет место в социальных сетях, когда для привлечения внимания к своему аккаунту лицо недобросовестно использует общеизвестное обозначение, не имея никакого отношения к производству

и продаже товаров, реализуемых под этим знаком. Проведя небольшой эксперимент, легко убедиться, что известнейший товарный знак автомобильного концерна «BMW» задействован в названиях около 70 аккаунтов в социальной сети Instagram. В то же время верифицированными (прошедшими проверку и получившими удостоверение подлинности) аккаунтами, непосредственно связанными с рекламой и продажей оригинальных товаров под указанным товарным знаком, являются всего 8 из них.

Существование подобной интернет-страницы по формальным признакам (*de jure*) не должно угрожать интересам обладателя исключительных прав на средства индивидуализации. В пользу этого утверждения всегда можно привести следующий аргумент: пользователи социальных сетей и Интернета в целом, зайдя на соответствующую страницу, смогут убедиться в том, что данный ресурс не имеет непосредственного (никакого) отношения к известному бренду, и проблема будет исчерпана. Но в качестве контраргумента можно сказать, что большинство пользователей Сети смогут это понять, только если владелец аккаунта точно, четко, однозначно указал на отсутствие какой бы то ни было связи между своим аккаунтом и производителем товаров, работ, услуг, реализуемых под известным товарным знаком «BMW». В таком случае возникает резонный вопрос: зачем же он тогда обозначает свой Instagram-аккаунт этим знаком?

Ответить на него можно следующим образом: *de facto* доменное имя, название аккаунта в социальных сетях или прочие способы адресации, будучи узнаваемыми словами, символами и обозначениями, вызывают определенные положительные ассоциации с известными торговыми марками и привлекают внимание к этому ресурсу именно тех пользователей Сети, которые, возможно, никогда не обратились к нему, если бы не был использован такой узнаваемый элемент.

Следует сделать акцент на том, что в подобных случаях лицо, задействующее чужой товарный знак для привлечения внимания к своему интернет-ресурсу, и владельца товарного знака нельзя признать конкурентами, поскольку в упомянутой ситуации отсутствуют критерии недобросовестной конкуренции, обозначенные в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [19]. В результате получается, что, не являясь конкурентом на товарном рынке и формально не нарушая исключительных прав, владелец подобного – некоммерческого – ресурса в Сети пользуется чужой популярностью, узнаваемостью и дело-

вой репутацией, самостоятельно не создав ничего нового и примечательного. При этом такое лицо не воздаст должного – ни в материальном, ни в этическом смысле – владельцам тех обозначений, узнаваемость и популярность которых формировалась годами путем вложения в это дело значительных временных и трудовых ресурсов.

На вопрос о том, знало ли лицо, использовавшее не принадлежащий ему популярный товарный знак в Сети, что исключительное право на это обозначение принадлежит не ему и что использование объектов исключительных прав допустимо только с согласия их правообладателей, следует ответить утвердительно – знало или должно было знать в силу презумпции знания закона всеми. И тем не менее совершило (допустило) эти действия вопреки интересам правообладателей и в угоду своим интересам, следовательно, поступило нечестно, неправомерно, недобросовестно.

Данная ситуация иллюстрирует, что недобросовестность поведения вовсе не предполагает его незаконности. В каких случаях можно говорить о незаконности использования объектов промышленной собственности в Сети? Во-первых, когда совершаются действия, представляющие нарушение исключительных прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете, а во-вторых, при осуществлении действий, охватываемых категорией «недобросовестная конкуренция». Первый и второй случаи являются разновидностями гражданско-правового деликта и влекут наступление гражданско-правовой ответственности для виновного лица. Но ни та, ни другая квалификации не подходят для описанной ситуации.

По мнению К.И. Скловского, «наряду с поведением правомерным и противоправным (деликтами) теперь квалифицируется также поведение недобросовестное, т.е. внешне правомерное, однако неодобряемое правом и влекущее различные негативные последствия для недобросовестного лица – весьма разнообразные, но в целом отличные от ответственности за правонарушение, хотя в некоторых крайних случаях и сопоставимые с ней» [20].

Самым крайним проявлением недобросовестного поведения является правонарушение, выражающееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении договорного обязательства или деликте, и влекущее наступление гражданско-правовой ответственности. Вероятно, по этой причине недобросовестность в гражданском праве отождествляют либо с виновностью, либо с правонарушением [12, с. 33]. Однако понятие недобросовестности виновностью не исчерпывается. Недобросовест-

ное поведение может быть виновным и все же «недобросовестность», «виновность» и «правонарушение» – не всегда совпадающие понятия.

По этому поводу В.И. Емельянов отмечает: «...в гражданско-правовых отношениях имеет место немало случаев совершения действий, которые не являются нарушением обязательства или деликтом, но для которых тем не менее целесообразно установление негативных юридических последствий, если эти действия совершаются с осознанием вероятности причинения вреда другому лицу или неоправданным непредвидением ее. Такие действия не подпадают под правила об ответственности, но затрагивают интересы других лиц и поэтому требуют закрепления в законе специальных последствий их совершения. В этих случаях и возникает необходимость использования понятия “недобросовестность”, которое, будучи более широким, чем виновность, охватывает эти действия» [21].

Закключение. Таким образом, налицо многозначность термина «добросовестность», когда под одним и тем же названием фигурируют различные правовые явления: это и один из принципов гражданского права, и правовая презумпция, и извинительное незнание лица о фактах, и поведение субъектов права, характеризующееся различными признаками, а также состояние воли лица и прочее. «Добросовестность в гражданском праве – отмечается в одной из публикаций, – принцип, презумпция, характеристика юридически значимого действия (или же деятельности), характеристика непосредственно субъекта гражданско-правовых отношений. Кроме того, добросовестность является пределом осуществления и защиты субъективных гражданских прав, выход за пределы которого может повлечь за собой нарушение прав и свобод граждан и организаций, а значит и определенные юридические последствия» [22, с. 112].

В то же время недобросовестное поведение обозначается нами как нечетное, неэтичное и осуществляемое вопреки чужим интересам. Под недобросовестным использованием объектов промышленной собственности в Интернете предлагаем понимать такое использование, при котором лицо, его осуществляющее, знало или должно было знать о наличии важных жизненных обстоятельств, препятствующих этичному использованию объекта промышленной собственности в Интернете, но действовало умышленно либо допустило совершение поступка вопреки такому знанию.

Недобросовестное использование объектов промышленной собственности в Интернете включает их использование без должного уважения и компен-

сации правообладателю. Важно помнить, что недобросовестное использование объектов промышленной собственности в Сети не обязательно нарушает закон (подобные ситуации были нами рассмотрены в рамках данной публикации), однако оно все равно может считаться ненадлежащим и неэтичным. О том, какими могут быть последствия такого поведения, речь пойдет в продолжении данной статьи.

Продолжение – в следующем номере.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г. № 218-З; принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 3 янв. 2023 г. № 240-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Общая теория права: учеб.-метод. комплекс для студ. юрид. спец. и слушателей переподготовки спец. «Правоведение» / сост. и общ. ред. А.Н. Пугачева. – 2-е изд., с изм. – Новополюк: ПГУ, 2007. – 424 с.
3. Бондаренко, Н.Л. О месте принципа добросовестности и разумности в системе принципов гражданского права / Н.Л. Бондаренко // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. – 2013. – № 1(34). – С. 89–93.
4. Амелъчяня, Ю.А. Проблема обеспечения добросовестного поведения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в контексте цифровизации осуществления государственных закупок / Ю.А. Амелъчяня // Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь под влиянием цифровизации / Ю.А. Амелъчяня [и др.]; под ред. О.А. Бакинской. – Минск: Колоград, 2021. – Раздел II. Гл. 3. – С. 116–131.
5. Демьянова, М.В. Принцип добросовестности в корпоративном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.В. Демьянова; ФГБОУ ВО Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова. – М., 2022. – 27 с.
6. Гаврилов, Ю.В. Значение принципа добросовестности в системе принципов российского гражданского права / Ю.В. Гаврилов // Вестн. Балт. фед. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманит. и обществ. науки. – 2015. – № 9. – С. 86–93.
7. Нам, К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины / К.В. Нам // Вестн. гражд. права. – 2017. – № 6. – С. 74–88.
8. Нам, К.В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта [Электронный ресурс]: резюме дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / К.В. Нам; ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М., 2021. – 45 с. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – 2023. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2021/01/18/1343838671/Нам%20К.В._Резюме.pdf. – Дата доступа: 17.01.2023.
9. Цветкова, М.В. Гражданско-правовая защита прав на средства индивидуализации от недобросовестной конкуренции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.В. Цветкова. – М., 2011. – 197 с.
10. Богданов, Е.В. Категория «добросовестности» в гражданском праве / Е.В. Богданов // Рос. юстиция. – 1999. – № 9. – С. 12–14.
11. Скловский, К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России / К.И. Скловский // Хозяйство и право. – 2002. – № 9. – С. 79–94.
12. Дерюгина, Т.В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Т.В. Дерюгина; ГОУ ВПО АНХ при Правительстве Российской Федерации. – Волгоград, 2011. – 40 с.
13. Сулейменов, М.К. Применение принципа добросовестности в отраслях частного и публичного права / М.К. Сулейменов // Право и государство. – 2015. – № 2(67). – С. 31–38.
14. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с правом собственности на жилые помещения [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 26 марта 2003 г., № 2: с изм. и доп. от 31 марта 2022 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
15. Татарников, А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Татарников; Моск. ун-т МВД РФ. – М., 2010. – 30 с.
16. Егоров, А.В. Новые положения о добросовестности и злоупотреблении правом. Какую пользу изменения принесут на практике / А.В. Егоров // Юрист компании. – 2013. – № 7 // Юрист компании [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://yandexwebcache.net/yandbmt?fmode=inject&tm=1675938388&tld=by&lang=ru&la=1675531136&test=nedobrosovestnost+kak+zavedomo+zavedomo+nechestnoe%2C+neporyadchnoe+поведение&url=https%3A/www.law.ru/article/3965-novye-polojeniya-o-dobrosovestnosti-i-zloupotreblenii-pravom-kakuyu-polzu-izmeneniya&llon=ru&mime=html&sign=bd4aaa326383516e79a46fe11431ac0&keyno=0>. – Дата доступа: 11.01.2023.
17. Об утверждении Методических рекомендаций по установлению акта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства в части недобросовестной конкуренции [Электронный ресурс]: Приказ Мин-ва антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, 18 дек. 2020 г. № 235 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
18. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-XII: с изм. и доп. от 18 дек. 2019 г. № 275-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
19. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2013 г. № 94-3: с изм. и доп. от 18 дек. 2019 г. № 275-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
20. Скловский, К.И. Применение права и принцип добросовестности [Электронный ресурс] / К.И. Скловский // Вестн. экон. правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 94–118 // Закон.ru. – Режим доступа: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7347>. – Дата доступа: 11.01.2023.
21. Емельянов, В.И. Разумность, добросовестность, злоупотребление гражданскими правами [Электронный ресурс] / В.И. Емельянов. – М.: Лекс-Книга, 2002. – 158 [1] с. // Textarchive.ru. – 2023. – Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-1035334-pall.html>. – Дата доступа: 14.01.2023.
22. Варвенко, А.С. Теоретико-правовые положения о принципе добросовестности в гражданском праве / А.С. Варвенко, С.С. Желонкин, В.В. Жукавин // Ленинград. юрид. журн. – 2020. – № 1(59). – С. 105–113.

Поступила в редакцию 09.02.2023

Принцип разделения государственных властей в истории политико-правовой мысли Запада и в конституции Беларуси

Тиковенко О.А.
Белорусский государственный университет

С давних времен особую значимость и известность приобрела концепция разделения государственных властей, сформировавшаяся и активно реализуемая до сих пор в большинстве стран мира в качестве конституционного принципа разделения властей.

Цель статьи – исследовать концепцию разделения властей в истории политико-правовой мысли, в том числе ее особенности и этапы становления и развития в контексте воззрений и конституционной практики западных стран, а также Республики Беларусь.

Материал и методы. *Материалом исследования выступают научные труды белорусских и зарубежных ученых, в которых рассматривается концепция разделения государственных властей, а также законодательство Республики Беларусь и стран Запада. Методологическую основу статьи составили диалектический, аналитический, логический, системный, исторический, описательный методы научного познания. Для сопоставления подходов и взглядов ученых применялся метод сравнительного анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Статья посвящена исследованию концепции разделения государственных властей в истории политико-правовой мысли, в частности рассмотрению происхождения данной концепции, подходов к ее толкованию, анализу особенностей и этапов ее становления и развития. Приводятся воззрения и важнейшие труды основателей теории о разделении властей, исследуется конституционная практика западных стран, в том числе опыт конституционного строительства США. Особый интерес уделяется отражению принципа разделения государственных властей в Республике Беларусь и его совершенствованию в контексте введенных республиканским референдумом 27 февраля 2022 г. конституционных преобразований.*

Заключение. *Принцип разделения государственных властей, получивший качественно новое развитие в обновленной Конституции Республики Беларусь 2022 г., оформился на основе концепции разделения властей, которая стала конституционной доктриной многих государств. В свою очередь теория разделения властей есть важнейшее историческое открытие передовой политической мысли, имеющее широкое внедрение в практике осуществления государственной власти.*

Ключевые слова: *принцип разделения властей, концепция разделения властей, система «сдержек и противовесов», государственная власть, ветви государственной власти.*

The Principle of Separation of State Powers in the History of Western Political and Legal Thought and in the Constitution of Belarus

Tikovenko O.A.
Belarusian State University

Since ancient times, the concept of separation of state powers, which has been formed and is still actively implemented in most countries of the world as a constitutional principle of separation of powers, has acquired special significance and fame.

The purpose of the article is to explore the concept of separation of powers in the history of political and legal thought, including its features and stages of formation and development in the context of the views and constitutional practice of Western countries, as well as the Republic of Belarus.

Material and methods. *The research material was the scientific works of Belarusian and foreign scientists, which examine the concept of separation of state powers, as well as the legislation of the Republic of Belarus and Western countries. The methodological basis of the article was dialectical, analytical, logical, systemic, historical, descriptive methods of scientific knowledge. To compare the approaches and views of scientists, the method of comparative analysis was used.*

Findings and their discussion. *The article is devoted to the study of the concept of separation of state powers in the history of political and legal thought, in particular, the consideration of the origin of this concept, approaches to its interpretation, analysis of the features and stages of its formation and development. The article presents the views and the most important works of the founders of the theory of separation of powers, examines the constitutional practice of Western countries, including the experience of US constitutional construction. Particular interest is paid to reflecting the principle of separation of state powers in the Republic of Belarus and its improvement in the context of the constitutional reforms introduced by the Republican referendum on February 27, 2022.*

Conclusion. *The principle of separation of state powers, which received a qualitatively new development in the updated Constitution of the Republic of Belarus in 2022, took shape on the basis of the concept of separation of powers, which became the constitutional doctrine of many states. In turn, the theory of separation of powers is the most important historical discovery of advanced political thought, which is widely implemented in the practice of exercising state power.*

Key words: *the principle of separation of powers, the concept of separation of powers, the system of “checks and balances”, state power, branches of state power.*

Начиная с древности и по сей день идее разделения властей посвящалось множество трудов и научных исследований. Сформировавшись в качестве принципа, разделение властей вместе с системой сдержек и противовесов нашло свое закрепление как в действующей на протяжении уже нескольких веков Конституции США, так и в десятках более молодых конституций иных стран мира, в том числе в Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), став для них конституционной доктриной. Несмотря на это к настоящему времени так и не сформировалось единого подхода к толкованию разделения властей, мнения относительно его понятия и системы. В связи с этим в настоящей статье была поставлена цель исследовать концепцию разделения властей в истории политико-правовой мысли, в том числе ее особенности и этапы становления и развития в контексте воззрений и конституционной практики западных стран, а также Республики Беларусь.

Материал и методы. Материалом исследования выступают научные труды белорусских и зарубежных ученых, в которых рассматривается концепция разделения государственных властей, а также законодательство, в особенности конституционные нормы, Республики Беларусь и стран Запада. Методологическую основу составили диалектический, аналитический, логический, системный, исторический, описательный методы научного познания. Для сопоставления подходов и взглядов ученых применялся метод сравнительного анализа.

Результаты и их обсуждение. Особую значимость и известность с давних времен приобрела активно реализуемая до сих пор в большинстве стран мира концепция разделения государственных властей.

Декларация Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. рассматривала разделение властей в качестве важнейшего принципа существования Республики Беларусь как правового государства. Ныне утративший силу Закон Республики Беларусь от 27 февраля 1991 г. № 651-ХІІ «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь» в части первой ст. 7 устанавливал формирование и осуществление государственной власти в трех структурах – законодательной, исполнительной и судебной, органы которых реализуют свои полномочия самостоятельно и независимо друг от друга.

В настоящее время исходя из ст. 6 Конституции государственная власть в Республике Бе-

ларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга. Из закрепленного в данной норме Конституции как одной из основ конституционного строя Республики Беларусь разделения властей вытекает их равноправие, обеспечивающее эффективное действие системы сдержек и противовесов.

Принцип разделения государственных властей, направленный на рассредоточение и деконцентрацию государственной власти, можно назвать ключевым принципом, реальной основой рационального осуществления государственной власти. В связи с этим особой значимостью отличаются конституционные преобразования 2022 г., совершенствующие конституционно-правовые основы реализации механизма разделения государственных властей в Республике Беларусь.

Так, в результате включения Всебелорусского народного собрания в систему разделения властей, перераспределения ряда президентских полномочий в пользу других ветвей власти, некоторого усиления контрольных полномочий Парламента, наделения законов верховенствующей ролью среди иных нормативных правовых актов, расширения полномочий Конституционного Суда, способствующего усилению судебной власти, государственная власть значительно деконцентрировалась, а взаимовлияние ветвей государственной власти было сбалансировано и уравновешено, что говорит о качественно новом развитии принципа разделения властей в обновленной Конституции 2022 г.

Широко исследуемая учеными концепция разделения государственных властей зародилась много веков назад и подвергалась различным преобразованиям с изменением политико-правовой реальности и условий. Становление научной концепции о разделении властей произошло в Средние века, однако идеи эффективного разделения управленческих полномочий и форм деятельности берут начало еще в эпоху античных государств, когда были выделены три основных компонента государственного устройства: законосовещательный орган, должности и судебные органы.

Концепция разделения властей в процессе своего становления прошла три основных этапа [1, с. 8]. Первый этап, который длился начиная с XVI в. до второй половины XVII в., был отмечен возник-

новением определенной обстановки, позволившей концепции разделения властей и ее элементам оформиться. С наступлением эпохи Реформации, появлением идей М. Лютера, Ж. Кальвина концепция божественного происхождения власти уступила место новому мировоззрению, где государство и государственное управление могут становиться предметом познания и усовершенствования, а человек постепенно начинал восприниматься как отдельная от государства и общности личность, освобожденная от нерушимого господства церкви над ней. Тем самым было спровоцировано изучение государственного устройства и управления, в том числе, зарождение доктринального подхода к разделению властей.

Второй этап, продолжавшийся со второй половины XVII в. до 80-х годов XVIII в., стал периодом создания непосредственно концепции разделения властей и соединения воедино отдельных ее частей. Эпоха Просвещения, породившая идеи о реальности воплощения в жизнь разумно и рационально функционирующих общественного порядка и государственного устройства, была отмечена появлением ряда известных учений о государстве, как, например, произведение «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» Т. Гоббса, и, в частности, о принципе разделения властей («Два трактата о правлении» Дж. Локка, «О духе законов» Ш.Л. Монтескье, труды Ж.Ж. Руссо). Так, постепенно происходило теоретическое обоснование принципа разделения властей и систематизация практики и знаний о нем, на его основе началось переустройство политической системы стран Западной Европы и Америки, что привело к закреплению разделения властей в первых конституциях.

Третий этап, который протянулся до 30-х годов XIX в., с учетом накопления практических результатов и опыта претворения в жизнь концепции разделения властей, стал этапом внесения первых ее корректировок. В конце XVIII в. активно шли поиски наиболее приемлемого для различных государств механизма осуществления государственной власти и построения ее системы. Благодаря выдающимся мыслителям, Т. Джефферсону, Д. Мэдисону, А. Гамильтону и др., была создана и претворена в жизнь уникальная, обусловленная опытом США, модель разделения властей, а также эффективно реализована система «сдержек и противовесов». Ближе к окончанию данного этапа концепцию разделения властей уже можно оценить как в достаточной мере оформленную, при этом не пре-

кращалось ее дополнение, детализация, анализ, переосмысление.

Помимо перечисленных трех основных этапов становления теории разделения властей в ее развитии можно выделить еще два важных периода. Во-первых, начало XX в., когда по причине вызванного мировой войной кризиса политических институтов на принцип разделения властей обрушилась всесторонняя критика и в том числе появились попытки доказать невозможность его реализации и неэффективность. И, во-вторых, послевоенный период, когда в 1950-е гг. политическая мысль западных стран вновь обратилась к принципу разделения властей, как к основе демократического строя, а в 60–70-е гг. оформилась современная концепция разделения властей.

Особую роль в становлении концепции разделения властей сыграл Дж. Локк, по мнению которого необходимо формирование трех ветвей власти, взаимно уравновешивающих друг друга, однако, неравноправных, поскольку верховной над остальными названа законодательная власть. Вместе с тем Дж. Локк отмечал: «Все же законодательная власть представляет собой лишь доверенную власть... поэтому по-прежнему остается у народа верховная власть устранять или заменять законодательный орган, когда народ видит, что законодательная власть действует вопреки оказанному ей доверию» [2, с. 349]. Это подтверждает приверженность английского философа идее о принадлежности власти народу, следующей из договорной теории государства и закрепленной в том числе в части первой ст. 3 Конституции, согласно которой единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ.

Помимо законодательной власти Дж. Локк выделил действующие совместно исполнительную, ответственную за исполнение законов внутри общества, и федеративную, руководящую интересами на внешнем уровне, власть. То есть фактически выделенными и обособленными друг от друга им назывались только две ветви власти – законодательная и исполнительная.

Если в XVII в. разработка концепции разделения властей велась в основном в Англии, то XVIII в. она начала развиваться во многих странах. Так, французский мыслитель Ш.Л. Монтескье разработал модель разделения властей, существенно отличающуюся от предложенной Дж. Локком, где выделил все три власти в классическом их понимании – законодательную, исполнительную и судебную, каждая из которых осуществляется органом народного

представительства, королем и судами соответственно. Основной целью разделения властей Ш. Монтескье видел защиту политической свободы граждан, их безопасности от произвола и злоупотребления со стороны власти, наделение права ролью регулятора отношений граждан с правительством. Он считал, что соединение законодательной и исполнительной властей приведет к тираническим законам и их применению, законодательной и судебной – к произволу судьи-законодателя по отношению к гражданам, а судебной и исполнительной – к превращению судьи в угнетателя. Наихудший же результат даст соединение в одном субъекте всех трех властей [3, с. 294]. В отличие от теории Дж. Локка о верховенстве законодательной власти, Ш. Монтескье придерживался идеи равноправия и четкого разделения властей. Некоторые ученые также полагают, что ядро его теории заключается в следующем: «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [4, с. 82]. То есть именно Ш. Монтескье первым выдвинул идею о необходимости дополнения принципа разделения властей системой сдержек и противовесов.

Весьма неоднозначным стал процесс теоретического и практического конструирования системы разделения властей в США. Так, претворение в жизнь идей Дж. Локка о верховенстве законодательной власти вылилось в концентрацию, как отмечал американский политик и философ Т. Джефферсон, всех управленческих полномочий – законодательных, исполнительных и судебных у законодательного корпуса, что, по его мнению, называется деспотическим правлением [5, с. 12].

Справедливо сказать, что величайшее влияние на формирование Конституции США оказали идеи Ш. Монтескье, которого называют ее духовным отцом. В сущности, подтверждая убеждения Ш. Монтескье, Т. Джефферсон подчеркивал: «Мы стоим за правительство, которое не только должно быть основано на свободных принципах, но в котором правительственные власти были бы так разделены и уравновешены..., чтобы ни одна не могла переступить свои правовые пределы без действенного контроля и ограничения со стороны других властей» [4, с. 82–83].

Важнейшим результатом уникального опыта конституционного строительства США стал полный отказ от британской концепции верховенства законодательной власти по причине доминирования идеи обуздания последней пу-

тем равномерного распределения всех полномочий государственной власти, о чем писали такие выдающиеся мыслители, как Дж. Мэдисон, А. Гамильтон и др. Власть предполагалась Конституцией США единой, что следует из концепции единого суверенитета, принадлежащего народу, а разграничиваются именно властные полномочия. То есть, более справедливым будет говорить о трех высших органах государственной власти, наделенных конкретной предметной и функциональной компетенцией, а не о трех властях.

Также теория разделения властей в США была дополнена системой «сдержек и противовесов», призванной упреждать узурпаторские поползновения какой-либо одной ветви власти, обеспечивать стабильность и непрерывное функционирование государственных институтов и власти в целом. Система «сдержек и противовесов» базируется на таких основах, как разные источники формирования всех трех ветвей власти, различные сроки полномочий органов государственной власти, механизм взаимного сдерживания властей.

Отметим, что теория разделения властей не смогла избежать определенной доли критики в свой адрес, в особенности имеющей место на рубеже XIX–XX вв. Например, известный французский юрист А. Эсмен, хоть и признавал следование принципу разделения властей необходимым для всякого государства, отмечал, что реализация его сопряжена с большими сложностями. Он верно понимал разделение властей не как результат, а как постоянный процесс их взаимодействия, следствием чего является непрерывный поиск определенного уровня стабильности [6, с. 54–55]. Дискуссия о разделении властей развернулась и в американской науке. Политик и ученый В. Вильсон указывал на неэффективность принципа разделения властей в экстремальных условиях управления, бюрократизацию данного принципа и важность быстрого принятия исполнительной властью, в частности президентом решений. Немецкий правовед К. Лёвенштейн предлагал принципиальный отказ от доктрины разделения властей и объяснял это статичностью концепции и ее несоответствием динамизму эпохи радикальных социально-политических преобразований [6, с. 60].

Со временем стала понятна иллюзорность достижения идеального равенства и равновесия между ветвями власти. Исторический опыт и правовая культура каждого государства определили приверженность той или иной модели

осуществления власти. Так, существование во Франции практики защиты судами привилегий знати стало причиной недоверия к ним остальной части населения, что вылилось в их ограничение при проведении Французской революции 1789 г., а впоследствии – в отказ от создания конституционного суда, который осуществлял бы контроль законодателя. Отсутствие конституционного суда в Великобритании обусловлено тем, что коллегиальные решения депутатов парламента, получающих свой мандат непосредственно от населения страны, воспринимаются выражением воли народа и не могут подвергаться изменениям, инициированным невыборными судебными инстанциями. Противоположная ситуация сложилась в США, где из-за лоббизма в парламенте и пережитого опыта законодательной диктатуры, парламент виделся гражданам основной угрозой их свободы [7, с. 103].

Отметим, что принцип разделения властей в странах Запада реализуется по-разному с учетом особенностей их политического развития, что, однако, не препятствует ему по-прежнему оставаться основой конституционной доктрины, обеспечивающей в условиях современных вызовов и угроз модернизацию механизма осуществления государственной власти. Он рассредоточивает и деконцентрирует государственную власть, фактически выполняет роль базиса эффективного и разумного (рационального) ее осуществления.

Заключение. Принцип разделения властей получил качественно новое развитие в обновленной Конституции 2022 г. вследствие произошедшей существенной деконцентрации государственной власти, сбалансировавшей и уравновесившей взаимовлияние ее ветвей. Данный принцип сформировался на основе концепции разделения властей, разработанной крупными деятелями эпохи английского (XVII в.) и французского (XVIII в.) Просвещения (Дж. Локком и Ш.Л. Монтескье), которая в дальнейшем обрела закрепление в качестве конституционного принципа, став конституционной доктриной многих государств.

Тем не менее практика показывает, что нельзя изобрести общую универсальную модель ба-

ланса ветвей государственной власти. В каждом государстве действующая система разделения властей проявляется, реализуется и развивается своим уникальным образом в зависимости от множества специфических факторов. Концепция разделения властей на пути своего становления испытала массу критических замечаний вплоть до предложения отказа от нее. Однако вопреки всему выдержавшая на сегодняшний день длительную временную проверку концепция разделения властей все же является признанной политической ценностью в практике функционирования механизма государственной власти многих государств, основой их демократической политической системы, а реализация принципа разделения властей – гарантией правовой государственности, политической свободы каждого общества.

Однозначный вывод состоит в том, что теория разделения властей есть, на наш взгляд, важнейшее историческое открытие передовой политической мысли, получившее широкое внедрение в практике осуществления государственной власти.

Литература

1. Разделение властей: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. – М.: Изд-во МГУ: Юрайт-Издат, 2004. – 428 с.
2. Локк, Дж. Сочинения: в 3 т.: пер. с англ. и лат. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3 / ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. – 668 с.
3. Монтескье, Ш.Л. Избранные произведения / Ш.Л. Монтескье // Институт философии АН СССР. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. – 803 с.
4. Лузин, В.В. Президентская модель разделения властей (на примере США) / В.В. Лузин // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 82–90.
5. Мишин, А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США / А.А. Мишин. – М.: Наука, 1984. – 192 с.
6. Медушевский, А.Н. Идея разделения властей: история и современность / А.Н. Медушевский // Социолог. журн. – 1994. – № 1. – С. 53–69.
7. Сафоклов, Ю.И. Разделения властей: вымыслы и реальность. Принцип разделения властей: история, заблуждения, вызовы современности / Ю.И. Сафоклов // Сравн. конституц. обозрение. – 2012. – № 6(91). – С. 96–108.

Поступила в редакцию 20.03.2023

УДК 159.922.1:37.091.212-054.6

Личностные детерминанты сексуальной мотивации китайских студентов

Не С., Фурманов И.А.
Белорусский государственный университет

В статье рассматривается проблема личностной детерминации сексуальной мотивации китайских студентов.

Целью проведенного исследования явилось установление личностных предикторов сексуальной мотивации китайских студентов.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 200 китайских студентов в возрасте от 17 до 34 лет (90 женщин и 110 мужчин). Использовались китайские версии опросников «Большая пятерка» (BFI-2), «Темная триада» (DT), «Опросник аффективных мотивационных ориентаций в сексуальной жизни» (AMORE).

Результаты и их обсуждение. Было установлено, что у мужчин к наиболее сильным положительным связям относятся корреляции мотивов подчинения, удовольствия и заботы с нарциссизмом, мотива значимости партнера с открытостью опыту, а также отрицательные корреляции мотивов власти и комфорта с нарциссизмом, а мотива заботы – с открытостью опыту. У женщин к наиболее сильным положительным связям относятся корреляции мотивов удовольствия и подчинения с нарциссизмом, мотива подчинения с макиавеллизмом, а также отрицательные корреляции мотивов собственной значимости и комфорта с нарциссизмом, мотива комфорта с макиавеллизмом. Только женская экстраверсия положительно коррелировала с мотивом получения удовольствия и отрицательно с мотивом собственной значимости.

Экстраверсия являлась стимулирующим предиктором мотива удовольствия и ингибирующим предиктором мотивов комфорта и собственной значимости. Открытость опыту выступала стимулирующим предиктором мотива значимости партнера и ингибирующим предиктором мотивов производства потомства и заботы. Негативная эмоциональность – стимулирующий предиктор мотива власти и ингибирующий предиктор мотива производства потомства. Доброжелательность выступала стимулирующим предиктором мотива комфорта. Нарциссизм являлся стимулирующим предиктором мотивов подчинения, значимости партнера, производства потомства, удовольствия и ингибирующим предиктором мотивов комфорта, власти, собственной значимости и заботы. Психопатия выступала ингибирующим предиктором мотива власти. Добросовестность и макиавеллизм не являлись детерминантами сексуальной мотивации.

Заключение. В результате проведенного исследования были получены новые данные о половых различиях во взаимосвязях личностных характеристик и сексуальной мотивации китайских студентов. Определены прогностические показатели и общие закономерности личностной детерминации сексуальной мотивации китайских студентов.

Ключевые слова: личностные черты «Большой пятерки» и «Темной триады», сексуальные диспозиционные мотивы.

Personality Determinants of Chinese Students' Sexual Motivation

Nie X., Fourmanov I.A.
Belarusian State University

The article deals with the problem of personality determination of sexual motivation of Chinese students.

The purpose of the study was to establish personality predictors of sexual motivation of Chinese students.

Material and methods. *The study involved 200 Chinese students aged 17 to 34 (90 women and 110 men). The Chinese versions of the questionnaires "Big Five" (BFI-2), "Dark Triad" (DT), "Questionnaire of Affective Motivational Orientations in Sexual life" (AMORE) were used.*

Findings and their discussion. *It was found that men's strongest positive relationships include correlations of motives of submission, pleasure and care with narcissism, the motive of partner importance with open-mindedness, as well as negative correlations of motives of power and comfort with narcissism, and the motive of care with open-mindedness. The women's strongest positive relationships include correlations of motives of pleasure and submission with narcissism, the motive of submission with Machiavellianism, as well as negative correlations of motives of self-importance and comfort with narcissism, the motive of comfort with Machiavellianism. Only female extraversion positively correlated with the motive of pleasure and negatively with the motive of self-importance.*

Extraversion was a stimulating predictor of the motive of pleasure and an inhibiting predictor of the comfort and self-importance motives. Open-mindedness was a stimulating predictor of the partner's significance motive and an inhibitory predictor of the motives of procreation and care. Negative emotionality was a stimulating predictor of the motive of power and an inhibitory predictor of the motive of procreation. Agreeableness acted as a stimulating predictor of the comfort motive. Narcissism was a stimulating predictor of the motives of submission, the importance of a partner, procreation, pleasure and an inhibitory predictor of the motives of comfort, power, self-importance and care. Psychopathy acted as an inhibitory predictor of the motive of power. Conscientiousness and Machiavellianism were not determinants of sexual motivation.

Conclusion. *As a result of the conducted research, new data were obtained on gender differences in the interrelationships of personal characteristics and sexual motivation of Chinese students. Predictive indicators and general patterns of personal determination of sexual motivation of Chinese students are determined.*

Key words: *personality traits of the "Big Five" and "Dark Triad", sexual dispositional motives.*

Ценности сексуальных отношений неоднократно менялись на протяжении различных культурных и исторических эпох. Поэтому сексуальные отношения всегда различаются, отражая не только общепринятые нормы, правила и установки сексуального поведения, но и ценности межличностного гендерного взаимодействия. Секс является важным компонентом брачных и романтических отношений, а также качества жизни. Сексуальное благополучие связано с удовлетворенностью и стабильностью отношений, счастьем в целом.

В литературе по сексуальному поведению были выявлены различные мотивы для занятия сексом. Эти мотивы связаны с такими переменными, как пол, возраст и статус отношений. Однако, есть все основания ожидать, что личные характеристики также будут оказывать влияние на сексуальные мотивы индивидов.

Личность – это не только параметр, формирующий сексуальные предпочтения индивидов. Личность также является мотивационным параметром, определяющим поведение индивида в сексуальных отношениях. Следовательно, личность влияет на сексуальное поведение через то, как индивид ведет себя в сексуальных отношениях. Во-первых, это обуславливает коммуникацию

и обмен информацией о сексуальных предпочтениях партнеров. Общение помогает восполнить недостающую информацию партнеров о сексуальных желаниях друг друга, чтобы они могли согласовать свои мотивы и согласовывать действия. В-третьих, личность влияет на то, как через мотивационную комплементарность решаются проблемы преданности партнеров друг другу.

Возможная связь между личностными чертами и сексуальной мотивацией – это та область психологии, в которой не проводилось много исследований [1].

Модели личности. Черты личности определяют уникальность адаптации индивида к людям, вещам, окружающей среде и к жизни в целом. Организация каждой личности достаточно едина, устойчива, сложна и уникальна.

«Большая пятерка» личностных черт. Пятифакторная модель личности состоит из таких черт, как невротизм, экстраверсия, открытость опыту, доброжелательность и добросовестность, каждая из которых, в свою очередь, имеет шесть характеристик. Невротизм включает в себя тревогу, депрессию, враждебность, импульсивность, застенчивость и уязвимость; экстраверсия – теплоту, общительность, напористость, активность, поиск возбуждения и положительных

эмоций; открытость опыту – открытость фантазиям, эстетическим впечатлениям, чувствам, действиям, идеям и ценностям; доброжелательность – альтруизм, уступчивость, скромность, прямолинейность, мягкосердечие и доверие; добросовестность – стремление к достижениям, компетентность, обдуманность, исполнительность, порядок и самодисциплину [2].

Пятифакторная модель не является теорией, а скорее принимает предпосылки теории черт, в том смысле, что индивиды могут характеризоваться индивидуальными различиями, которые стабильны с течением времени и в разных культурах, согласовано проявляются в разных ситуациях и включают определенные модели мышления, аффекта и поведения.

«Темная триада» личностных черт. «Темная триада» описывает фенотипическую группу черт личности, включающую макиавеллизм, психопатию и нарциссизм [3]. Макиавеллизм – типичная черта манипулирования другими для личной выгоды и использование недобросовестных средств для достижения целей. Макиавеллисты обладают следующими четырьмя основными характеристиками: хорошими способностями к обману и манипуляциям; низкой интенсивностью эмоций в межличностных отношениях; презрением к традиционной морали; умением легко читать мысли и понимать мысли других. Психопатия определяется как черта личности, характеризующаяся импульсивностью, эмоциональным безразличием, межличностными манипуляциями и эксплуатацией, поиском стимулов, отсутствием сочувствия, отсутствием тревоги и отсутствием сожаления. Нарциссизм характерен для людей, которые чрезмерно дорожат собой, а к основным их психологическим и поведенческим характеристикам относятся преувеличение, высокомерие, превосходство и стремление к вниманию [4]. В разной степени все эти три личностных черты влекут за собой социально недоброжелательный характер поведения с тенденциями к самопрекламе, эмоциональной холодности, двуличию и агрессивности.

Сексуальная мотивация. Мотивация, являясь первоисточником и побудителем человеческого поведения, определяет организацию и направленность активности. Исходя из этого сексуальные мотивы представляют собой сознательные и субъективные причины, которые побуждают мужчин и женщин к участию в сексуальной активности [5]. Иными словами, сексуальная мотивация – это предполагаемое внутреннее состояние повышен-

ного интереса к определенной цели, включающее инициирование и поддержание сексуального поведения, направленного на достижение этой цели [7]. Сексуальная мотивация, как правило, обуславливается влиянием несколько факторов (индивидуальных, культурных, исторических), определяющих участие и направленность в сексуальной активности.

К.А. Хилл и Л.К. Престон [6] предложили типологию сексуальной мотивации, в которую вошли восемь специфических типов внутренних побуждений: 1) подтверждение собственной ценности для партнера; 2) подтверждение ценности партнера; 3) получение эмоциональной разрядки от стресса или негативных психологических состояний; 4) проявление заботы с целью улучшения психологического состояния партнера; 5) усиление чувств от проявления собственной власти над партнером; 6) усиление чувств от проявления власти партнером; 7) переживание удовольствия и 8) произведение потомства.

В целом ряде исследований было установлено, что мужчины в сексуальных отношениях большее значение придают стремлению к удовольствию и физическому удовлетворению, тогда как женщины придают большее значение мотивам близости и эмоциональной близости [5, 7, 8, 9, 10]. Однако в последние годы мотивы женщин, по-видимому, изменились, они стали больше напоминать мужские, ставя в качестве основной цели стремление к удовольствию [11–13].

Взаимосвязь личностных характеристик и сексуальной мотивации. Исследования показывают, что личностные черты «Большой пятерки» играют важную роль не только в сексуальной жизни индивидов, но и оказывают влияние на их собственное сексуальное удовлетворение и сексуальную самореализацию партнеров. В частности, было установлено, что нейротизм негативно влияет на собственное сексуальное удовлетворение, сексуальную самореализацию партнера и частоту секса. Напротив, добросовестность, экстраверсия и открытость опыту положительно связаны с собственным сексуальным удовлетворением в целом, удовлетворенностью фактической частотой секса и сексуальной самореализацией партнера, а также с лучшим сексуальным общением. Вместе с тем отмечается, что экстраверсия обусловлена более высокой вероятностью внебрачных связей [14].

Также было определено, что доброжелательность усиливает мотивацию интимности в сексе, а экстраверсия – совершенствования в сексе. В свою очередь, добросовестность снижает силу

мотивации совладания/утверждения в сексе, а открытость опыту – мотивацию поиска одобрения со стороны партнеров [15].

Наиболее близким к проблеме, представленного исследования, были данные, полученные П. Хэвном с коллегами [16], которые выявили взаимосвязи между личностью и аттитюдами к сексу у мужчин и женщин. Установлено, что экстраверсия была достоверно положительно связана с сексуальным любопытством и сексуальным возбуждением только у женщин. Нейротизм был достоверно связан с сексуальным любопытством, сексуальным возбуждением и сексуальным чувством вины у мужчин. Но у женщин нейротизм был значительно связан с чувством сексуальной вины и низким уровнем сексуального удовлетворения. Добросовестность была достоверно связана с низким уровнем сексуального возбуждения только у женщин, а открытость опыту связана с низким уровнем сексуальной нервозности у мужчин. Доброжелательность не была связана ни с одним из сексуальных аттитюдов ни мужчин, ни у женщин.

Черты личность, описываемые «Большой пятеркой», все же следует относить к позитивным характеристикам личности, к «светлой» ее стороне. Однако, следуя китайской философской традиции, личность можно лучше понять, если наряду с «Ян» изучить и «Инь», то есть ее «темную» сторону. Черты личности, относящиеся к так называемой «Темной триаде», как раз и позволяют сформировать «гармонизированный» взгляд в отношении влияния личностных черт различной валентности на сексуальную мотивацию в том числе.

Было проведено совсем не много исследований, изучающих взаимосвязи какого-либо компонента темной стороны личности и сексуальных мотивов. Например, К.В. Смит и К.С. Эверуп [17] установили, что все три черты «Темной триады» значимо положительно коррелировали с диспозиционными сексуальными мотивами власти, собственной значимости и получения удовольствия, макиавеллизм и психопатию – с мотивом комфорта, макиавеллизм – с мотивом подчинения.

В исследованиях Г. Картера и коллег [18] было выявлено, что общий показатель «Темной триады» не зависимо от пола положительно и значимо коррелировал с аттитюдами, обусловлен сексуальным желанием не собственного партнера, а других, и рекреационным сексуальным поведением. Ни в одном из случаев общий показатель «Темной триады» не был связан с аттитюдами,

относящимися к мыслям о своем партнере и желанию союза с ним, отражающими стремление получения эмоциональной поддержки от партнера и сексуального влечения к своему партнеру.

Дж. Брюэр и Л. Эйбелл [19] определили, что макиавеллизм был значимым индивидуальным предиктором групп мотивов вовлечения в сексуальное поведение, к которым относятся физические причины, достижение цели и неуверенность в себе, но не эмоциональные причины. Более конкретно, это снижение стресса, поиск нового опыта и ресурсов, получение социального статуса, месть, прагматизм/личная выгода, повышение самооценки, обязательства/давление, защита партнера.

Таким образом, отрывочные данные в анализируемой литературе показывают, что черты личности и сексуальная мотивация действительно связаны. Однако в целом можно заключить, что большинство указанных выше данных было получено в результате обследования респондентов, относящихся к западной (индивидуалистической), а не к восточной (коллективистической) культуре. Все еще существует значительный недостаток исследований личностных характеристик как предикторов сексуальной мотивации китайских студентов.

Цель проведенного исследования – установление личностных предикторов сексуальной мотивации китайских студентов. Кроме того, решались задачи выявления взаимосвязей личностных черт и сексуальной мотивации, а также определение половых различий между ними.

Материал и методы. В исследовании использовались:

1. Опросник «Большая пятерка» – китайская версия BFI-2 в адаптации Б. Чанга и других [20], состоящий из 5-ти шкал: экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, негативная эмоциональность (нейротизм) и открытость опыту.

2. Опросник «Темная триада» – китайская версия в адаптации Я. Ген и др. [21], оценивающая макиавеллизм, психопатию и нарциссизм.

3. В качестве методики исследования сексуальной мотивации использовался адаптированный китайскоязычный «Опросник аффективных мотивационных ориентаций в сексуальной жизни» – «AMORE» [22] диагностирующий силу 8-ми диспозиционных мотивов: подчинения (ощущение властвования партнера – M1), значимости партнера (подтверждение ценности партнера – M2), комфорта (получение эмоциональной разрядки от стресса или негативных психологических со-

стояний – М3), произведения потомства (воспроизведение рода – М4), власти (усиление чувств от проявления собственной власти над партнером М5), собственной значимости (подтверждение собственной ценности для партнера – М6), заботы (проявление заботы с целью улучшения психологического состояния партнера – М7) и удовольствия (переживание удовольствия – М8).

Данные были получены на выборке, состоящей из 200 человек в возрасте от 17 до 34 лет (90 женщина и 110 мужчины).

Для получения статистических данных применялся корреляционный анализ Пирсона, а также множественный регрессионный анализ с использованием пошагового метода (F – критерий Фишера, t – критерий Стьюдента, p – уровень их статистической значимости, коэффициенты множественной корреляции (КМК) и множественной детерминации (КМД)). Для статистической обработки результатов исследования использовался пакет SPSS.13.

Результаты и их обсуждение. Результаты корреляционного анализа позволили выявить различия в структурах взаимосвязей личностных характеристик и сексуальной мотивации китайских студентов.

Таким образом было установлено, что большинство сексуальных мотивов мужчин взаимосвязано с их личностными чертами (рисунок 1):

Подчинение – положительно коррелировал с открытостью опыту ($r = 0,201$; $p = 0,036$) и нарциссизмом ($r = 0,398$; $p < 0,0001$).

Значимость партнера – положительно коррелировал с открытостью опыту ($r = 0,368$; $p < 0,0001$) и нарциссизмом ($r = 0,302$; $p < 0,0001$).

Комфорт – отрицательно коррелировал только с экстраверсией ($r = -0,233$; $p = 0,014$) и нарциссизмом ($r = -0,426$; $p = 0,0001$).

Произведение потомства – положительно коррелировал с нарциссизмом ($r = 0,291$; $p = 0,002$), а также отрицательно – с открытостью опыту ($r = -0,214$; $p = 0,025$).

Власть – отрицательно коррелировал только с открытостью опыту ($r = -0,198$; $p = 0,038$) и нарциссизмом ($r = -0,487$; $p < 0,0001$).

Собственная значимость – отрицательно коррелировал с экстраверсией ($r = -0,207$; $p = 0,030$), открытостью опыту ($r = -0,260$; $p = 0,006$) и нарциссизмом ($r = -0,338$; $p < 0,0001$).

Забота – положительно коррелировал с негативной эмоциональностью ($r = 0,210$; $p = 0,027$), а также отрицательно – с добросовестностью ($r = -0,241$; $p = 0,011$), открытостью опыту ($r = -0,364$; $p < 0,0001$) и нарциссизмом ($r = -0,338$; $p < 0,0001$).

Удовольствие – положительно коррелировал с открытостью опыту ($r = 0,253$; $p = 0,008$) и нарциссизмом ($r = 0,386$; $p < 0,0001$).

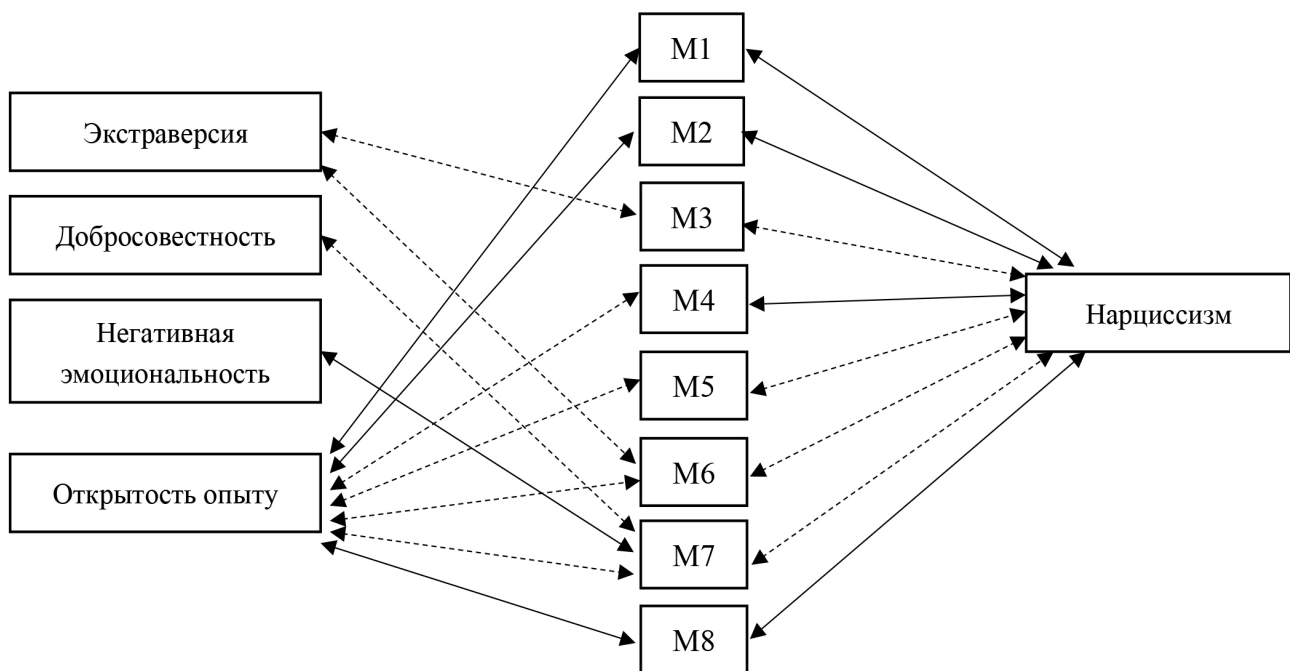

Рисунок 1 – Взаимосвязь личностных факторов и сексуальных мотиваций китайских мужчин

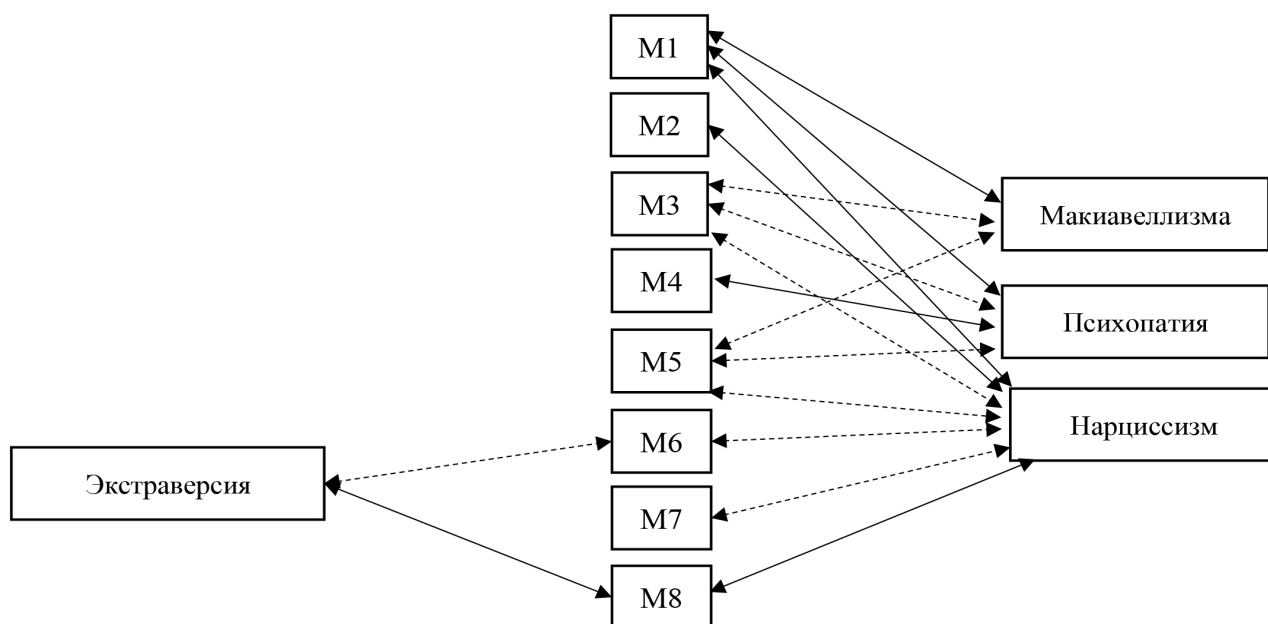

Рисунок 2 – Взаимосвязь личностных факторов и сексуальных мотиваций китайских женщин

Следует обратить внимание, что у мужчин к наиболее сильным положительным связям относятся корреляции мотивов подчинения, удовольствия и заботы с нарциссизмом, мотива значимости партнера с открытостью опыту, а также отрицательные корреляции мотивов власти и комфорта с нарциссизмом, а мотива заботы – с открытостью опыту.

Также было установлено, что большинство сексуальных мотивов женщины в большей степени связано с личностными чертами «Темной триады», и в меньшей степени – с чертами «Большой пятерки» (рисунок 2):

Подчинение – положительно коррелировал с макиавеллизмом ($r = 0,273$; $p = 0,009$), психопатией ($r = 0,231$; $p = 0,029$) и нарциссизмом ($r = 0,273$; $p = 0,009$).

Значимость партнера – положительно коррелировал только с нарциссизмом ($r = 0,264$; $p = 0,012$).

Комфорт – отрицательно коррелировал с макиавеллизмом ($r = -0,275$; $p = 0,009$), психопатией ($r = -0,249$; $p = 0,018$) и нарциссизмом ($r = -0,298$; $p = 0,004$).

Произведение потомства – положительно коррелировал с психопатией ($r = 0,237$; $p = 0,024$).

Власть – отрицательно коррелировал с макиавеллизмом ($r = -0,262$; $p = 0,013$), психопатией ($r = -0,267$; $p = 0,011$) и нарциссизмом ($r = -0,214$; $p = 0,043$).

Собственная значимость – отрицательно коррелировал с экстраверсией ($r = -0,214$; $p = 0,043$) и нарциссизмом ($r = -0,299$; $p = 0,004$).

Забота – отрицательно коррелировал с нарциссизмом ($r = -0,263$; $p = 0,012$).

Удовольствие – положительно коррелировал с экстраверсией ($r = 0,234$; $p = 0,027$) и нарциссизмом ($r = 0,329$; $p = 0,002$).

Примечательным является то, что у женщин к наиболее сильным положительным связям относятся корреляции мотивов удовольствия и подчинения с нарциссизмом, мотива подчинения с макиавеллизмом, а также отрицательные корреляции мотивов собственной значимости и комфорта с нарциссизмом, мотива комфорта с макиавеллизмом. Только женская экстраверсия положительно коррелировала с мотивом получения удовольствия и отрицательно с мотивом собственной значимости.

Таким образом, можно отметить, что структуры корреляций между характеристиками личности и сексуальной мотивацией у мужчин и женщин не являются полностью схожими. Общими для обоих полов являются положительные связи мотивов подчинения, значимости партнера и удовольствия с нарциссизмом, а также отрицательные связи мотива комфорта, власти, собственной значимости и заботы с нарциссизмом и мотива собственной значимости с экстраверсией.

Несмотря на большое количество корреляционных связей для доказательства влияния черт личности на сексуальную мотивацию был проведен регрессионный анализ (таблица).

Таблица – Личностные предикторы сексуальной мотивации китайских студентов

Модель	B	Ст. ошиб.	Beta	t	p- уровень
Подчинение					
Нарциссизм	0,457	0,094	0,328	4,878	<0,0001
КМК = 0,328, КМД = 0,107, F = 23,798, p<0,0001					
Значимость партнера					
Открытость опыту	0,125	0,059	0,142	2,098	0,037
Нарциссизм	0,311	0,072	0,291	4,308	<0,0001
КМК = 0,319, КМД = 0,102, F = 11,166, p<0,0001					
Комфорт					
Экстраверсия	-0,285	0,085	-0,220	-3,352	0,001
Доброжелательность	0,219	0,083	0,176	2,658	0,009
Нарциссизм	-0,465	0,095	-0,320	-4,917	<0,0001
КМК = 0,436, КМД = 0,190, F = 15,322, p<0,0001					
Произведение потомства					
Открытость опыту	-0,166	0,039	-0,293	-4,195	<0,0001
Негативная эмоциональность	-0,134	0,042	-0,221	-3,171	0,002
Нарциссизм	0,144	0,046	0,210	3,165	0,002
КМК = 0,373, КМД = 0,139, F = 10,566, p<0,0001					
Власть					
Психопатия	-0,210	0,085	-0,163	-2,459	0,015
Негативная эмоциональность	0,178	0,083	0,142	2,148	0,033
Нарциссизм	-0,474	0,094	-0,333	-5,056	<0,0001
КМК = 0,398, КМД = 0,158, F = 12,305, p<0,0001					
Собственная значимость					
Экстраверсия	-0,182	0,061	-0,197	-2,974	0,003
Нарциссизм	-0,321	0,068	-0,310	-4,683	<0,0001
КМК = 0,374, КМД = 0,140, F = 16,020, p<0,0001					
Забота					
Открытость опыту	-0,109	0,044	-0,165	-2,474	0,014
Нарциссизм	-0,250	0,054	-0,311	-4,653	<0,0001
КМК = 0,347, КМД = 0,120, F = 13,485, p<0,0001					
Удовольствие					
Экстраверсия	0,122	0,043	0,186	2,848	0,005
Нарциссизм	0,256	0,048	0,349	5,354	<0,0001
КМК = 0,403, КМД = 0,162, F = 19,081, p<0,0001					

Анализ регрессионных моделей позволил определить, что только восемь личностных черт китайских студентов являются предикторами сексуальной мотивации. Общие коэффициен-

ты объяснения (R²) для каждой модели были относительно небольшими (соответственно, 10,7%, 10,2%, 19,0%, 13,9%, 15,8%, 14,0%, 12,0% и 16,2% общей дисперсии), что указывает на на-

личие множества других факторов и сложных механизмов, влияющих на сексуальную мотивацию. В результате анализа регрессионных моделей были получены следующие шесть моделей.

Нарциссизм – стимулирующий предиктор мотивов подчинения, значимости партнера, произведения потомства, удовольствия и ингибирующий предиктор мотивов комфорта, власти, собственной значимости и заботы.

В литературе отмечается, что связи показателя нарциссизма с каким-либо другим психологическим показателем не являются гарантией того, что с этим показателем будут связаны и все составляющие характеристики нарциссизма [23]. Поэтому, можно предположить, что стремления к получению ощущения властвования партнера и удовольствия, усилия, направленные на создание впечатления у партнера в его ценности, сосредоточенность на себе, желание быть оцененным партнером, а также желание оставить свое потомство могут определяться такими нарциссическими характеристиками как преувеличенное чувство собственной значимости, ожидание особого отношения и привилегий, восхищение собой, желание находиться в центре внимания. Вместе с тем желания испытать эмоциональную разрядку от стресса и усилить чувства от проявления собственной власти, а также проявление заботы с целью улучшения психологического состояния партнера не являются характерными сексуальными мотивами для нарциссических китайских студентов.

Открытость опыту выступает стимулирующим предиктором мотива значимости партнера и ингибирующим предиктором мотивов произведения потомства и заботы.

Отмечается, что открытость опыту является положительным фактором, определяющим стремление быть хорошим сексуальным партнером и удовлетворять сексуальные потребности и желания партнера. Это свидетельствует о том, что открытый человек в большей степени способен учитывать сексуальные предпочтения партнера. Исследования показывают, что открытость опыту способствует улучшению сексуального общения. Это положительно связано с выражением предпочтений во время секса и способностью выражать сексуальные потребности и желания в целом, а также указывает на то, что человек, который более открыт к сексуальным предпочтениям партнера, имеет больше возможностей сообщить партнеру о своих предпочтениях [14]. Из этого следует, что, вероятно,

открытых к получению опыта индивидов скорее интересует коммуникативная сторона сексуальных отношений, нежели репродуктивная.

Экстраверсия является стимулирующим предиктором мотива удовольствия и ингибирующим предиктором мотивов комфорта и собственной значимости.

Как показывают другие исследования, экстраверсия была позитивно связана с более сильным сексуальным желанием, сексуальной удовлетворенностью, сексуальной активностью и рискованным сексуальным поведением, более высокой частотой сексуальных контактов и их разнообразием [24; 25].

В то же время для интровертов, которые склонны испытывать неуверенность в отношениях, мотивация подтверждения собственной ценности для партнера, вероятно, усиливается из-за их опасений, что их чувства не будут взаимными. Поэтому они и нуждаются в большом количестве заверений любви, именно эта своего рода тревога вызывает у них желание быть замеченными и оцененными. В данном случае секс как раз и предоставляет для них возможность получить эмоциональную разрядку от стресса или негативных психологических состояний, почувствовать заботу, обрести чувство безопасности и избавиться от неуверенности.

Негативная эмоциональность выступает стимулирующим предиктором мотива власти и ингибирующим предиктором мотива произведения потомства.

Отмечается, что нейротизм может оказывать негативное влияние на сексуальность по причине того, что индивид с более высоким показателем нейротизма, как правило, испытывает больше страхов по поводу сексуальности и имеет более низкую удовлетворенность в сексуальных отношениях, с большей вероятностью может чувствовать пренебрежение или отвержение со стороны партнера, то есть считать, что его больше не любят [14; 25].

Поэтому исходя из этого эмоционально нестабильные, тревожные, неуверенные в себе, застенчивые, импульсивные, уязвимые и склонные к сильным переживаниям индивиды, которые испытывают значительные трудности в установлении дружеских отношений, основанных на привязанности и духе товарищества, доверии и одобрении, с обостренным чувством угрозы разрыва отношений, страхом потерять своего партнера будут стремиться к контролю сексуальных отношений.

Большой контроль над чувствами и действиями своего партнера может усилить чувства собственной безопасности и уверенности в себе, в собственной силе и привлекательности для партнера. Ощущение власти над партнером может быть также фактором возбуждения, а проявления власти и контроля во время сексуальной близости с партнером могут выступать дополнительным стимулом для получения сексуального удовольствия. Вместе с тем снижение репродуктивной мотивации, особенно у мужчин, может быть связано как раз со страхом утраты контроля и власти над партнером.

Доброжелательность является стимулирующим предиктором мотива комфорта. Получение эмоциональной разрядки от стресса или негативных психологических состояний возможно только при гармоничном стиле общения, позволяющим партнерам реализовать взаимовыгодную сексуальную жизнь. Доброжелательные взаимоотношения между партнерами в большей степени строятся на учете потребностей и желаний друг друга. В дружелюбных отношениях расчет строится на стремлении вызывать позитивное ответное поведение партнера и, следовательно, взаимный обмен чувствами в сексуальных отношениях, что может привести к более сильному сексуальному удовлетворению.

Психопатия выступает ингибирующим предиктором мотива власти. Исследования показывают, что психопатия была положительно связана с более высокой сексуальной мотивацией, самооценкой и напористостью, но отрицательно – с тревогой и страхом. Кроме того, было установлено, что индивиды с высоким уровнем психопатии указали на большее количество сексуальных партнеров на протяжении всей жизни и более высокую общую удовлетворенность своей сексуальной жизнью. Это может означать, что индивиды с высоким уровнем психопатии подходят к своим сексуальным отношениям с большей уверенностью в себе и позитивными чувствами, которые и могут защищать их от негативных эмоций, связанных с сексуальной жизнью [26]. Поэтому, возможно, учитывая неспособность психопатов к сопереживанию, стремление к непродолжительным, краткосрочным отношениям, которые они чаще заводят для удовлетворения своих сексуальных потребностей, им вовсе не обязательно распределять властные полномочия со своими сексуальными партнерами, они ско-

рее склонны рассматривать секс как «одноразовое» завоевание, не предполагающее связанность дальнейшей близостью и обязательствами в отношениях.

Кроме того, было обнаружено, что добросовестность и макиавеллизм не являются предикторами сексуальной мотивации.

Заключение. В результате проведенного исследования были получены новые данные о половых различиях во взаимосвязях личностных характеристик и сексуальной мотивации китайских студентов. Определены прогнозные показатели и общие закономерности личностной детерминации сексуальной мотивации китайских студентов.

Литература

1. Фурманов, И.А. Диспозиционные сексуальные мотивы как зеркало ценностей в гетеро-сексуальных межличностных отношениях. / И.А. Фурманов // Нац. психол. журн. – 2017. – № 4(28). – С. 75–82.
2. Costa, P.T. The five-factor model and the NEO inventories. Oxford handbook of personality assessment / P.T. Costa, R.R. McCrae // J. N. Butcher. – New York, 2009. – P. 299–322.
3. Paulhus, D.L. The dark triad of personality: narcissism, Machiavellianism, and psychopathy / D.L. Paulhus, K.M. Williams // Journal of Research in Personality. – 2002. – Vol. 36(6). – P. 556–563.
4. Hodson, G. The role of «dark personalities» (narcissism, Machiavellianism, psychopathy), big five personality factors, and ideology in explaining prejudice / G. Hodson, S.M. Hogg, C.C. MacInnis // Journal of Research in Personality. – 2009. – Vol. 43(4). – P. 686–690.
5. Meston, C.M. Why Humans Have Sex / C.M. Meston, D.M. Buss // Archives of Sexual Behavior. – 2007. – Vol. 36. – P. 477–507.
6. Hill, C.A. Individual differences in the experience of sexual motivation: theory and measurement of dispositional sexual motives / C.A. Hill, L.K. Preston // Journal of Sex Research. – 1996. – Vol. 33(1). – P. 27–45.
7. Carroll, J.L. Differences between males and females in motives for engaging in sexual intercourse / J.L. Carroll, K.D. Volk, J.S. Hyde // Archives of Sexual Behavior. – 1985. – Vol. 14. – P. 131–139.
8. Ott, M.A. Greater expectations: adolescents' positive motivations for sex / M.A. Ott [et al.] // Perspectives on Sexual and Reproductive Health. – 2006. – Vol. 38. – P. 84–89.
9. Armstrong, H.L. Women's motivations to have sex in casual and committed relationships with male and female partners / H.L. Armstrong, E.D. Reissing // Archives of Sexual Behavior. – 2015. – Vol. 44. – P. 921–934.
10. Wyverkens, E. YSEX? A replication study in different age groups / E. Wyverkens [et al.] // J. Sex. Med. – 2018. – Vol. 15. – P. 492–501.
11. Ozer, E. Adolescents' reasons for having sex: Gender differences / E. Ozer, M. Dolcini, G. Harper // Journal of Adolescent Health. – 2003. – Vol. 33. – P. 317–319.
12. Patrick, M.E. Reasons to have sex, personal goals, and sexual behavior during the transition to college / M.E. Patrick, J.L. Maggs, C.C. Abar // Journal of Sex Research. – 2007. – Vol. 44. – P. 240–249.

-
13. Patrick, M.E. Measurement of motivations for and against sexual behavior / M.E. Patrick [et al.] // *Assessment*. – 2011. – Vol. 18. – P. 502–516.
14. Jirjahn, U. Big Five personality traits and sex / U. Jirjahn, M. Ottenbacher // *Journal of Population Economics*. – 2022. – P. 1–66.
15. Ingledew, D.K. Personality and riskier sexual behaviour: Motivational mediators / D.K. Ingledew, E. Ferguson // *Psychology and Health*. – 2007. – Vol. 22(3). – P. 291–315.
16. Heaven, P.C.L. Five personality factors and sex: Preliminary findings. / P.C.L. Heaven [et al.] // *Personality and Individual Differences*. – 2000. – Vol. 28(6). – P. 1133–1141.
17. Smith, C.V. Sexy deeds done dark? Examining the relationship between dark personality traits and sexual motivation / C.V. Smith, C.S. Overup, G.D. Webster // *Personality and Individual Differences*. – 2019. – Vol. 146. – P. 105–110.
18. Carter, G.L. The Dark Triad: Beyond a “male” mating strategy / G.L. Carter, A.C. Campbell, S. Muncer // *Personality and Individual Differences*. – 2014. – Vol. 56. – P. 159–164.
19. Brewer, G. Machiavellianism and sexual behavior: Motivations, deception and infidelity / G. Brewer, L. Abell // *Personality and Individual Differences*. – 2015. – Vol. 74. – P. 186–191.
20. Zhang, B. The Big Five Inventory-2 in China: A comprehensive psychometric evaluation in four diverse samples / B. Zhang [et al.] // *Assessment*. – 2021. – Vol. 29(6). – P. 1262–1284.
21. 耿耀国, 孙群博, 黄婧宜, 朱远征, 韩晓红. 黑暗十二条与短式黑暗三联征量表: 两种黑暗三联征测量工具中文版的检验. // *中国临床心理学杂志*. Geng Y., Sun Q., Huang J., Zhu Y., Han X. Dirty Dozen and Short Dark Triad: a Chinese Validation of Two Brief Measures of the Dark Triad. *Chinese Journal of Clinical Psychology*. – 2015. – Vol. 23(2). – P. 246–250.
22. Фурманов, И.А. Внутренняя согласованность шкал китайского варианта опросника «Аффективные мотивационные ориентации в сексуальной жизни» / И.А. Фурманов, С. Не // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология*. – 2022. – № 2. – С. 49–58.
23. Егорова, М.С. Темная триада / М.С. Егорова, М.А. Ситникова // *Психол. исследования*. – 2014. – Т. 7, № 38. – С. 12. – (<http://psystudy.ru>).
24. Allen, M.S. Linking big five personality traits to sexuality and sexual health: A meta-analytic review / M.S. Allen, E.E. Walter // *Psychological Bulletin*. – 2018. – Vol. 144(10). – P. 1081–1110.
25. Kurpisz, J. Personality traits, gender roles and sexual behaviours of young adult males / J. Kurpisz [et al.] // *Annals of General Psychiatry*. – 2016. – Vol. 15. – P. 28. – (<https://annals-general-psychiatry.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12991-016-0114-2>).
26. Steininger, B. Evidence for the superordinate predictive ability of trait psychopathy: The Dark Triad and quality of sexual life / B. Steininger, J. Pietschnig // *Personality and Individual Differences*. – 2022. – Vol. 193(3). – P. 111620. – (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886922001246>).

Поступила в редакцию 20.02.2023

Особенности ресурсной функции социально-перцептивных образов матерей

Стреленко А.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению роли социально-перцептивных образов как интрасубъективных и интерсубъективных ресурсов жизнеспособности матерей. Предполагалось, что существует статистическая связь между структурными компонентами социально-перцептивных образов, являющиеся интрасубъективными и интерсубъективными ресурсами матерей и их жизнеспособностью.

Цель исследования – определение ресурсной функции образной сферы социальной перцепции матерей.

Материал и методы. Выборку исследования составили 295 женщин разных возрастных когорт, в том числе: приемные матери – 86, воспитывающие приемных детей ($M=50,44$; $SD=7,91$); биологические матери – 99, воспитывающие родных детей ($M=36,91$; $SD=7,26$); будущие матери – 110, не имеющие опыта родительства ($M=23,61$; $SD=4,04$). Использовались следующие методики: методика «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая) (В.Л. Ситников); тест «Жизнеспособность взрослого человека» (А.В. Махнач). Применялись статистические методы: метод описательных статистик, метод корреляции Пирсона.

Результаты и их обсуждение. Были определены связи между компонентами социально-перцептивных образов (Я-, Он-, Ты-образы) и показателями жизнеспособности матерей. Для трех групп матерей установлены связи с различными ресурсами жизнеспособности, и они будут согласованы с когнитивными и регулятивными компонентами их Я-образов. У биологических матерей при отражении Он-образов абстрактных детей отмечается когнитивный, регулятивный, конативный компоненты образной сферы социальной перцепции, а также присутствует установка. В двух других группах матерей такой особенности нет. При отражении Ты-образов детей у приемных и биологических матерей отмечается наличие установки. При оценке Ты-образов детей в будущем и у приемных, и у биологических матерей отмечается связь конативного компонента социальной перцепции с показателями жизнеспособности матерей. Так, у женщин посредством реализации себя в материнской роли может повышаться значимость своей эффективности и, как следствие, жизнеспособность. Соответственно, социально-перцептивные образы могут способствовать осуществлению ресурсной функции. Значение такой функции заключается в эффективности поддержания жизнеспособности как отдельного человека, так и членов семейного взаимодействия.

Заключение. Результаты исследования показали, что для приемных матерей Я-образы и Ты-образы приемных детей становятся возможностью для поддержания своей жизнеспособности, для биологических матерей Я-образы и Ты-образы родных детей в будущем становятся ключевыми ресурсами их жизнеспособности, а вот для будущих матерей важным критерием их жизнеспособности становится собственный Я-образ. Полученные в работе результаты видятся как перспективные с точки зрения разработки новых подходов к исследованию социально-перцептивных образов как интрасубъективных и интерсубъективных ресурсов жизнеспособности матерей.

Ключевые слова: образная сфера социальной перцепции, социально-перцептивные образы, Я-образ, Ты-образ, личностные ресурсы, интрасубъективные ресурсы, интерсубъективные ресурсы, жизнеспособность матерей, приемные матери, биологические матери, будущие матери.

Peculiarities of the Resource Function of Socially-Perceptual Images of Mothers

Strelenko A.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article presents research findings on the role of social perceptual images as intrasubjective and intersubjective resources of mothers' viability. It was assumed that there is a connection between the structural components of socially perceptual images, which are intrasubjective and intersubjective resources of mothers and their viability.

The main goal of the study was to identify the resource function of the image sphere of mother social perception.

Material and methods. The sample of the research consisted of 286 women of different age cohorts including: foster mothers, 86, those raising foster children ($M=50.44$; $SD=7.91$); birth mothers, 99, raising their own children ($M=36.91$; $SD=7.26$); expectant mothers, 110, with no parenting experience ($M=23.61$; $SD=4.04$). The following methods were used: method "SIP(H)" – structure of the image of the person (hierarchical) (V.L. Sitnikov); test "Adult vitality" (A.V. Makhnach). The follow statistics methods were used: descriptive statistics, Pearson correlation method.

Findings and their discussion. Connections between the components of socially perceptual images (I-, He-, You-images) and indicators of mother vitality were identified. For three groups of mothers the connection with different vitality resources was identified, and they are connected with the cognitive and regulative components of their I-images. Cognitive, regulatory, and behavioral

components of the image sphere of biological mothers' social perception are noted when reflecting He-images of abstract children, and there is also an attitude. In the other two groups of mothers there is no such feature. When reflecting You-images of children adoptive and biological mothers manifest the presence of an attitude. When assessing the You-images of children in the future both foster and biological mothers manifest a connection between the conative component of social perception and indicators of mothers' vitality. Thus, women through the realization of themselves in the maternal role may increase the significance of their effectiveness and, as a consequence, viability. Accordingly, socially perceptual images can contribute to the implementation of the resource function. The significance of such function lies in the effectiveness of maintaining the vitality of both the individual and members of family interaction.

Conclusion. The results of the study showed that for adoptive mothers, I-images and You-images of adopted children become an opportunity to maintain their viability, for biological mothers, I-images and You-images of their own children in the future become key resources for their viability, but for expectant mothers their own I-image becomes an important criterion of their vitality. The results obtained in the work can be considered as promising from the point of view of developing new approaches to the study of socially perceptual images as intrasubjective and intersubjective resources of mother viability.

Key words: image sphere of social perception, socially perceptual images, I-image, You-image, personal resources, intrasubjective resources, intersubjective resources, mother vitality, foster mothers, biological mothers, expectant mothers.

Проблема социально-перцептивных образов как интрасубъективных и интересубъективных ресурсов жизнеспособности матерей предполагает свое рассмотрение с позиций методологических оснований посредством соотношения базисных и метапсихологических категорий. Следуя подобному суждению, «образ» является базисной категорией, связанной с такой метапсихологической категорией, как «сознание». Вместе с тем «образ» как базисная категория может соотноситься с другими базисными категориями, такими как «ресурсы», «жизнеспособность». Логика построения схемы рассуждения выглядит следующим образом: «сознание» → «образ» → «ресурс» → «жизнеспособность».

Как было ранее сказано [1], рассматриваемая в перцептивном и отражательном подходах, категория образа является фундаментальной проблемой психологии и имеет вековую историю своего становления. Однако до сих пор категория образа вызывает научный интерес и в настоящее время в области психологии сосредотачивает свое внимание на социально-перцептивном подходе [2–4].

Известно, категория образа связана с внутренним миром человека, с его духовностью. Как отмечает Н.С. Катунина [5], сложность изучения природы духовности личности заключается в том, что в самом субъекте (внутреннем мире человека) возникает деление на субъект и объект. Субъектом познания внутреннего мира выступает сознание человека (рассудок и разум), объектом – сфера бессознательного, в которую включается душевная жизнь. Проблема выделения уровней духовности внутреннего мира человека связана с разграничением сознания и душевной жизни.

Соответственно, в интересубъективности человека представлена внешняя сторона – общий опыт взаимодействующих субъектов и значимость его результатов как мира общих для конкретного социума смыслов [6], а в интрасубъективности скрыта

внутренняя сторона, в основе которой включается душевная жизнь человека, его самосознание [7]. Связь интрасубъективности с интересубъективностью осуществляется с помощью образов, выступающих посредниками, как называет их А.А. Гостев [8, с. 196], – «мостиками» в пространства, куда нет доступа понятийному познанию, но с этого глубинного уровня формируются «программы-матрицы», участвующие в психической регуляции, влияющие на действительность.

По мнению М.П. Бузского [6, с. 11], сегодня становится достаточно актуальным рассмотрение интересубъективности в пространстве и содержании культурно-символических форм, в которых реально связано общее и личностно-субъективное начала. Культурно-символическая форма – это артефакт народной и классической культуры, искусства, в которых закодирован смысл и результат (содержание), возникшие на основе обобщения многообразия личностного опыта, но выведенные на уровень надличностного символически-смыслового пространства. Культурно-символическая форма – конкретное проявление культуры как совокупности знаков и знаковых систем, символов, культурных обозначений (культурных текстов и кодов), выражающих различные культурные значения (культурные смыслы явлений, образы, метафоры и др.).

В свою очередь А.М. Поляков [9, с. 5], ссылаясь на идеи В.П. Зинченко о духовном слое сознания, полагает, что представления о Я, а также о взаимодействии «Я–Ты» встречаются в идеях Л.С. Выготского об интер- и интраиндивидуальности, взглядах Д.Б. Эльконина о совместной деятельности, исследованиях А.А. Ухтомского о «доминанте на лицо другого». Делая предположение о наличии функции построения системных связей между компонентами сознания, А.М. Поляков заключает, что с точки зрения культурно-исторической психологии важнейшей характеристикой раз-

вития сознания является построение внутренних системных связей между образующими его компонентами, которые опосредуются различными культурными формами, заключенными в образах.

Рассматривая социально-перцептивные образы как образы субъектов, мы предполагаем, что они могут взаимодействовать с другими базисными характеристиками, например личностными ресурсами и жизнеспособностью у людей. Учитывая наличие такой связи, социально-перцептивные образы могут осуществлять ресурсную функцию. Так, В.А. Толочёк [7, с. 120] понимает ресурсы как такие условия среды (внесубъектные ресурсы), процессы взаимодействия людей (интерсубъектные ресурсы) и индивидуальные особенности субъекта (интрасубъектные ресурсы), актуализация которых может приводить к становлению новых психических структур с особыми, системными связями, повышающими успешность субъектов при взаимодействии и деятельности.

Следует отметить, что проблема ресурсов на сегодняшний день широко представлена как в зарубежной, так и в отечественной психологии. Детальный анализ такой проблемы рассматривается в различных научных публикациях [10–13].

Что касается современного состояния категорий «личностные ресурсы» и «индивидуальная жизнеспособность», то на их связь в своей работе указывает С.А. Хазова (Хазова, 2016). Для того чтобы быть человеку жизнеспособным, т.е. продуктивным, успешным, ценным в глазах окружающих, необходимы позитивные качества его личности, т.е. ресурсы. Причем внутренние (интрасубъективные) характеристики и объекты физической и социальной среды начинают играть ресурсную роль именно тогда, когда им придается личностный смысл и ценность по отношению к достижению позитивных для субъекта результатов.

На основании проведенного анализа С.Л. Соловьева [14] отмечает, что проблема ресурсов обычно рассматривается в русле гуманистического направления психологии в связи с исследованиями позитивных свойств личности. Одно из них связано с изучением совладания с трудными жизненными событиями, с которыми люди за счет личностных качеств и свойств преодолевают стресс. В этой связи развивается проблематика психологического совладания (копинг-поведение), раскрываются личностные характеристики, которые либо способствуют, либо препятствуют совладанию с экстремальными жизненными ситуациями.

Действительно, дефицит ресурсов – одна из причин обострения социальной напряженности. Человек переживает это явление как стресс, адаптируется к нему, «осваивает» это состояние, оно становится необходимой частью его общественной культуры. Напряженность в тех или иных формах и аспектах сопутствует людям всю жизнь и может воплощаться в семейном взаимодействии. На это в своей работе указывает О.В. Варламова [15], рассматривая роль личностных ресурсов приемных родителей (матерей) в преодолении психологических трудностей.

Мы разделяем мнение о том, что каждый член семьи может использовать свои индивидуальные ресурсы таким образом, когда они будут повышать жизненную силу семьи, формировать как индивидуальные, так и коллективные установки на выживаемость. Тем более такой взгляд становится актуальным при рассмотрении значения реализации воспитательной функции родителей в ситуации взаимодействия с детьми в случае столкновения их с серьезными жизненными проблемами. Как отмечает К. Скэннелл [16], даже ожидания родителя эффективно справляться с повседневными потребностями воспитания детей могут вызывать умеренную стрессовую реакцию в ситуациях, считающихся относительно нормативными. Так, например, рассматривая проблему жизнеспособности приемной семьи, А.В. Махнач уделяет особое внимание управлению ее ресурсами [17].

Сам термин «жизнеспособность» был впервые введен Б.Г. Ананьевым, который подразумевал под ним общую трудоспособность человека, где главнейшим фактором становилась тренируемость интеллектуальных функций [18, с. 273–280]. Ввиду того, что образная сфера социальной перцепции неразрывно связана с интеллектуальными функциями, можно предположить, что социально-перцептивные образы субъектов (Я-, Он-, Ты-образы) выступают в качестве интрасубъективных и интерсубъективных ресурсов их жизнеспособности.

Целью нашего исследования стало определение ресурсной функции образной сферы социальной перцепции матерей.

Материал и методы. Работа была проведена с участием 295 человек различных возрастных когорт, из них: приемных матерей – 86 человек, от 27 до 71 года, воспитывающих приемных детей ($M=50,44$; $SD=7,91$); биологических матерей – 99 человек, от 22 до 55 лет, воспитывающие родных детей ($M=36,91$; $SD=7,26$);

будущих матерей – 110 человек, от 19 до 46 лет, не имеющие опыта воспитания родных или приемных детей ($M=23,61$; $SD=4,04$). Исследование проводилось после установления эмоционального контакта и анонимно, непосредственно с группами испытуемых, являющихся слушателями курсов повышения квалификации, а также студентами заочной формы обучения.

В исследовании применялись методика «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая) (В.Л. Ситников) [19]. Анализ социально-перцептивных образов был проведен по показателям 15-ти структурных характеристик. В структуре материнских представлений о себе (Я-образы) и представлений о детях (Он-образы абстрактных детей, Ты-образы реальных или воображаемых детей, Ты-образы реальных или воображаемых детей в будущем) были выделены три группы характеристик, отражающие когнитивные, регулятивные, конативные, оценочные компоненты образной сферы социальной перцепции. Так, в когнитивный компонент вошли интеллектуальные, интеллект социальный, метафорические характеристики; в регулятивный компонент – волевые, телесные, эмоциональные характеристики; в конативный компонент – деятельностные, конвенциональные, поведенческие, социальные характеристики. Модальные характеристики – положительные, отрицательные, нейтральные – отражают отношение (оценку) к объекту/субъекту восприятия.

Также в работе был использован тест «Жизнеспособность взрослого человека» (А.В. Махнач). Разработанный многошкальный тест позволяет рассматривать этот конструкт как многофакторное образование, описываемое шестью компонентами жизнеспособности человека: самоэффективность, настойчивость, внутренний локус контроля, совладание и адаптация, духовность, семейные и социальные взаимосвязи. Первые четыре шкалы позволяют оценить вклад индивидуально-психологических характеристик в жизнеспособность человека. Пятая шкала – отражает духовную сущность человека, его экзистенцию. Шестая шкала оценивает социальное и семейное окружение, способствующее жизнеспособности человека [17].

Методы математической статистики: описательная статистика, корреляционный анализ Пирсона. Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 23 for Windows.

Результаты и их обсуждение. В нашем исследовании решались важные задачи, выделенные для определения взаимосвязей структурных компонентов социально-перцептивных образов как интрасубъективных и интерсубъективных ресурсов матерей с их жизнеспособностью.

Так, при проверке гипотезы о связи Я-образов с жизнеспособностью в группе приемных матерей были выявлены 2 связи, из них 1 – прямая, 1 – обратная. В аналогичном сравнении в группе биологических матерей выявляется 5 взаимосвязей, из них 1 – прямая, 4 – обратные. В группе будущих матерей были определены 11 связей, из них 7 – прямые, 4 – обратные (результаты корреляционного анализа приведены в таблице 1).

Как видно из таблицы 1, в выборке приемных матерей показатели жизнеспособности согласованы с когнитивным и регулятивным компонентами образной сферы социальной перцепции.

У биологических матерей показатели жизнеспособности связаны с когнитивным и регулятивными компонентами образной сферы социальной перцепции, а также с их самооценкой. Так у них показатели настойчивости коррелируют с положительным самооцениванием. По-видимому, отмечающаяся положительная самооценка биологических матерей будет связана с стимулированием их активности на достижение целей, с увеличением стремления к упорству за восстановление баланса после воздействия неблагоприятных событий жизни, с развитием терпеливости в осваивании новых навыков. Вероятно, такие личностные и поведенческие особенности смогут уменьшать негативное отношение к себе и своей телесности. Обратную корреляционную связь совладания и адаптации с социальным интеллектом в образе Я можно рассматривать посредством сложившейся проблемной ситуации, которая становится личностно-значимой и поворачивает человека на самого себя, тем самым уменьшая вероятность понимания других людей, их взаимоотношения и социальные ситуации. При этом определяемая обратная связь совладания с отрицательными характеристиками Я-образов биологических матерей рассматривается нами как то, что с повышением таких характеристик в Я-образах ухудшается вероятность поиска и решения проблем, уменьшается способность к эмоциональной регуляции и саморегуляции, понижается оценка эффективности и результативности собственных усилий. Обратная связь показателей духовности с отрицательными характеристиками Я-образов биологических матерей свидетельству-

Таблица 1 – Результаты корреляционного анализа связи жизнеспособности с Я-образами матерей

Шкалы жизнеспособности	Характеристики Я-образов приемных матерей	Значение r_{xy}	Примеры содержательных характеристик Я-образов приемных матерей
Совладание и адаптация	Телесные	0,293*	Женщина, красивая, терпеливая, бабушка, аккуратная и др.
Самоэффективность	Интеллектуальные	-0,221*	Внимательная, любознательная, умная, целеустремленная и др.
Шкалы жизнеспособности	Характеристики Я-образов биологических матерей	Значение r_{xy}	Примеры содержательных характеристик Я-образов биологических матерей
Настойчивость	Положительные	0,229*	Ответственная, отзывчивая добрая, любящая, заботливая
	Телесные	-0,282**	Красивая, женщина, аккуратная, импульсивная, интересная и др.
Совладание и адаптация	Интеллект социальный	-0,230*	Общительная, честная, справедливая, искренняя и др.
	Отрицательные	-0,307**	Обидчивая, вспыльчивая, упрямая, ленивая, неуверенная
Духовность	Отрицательные	-0,224*	
Шкалы жизнеспособности	Характеристики Я-образов будущих матерей	Значение r_{xy}	Примеры содержательных характеристик Я-образов будущих матерей
Самоэффективность	Интеллектуальные	0,207*	Умная, целеустремленная, мечтательная, творческая и др.
	Интеллект социальный	0,285**	Общительная, справедливая, искренняя, понимающая и др.
Настойчивость	Интеллект социальный	0,219*	
	Телесные	-0,211*	Красивая, девушка, интересная, терпеливая, сильная и др.
	Положительные	0,377**	Добрая, ответственная, веселая, красивая, отзывчивая и др.
	Отрицательные	-0,286**	Вспыльчивая, неуверенная, ленивая, обидчивая, замкнутая
Внутренний локус контроля	Волевые	0,194*	Ответственная, трудолюбивая, целеустремленная, активная
	Интеллект социальный	0,240*	Общительная, честная, искренняя, понимающая и др.
	Телесные	-0,364**	Красивая, девушка, интересная, терпеливая, чувствительная
Семейные и социальные взаимосвязи	Социальные	0,264**	Добрая, ответственная, отзывчивая, общительная и др.
	Телесные	-0,306**	Красивая, девушка, интересная, терпеливая, сильная и др.

Примечание: * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

ет о том, что с обогащением их духовности будет повышаться самооценка, а самоотношение станет более позитивным.

В выборке будущих матерей, аналогично выборке биологических матерей, показатели жизнеспособности связаны с когнитивным и регулятив-

ным компонентами образной сферы социальной перцепции, а также с их самооценкой. Однако по сравнению с биологическими матерями у будущих отмечается существенно больше таких связей. Так, самоэффективность имеет прямую связь с характеристиками когнитивного компонента

Таблица 2 – Результаты корреляционного анализа связи жизнеспособности с образами абстрактного ребенка у матерей

Шкалы жизнеспособности	Характеристики образов абстрактных детей приемных матерей	Значение r_{xy}	Примеры содержательных характеристик образов абстрактных детей приемных матерей
Не определяется			
Шкалы жизнеспособности	Характеристики образов абстрактных детей биологических матерей	Значение r_{xy}	Примеры содержательных характеристик образов абстрактных детей биологических матерей
Совладание и адаптация	Поведенческие	0,298**	Активный, помогающий, балованный, рассудительный
Духовность	Волевые	0,215*	Активный, внимательный, послушный, трудолюбивый и др.
	Интеллектуальные	0,279**	Любознательный, умный, внимательный, творческий и др.
	Положительные	0,211*	Добрый, веселый, умный, красивый, любознательный и др.
	Отрицательные	-0,240*	Капризный, непослушный агрессивный, упрямый и др.
Шкалы жизнеспособности	Характеристики образов абстрактных детей будущих матерей	Значение r_{xy}	Примеры содержательных характеристик образов абстрактных детей будущих матерей
Не определяется			

Примечание: * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

самосознания. Похоже, для проявления самоэффективности у будущих матерей будут задействованы когнитивные ресурсы. Мы разделяем мнение о том, что когнитивные ресурсы есть мощность множества связанных когнитивных элементов, которые субъект активно использует в процессе решения задачи для реконструкции ее модели в мысленном плане [20, с. 61]. Подобная организация когнитивных элементов, выступающих единицами когнитивной структуры, по-видимому, будет касаться не только общего, но и социального интеллекта. В группе будущих матерей определяется связь показателей настойчивости с когнитивным и регулятивным компонентами образной сферы социальной перцепции, а также с модальными характеристиками их Я-образов. Вместе с тем обнаруживается связь внутреннего локуса контроля с когнитивным и регулятивным компонентами образной сферы социальной перцепции. Также связь определяется между семейными и социальными взаимосвязями и регулятивным компонентом образной сферы социальной перцепции.

В отношении проверки гипотезы о связи Он-образов абстрактных детей приемных, биологических и будущих матерей с показателями их жизнеспособности были получены следующие результаты. Так в группе приемных матерей корреляции не определяются. В аналогичном сравнении в группе биологических матерей выявляется 5 корреляций, из них 4 – прямые, 1 – обратная. В группе будущих матерей корреляции не определяются (результаты корреляционного анализа приведены в таблице 2).

Как видно из таблицы 2, в выборке приемных матерей связи жизнеспособности с Он-образами абстрактных детей не определяются.

В выборке биологических матерей показатели жизнеспособности связаны с когнитивным, регулятивным и конативным компонентами образной сферы социальной перцепции. Также определяется связь показателей жизнеспособности с оценочным отношением к объекту социального восприятия. Так, биологические матери представляют свою жизнеспособность через совладание и адап-

Таблица 3 – Результаты корреляционного анализа связи жизнеспособности с образами реального и воображаемого ребенка у матерей

Шкалы жизнеспособности	Характеристики образов приемных детей матерями	Значение r_{xy}	Примеры содержательных характеристик образов приемных детей матерями
Внутренний локус контроля	Положительные	0,227*	Добрый, красивый, умный, ласковый, веселый, отзывчивый
Семейные и социальные взаимосвязи	Интеллект социальный	0,213*	Понимающий, открытый, общительный, доверчивый и др.
Шкалы жизнеспособности	Характеристики образов родных детей матерями	Значение r_{xy}	Примеры содержательных характеристик образов родных детей матерями
Совладание и адаптация	Положительные	0,243*	Красивый, добрый, умный, любимый, веселый и др.
	Отрицательные	-0,263**	Обидчивый, ленивый, упрямый, капризный, хитрый и др.
Шкалы жизнеспособности	Характеристики образов воображаемых детей будущих матерей	Значение r_{xy}	Примеры содержательных характеристик образов воображаемых детей будущих матерей
Семейные и социальные взаимосвязи	Деятельностные	-0,215*	Аккуратный, трудолюбивый, любит спорт, старательный и др.

Примечание: * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

тацию, духовность, которые коррелируют с поведенческими, волевыми, интеллектуальными, положительными и отрицательными характеристиками Он-образов абстрактных детей. Действительно, в ситуациях, связанных с преодолением жизненных трудностей, биологические мамы больше сосредотачиваются на поведенческих, волевых и интеллектуальных особенностях в образах абстрактных детей. Более того, считают, что с ростом духовности должны уменьшаться отрицательные характеристики в личности детей, аналогично их собственным представлениям о самих себе.

В выборке будущих матерей связи жизнеспособности с Он-образами абстрактных детей не определяются.

По результату проверки гипотезы о связи Ты-образов приемных, родных и воображаемых детей приемных, биологических и будущих матерей с показателями их жизнеспособности были получены следующие результаты. Так в группе приемных матерей были выявлены 2 прямые связи. В аналогичном сравнении в группе био-

логических матерей выявляется 2 взаимосвязи, из них 1 – прямая, 1 – обратная. В группе будущих матерей была определена 1 обратная связь (результаты корреляционного анализа приведены в таблице 3).

Как видно из таблицы 3, в группе приемных матерей прямая связь определяется по показателям внутренним локусом контроля и положительными характеристиками Ты-образов приемных детей, а также прямая связь отмечается по показателям семейными и социальными взаимосвязями и социальным интеллектом Ты-образов приемных детей. По-видимому, посредством ресурса, связанного с внутренним локусом контроля, а также с семейными и социальными взаимосвязями, будет формироваться эмоциональное отношение к приемному ребенку. Отсюда возникает актуальность вопроса социального взаимодействия в области патронажа замещающей семьи в целом. Безграмотно-выстроенного социального взаимодействия эта работа будет малоэффективной.

В выборке биологических матерей показатели жизнеспособности связаны с оценочным отношением к объекту социального восприятия. Так, у биологических матерей отмечается прямая связь показателей совладания с положительными характеристиками и обратная связь с отрицательными характеристиками образов родных детей. Обращает на себя внимание тот факт, что с увеличением положительных и уменьшением отрицательных характеристик в образах родных детей, биологические матери будут использовать вариативные способы совладания, увеличивающие шансы на нахождение позитивного смысла в складывающейся жизненной ситуации. Возможно, что в представлениях матерей правильное, чаще хорошее поведение ребенка связано с лучшей адаптацией ее самой в социальной среде.

В отличие от биологических матерей, в группе будущих матерей есть обратные связи, определяемые между показателями семейных и социальных взаимосвязей и деятельностными характеристиками образов ребенка. Интересно, чем больше социальных и семейных взаимосвязей, тем меньше деятельностных характеристик в образах будущих детей. По-нашему мнению, такую обратную связь можно объяснить представлением взрослых о жизни ребенка, который еще не включен во взрослую деятельность. Возможно, что будущие матери представляют маленьких детей как ресурс своей жизнеспособности, который будет важным источником их эмоциональной поддержки и сможет обеспечить межличностные связи в семье. Но описывая предполагаемый образ своего ребенка, будущие матери могут сосредоточиться на объекте своего воображения и по понятным причинам еще не способны отражать индивидуального субъекта жизни и деятельности, т.е. своего ребенка в силу отсутствия такой жизни в настоящем.

По результату проверки гипотезы о связи Ты-образов приемных, родных и воображаемых детей в будущем приемных, биологических и будущих матерей с показателями их жизнеспособности были выявлены следующие данные. Так в группе приемных матерей были установлены 2 связи, из них 1 – прямая, 1 – обратная. В группе биологических матерей определяется 5 корреляций, из них 4 – прямые, 1 – обратная. В группе будущих матерей корреляции не определяются (результаты корреляционного анализа приведены в таблице 4).

Как видно из таблицы 4, в выборке приемных матерей показатели жизнеспособности оказыва-

ются связаны с конативным компонентом образной сферы социальной перцепции. Так, прямая связь имеет место быть между самоэффективностью и деятельностными характеристиками Ты-образов приемных детей в будущем. Обратная связь устанавливается по показателям духовности и поведенческими характеристиками Ты-образов приемных детей в будущем. Такие связи показывают на преобладание конативного компонента образной сферы социальной перцепции.

В выборке биологических матерей показатели жизнеспособности связаны с эмоциональными характеристиками Ты-образов их детей в будущем. Определяется прямая связь эмоциональных характеристик образов с самоэффективностью, с настойчивостью, с внутренним локусом контроля, с совладанием и адаптацией. Обратная связь обнаруживается по показателям шкалы духовности и поведенческими характеристиками Ты-образов. Соответственно, показатели жизнеспособности биологических матерей будут связаны с регулятивным и конативным компонентами образной сферы социальной перцепции.

В отношении будущих матерей значимые корреляции не определяются.

На основании проведенного исследования по определению взаимосвязей образной сферы социальной перцепции с жизнеспособностью приемных, биологических и будущих матерей можно выделить некоторые особенности. Так определяется связь критериев жизнеспособности с характеристиками Я-образов матерей. Причем наибольшее количество связей отмечается в группе будущих матерей. Вероятно, жизнеспособность респондентов этой группы связана с ориентацией на представления о самой себе, на свою Я-концепцию. Такие критерии жизнеспособности, как самоэффективность, настойчивость, внутренний локус контроля, семейные и социальные взаимосвязи будут иметь связь с характеристиками их Я-образов. Наибольшую тесноту связи структурных компонентов Я-образов будущих матерей будут иметь такие критерии жизнеспособности, как настойчивость и внутренний локус контроля. На связь Я-концепции с локусом контроля показывают некоторые иные исследования. Так, например, в работе О.Ю. Стрежицкой определяется связь Я-концепции с локусом контроля, меняющий свою полярность в зависимости от самоотношения субъекта в ситуации стресса [21]. Что касается настойчивости, то по мнению С.К. Нартовой-Бочавер и В.Г. Ерофеевой, такую личност-

Таблица 4 – Результаты корреляционного анализа связи жизнеспособности с образами реального и воображаемого ребенка в будущем у матерей

Шкалы жизнеспособности	Характеристики образов приемных детей в будущем	Значение r_{xy}	Примеры содержательных характеристик образов приемных детей в будущем
Самоэффективность	Деятельностные	0,259*	Трудолюбивый, ленивый, аккуратный, старательный и др.
Духовность	Поведенческие	-0,268*	Помощник, исполнительный, активный, рассудительный и др.
Шкалы жизнеспособности	Характеристики образов родных детей в будущем	Значение r_{xy}	Примеры содержательных характеристик образов родных детей в будущем
Самоэффективность	Эмоциональные	0,227*	Добрый, любимый, веселый, ласковый, любознательный, дружелюбный, любящий, милый, обидчивый, любящий животных, интересный, нежный и др.
Настойчивость	Эмоциональные	0,207*	
Внутренний локус контроля	Эмоциональные	0,225*	
Совладание и адаптация	Эмоциональные	0,329**	
Духовность	Поведенческие	-0,204*	Активный, помощник, балованный, осторожный и др.
Шкалы жизнеспособности	Характеристики образов воображаемых детей в будущем	Значение r_{xy}	Примеры содержательных характеристик образов воображаемых детей в будущем
Не определяется			

Примечание: * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).
 ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

ную черту можно рассматривать как ментальный ресурс, позволяющий людям активно проявлять себя в деятельности, а также помогающий справляться со страхами, неуверенностью и неудачами ради субъективно значимой цели [22].

На втором месте по количеству связей элементов жизнеспособности с характеристиками Я-образов располагается группа биологических матерей. Наибольшую тесноту связи структурных компонентов Я-образов биологических матерей будут иметь такие критерии жизнеспособности, как настойчивость, а также совладание и адаптация. Очевидно, как и будущие матери, матери биологические в отражении себя отмечают такое ресурсное качество, как настойчивость, определяемое Е.П. Ильиным как «... систематическое проявление силы воли по реализации долговременной мотивационной установки, как стремление человека достичь отдаленной по времени цели, несмотря на возникающие препятствия и трудности» [23, с. 23]. Наряду с этим у биологических матерей образная сфера социальной

перцепции оказывается связанной с совладанием и адаптацией, определяемые как копинг-стратегии, способствующие преодолению возникающих трудных жизненных ситуаций. По мнению Е.П. Белинской [24], преодолеть такие ситуации человеку помогают личностные ресурсы совладания, к которым относят различные личностные качества, а также особенности представлений человека о самом себе.

На третьем месте по количеству подобных связей между показателями жизнеспособности и структурными компонентами Я-образов находится группа приемных матерей. Причем выраженная теснота связи отмечается по показателям совладания и адаптации, а также самоэффективности. Как отмечает Н.А. Булышко [25], самоэффективность – это убеждения в том, что человек способен успешно осуществить поведение, необходимое для достижения ожидаемых результатов. Причем восприятие собственной эффективности влияет на паттерны мышления, на решения, действия и переживания, на целеполагание и настой-

чивость, на каузальные атрибуции и мотивацию, а также на ряд других когнитивных и эмоциональных факторов, воздействующих в свою очередь на поведение и эффективность деятельности. Следует отметить, что самоэффективность как элемент жизнеспособности встречается и в группе будущих матерей. Вероятно, это объясняется тем, что в самом общем смысле общая самоэффективность позитивно связана с установками личности на безопасное поведение в ситуациях, обусловленных с риском [26]. Благодаря такой установке реализуется потребность человека в безопасности. И если у будущих матерей отмечается прямая связь самоэффективности с когнитивным компонентом образной сферы личности, то у приемных матерей подобная корреляция имеет обратную связь. Возможно, для приемных матерей будет характерным неуверенность в том, что они станут успешными в своей деятельности.

Что касается сущности Он-образов, в частности Он-образов абстрактных детей, рассматриваемые как объекты культуры, несущие в себе опыт существования «других» субъектов, а также определяемые как совокупность установок и действий сообщества (группы или конкретного общества), то они также могут становиться интерсубъективными и интрасубъективными ресурсами матерей. Мы разделяем мнение автора, который утверждает, что интерсубъективность обнаруживается не только в отношениях между индивидами, но и в глубине каждого из нас: помимо экстра-субъективной плюральности (как множественности существующих, не сводимых друг к другу) возможна интрасубъективная множественность как опыт общения с «другим собой» (диалог между мной и мной самим). Последняя, в отличие от психологической рефлексии, по мнению А.А. Осанова [27], представляет собой не просто склонность к анализу своих внутренних состояний, а коллекционирование человеком воедино внутреннего опыта. По-нашему мнению, такой опыт подготавливает основу для восприятия себя (в роли матери) и другого (своего ребенка) для взаимодействия и общения.

В отличие от предыдущего сравнения, сопоставление связей жизнеспособности трех групп испытуемых и Он-образов абстрактного ребенка отмечаются только в группе биологических матерей. Причем, в группе биологических матерей выраженная теснота связи структурных элементов Он-образов абстрактного ребенка отмечается по показателям совладания и адаптации, а также по показателям духовности.

По результатам выявления связи критериев жизнеспособности с характеристиками Ты-образов приемных детей у приемных матерей, Ты-образов родных детей у биологических матерей, Ты-образов воображаемых детей у будущих матерей также имеются особенности. Так, показатели внутреннего локуса контроля и положительных характеристик Ты-образов приемных детей отмечается у приемных матерей. У них же имеется связь по показателям семейных и социальных взаимосвязей и социального интеллекта. Что касается сопоставления связей показателей жизнеспособности с характеристиками детских образов биологически матерей, то повышению совладания и адаптации будет способствовать увеличение положительных характеристик в Ты-образах их детей, а вот с увеличением отрицательных характеристик в Ты-образах, совладание и адаптация, наоборот, будут понижаться. Скорее всего в основе такого оценочного отношения могут лежать социальные установки, влияющие на восприятие и взаимодействие с родными детьми. В группе будущих матерей есть связь по показателям семейных и социальных взаимосвязей и деятельностными характеристиками Ты-образов воображаемых детей будущих матерей, которые по мере взросления своих детей представляют себе их как менее зависимых от себя людей, вступающих в интеракции с другими людьми, как более социализированных личностей, осуществляющих собственную деятельность и проявляющих индивидуальную активность.

Обобщая результаты полученных данных в отношении определяемых корреляционных связей жизнеспособности матерей и структурных компонентов Ты-образов детей в будущем, следует сказать, что больше всего таких связей определяется в группе биологических матерей. Что касается группы будущих матерей, то значимые корреляции между жизнеспособностью и Ты-образами воображаемого ребенка не определяются. А вот в группе приемных матерей выделяются связи структурных компонентов Ты-образов приемных детей в будущем с показателями самоэффективности и духовности. Соответственно, повторяющимся элементом жизнеспособности в группе биологических и приемных матерей выступает самоэффективность. Причем самоэффективность у приемных матерей связана с когнитивным компонентом, а у биологических – с регулятивным компонентом образной сферы социальной перцепции. Что касается связи духовности с образами детей в будущем, то и у приемных, и у биологи-

ческих матерей она отмечается с поведенческими характеристиками Ты-образов детей в будущем, т.е. с конативным компонентом образной сферы социальной перцепции.

Таким образом, в группе приемных матерей в двух образах (Я-образах и Ты-образы приемного ребенка в будущем) повторяющимся критерием жизнеспособности определяется самоэффективность. Родительская самоэффективность, или самооценка своей компетентности в роли родителя и удовлетворенность этой ролью, признается важным фактором, влияющим на «качество» родительских практик и развитие детей. Как отмечает К.Н. Поливанова и др. [28], в основе родительской самоэффективности лежат не столько конкретные родительские знания и умения, а сколько уверенность родителя в том, что он справится со своей ролью. Самоэффективность матерей имеет связь с успешностью материнства, где «самоэффективность матери» в большей степени отражает самооценку женщины в сфере материнства и характеризует когнитивную составляющую субъективной успешности материнства.

В группе биологических матерей во всех четырех образах (в Я-образах, Он-образах, Ты-образах родных детей, Ты-образах родных детей в будущем) повторяющимся критерием жизнеспособности определяется совладание и адаптация. По-видимому, образная сфера социальной перцепции биологических матерей посредством регулятивной функции, порождая поведенческую и когнитивную активность, будет способствовать выработке определенных копинг-стратегий с целью преодоления сложных жизненных ситуаций, обуславливая взаимодействие с партнером по коммуникации. В свою очередь, выработанные механизмы совладания будут способствовать адаптации к произошедшим изменениям. Вместе с тем у биологических матерей в трех образах (в Я-образах, Он-образах абстрактных детей, Ты-образах родных детей в будущем) повторяющимся критерием жизнеспособности устанавливается духовность. По нашему мнению, такая особенность может быть связана с ориентацией на себя, на свою субъектность и ее проявление в многообразии жизни с ее духовно-нравственными ценностями. Благодаря связи образной сферы социальной перцепции с духовностью как ресурсом для проживания жизни увеличивается вероятность сосредоточения человека на ценностно-смысловых и нравственных установках при взаимодействии с другими людьми.

В группе будущих матерей в двух образах (в Я-образах, Ты-образах воображаемых детей) повторяющимся критерием жизнеспособности определяется семейные и социальные взаимосвязи.

Заключение. Результаты эмпирического исследования подтверждают наше предположение о взаимосвязи структурных компонентов социально-перцептивных образов (Я-, Он-, Ты-образов), определяемых как интрасубъективные и интересубъективные ресурсы матерей с их жизнеспособностью.

Социально-перцептивные образы, являющиеся элементами образной сферы социальной перцепции, могут выполнять ресурсную функцию. Значение такой функции заключается в эффективности поддержания жизнеспособности не только отдельного человека, но и членов семейного взаимодействия. Как показало наше исследование, для приемных матерей Я-образы и Ты-образы приемных детей становятся возможностью для поддержания своей жизнеспособности, для биологических матерей Я-образы и Ты-образы родных детей в будущем становятся ключевыми ресурсами их жизнеспособности, а вот для будущих матерей важным критерием их жизнеспособности становится собственный Я-образ.

Полученные в работе результаты видятся как перспективные с точки зрения разработки новых подходов к исследованию социально-перцептивных образов как интересубъективных и интрасубъективных ресурсов жизнеспособности матерей и членов их семей.

Литература

1. Стреленко, А.А. Проблема образа человека как субъекта социально-перцептивного отражения: системный анализ / А.А. Стреленко // Системная психология и социология. – 2022. – № 2(42). – С. 64–74. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.06.
2. Ситников, В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых / В.Л. Ситников. – СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.
3. Реан, А.А. Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков / А.А. Реан, И.А. Коновалов // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 60–80. DOI: 10.17759/sps.2018090205.
4. Ситников, В.Л. Социально-перцептивные образы как регуляторы детско-родительских отношений в приемных семьях / В.Л. Ситников [и др.] // Социальная психология и общество. – 2021. – Т. 12, № 2. – С. 129–147. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120208>.
5. Катунина, Н.С. Дуализм внутреннего мира человека / Н.С. Катунина // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Философия. Психология. Социология. – 2012. – № 4(12). – С. 47–52.
6. Бузский, М.П. Интересубъективность как свойство культурно-символической формы / М.П. Бузский // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2015. – № 1(27). – С. 6–14.

7. Толочёк, В.А. Социальная успешность человека: внесубъектные и интересубъектные ресурсы / В.А. Толочёк // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. – 2015. – Т. 4, № 2. – С. 115–123. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2015-4-2-115-123>.
8. Гостев, А.А. Актуальные междисциплинарные проблемы изучения образной сферы человека / А.А. Гостев // Мир психологии. – 2009. – № 4(60). – С. 196–206.
9. Поляков, А.М. Развитие сознания в контексте проблемы знакового и символического опосредствования / А.М. Поляков // Культурно-историческая психология. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 4–12. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180201>.
10. Лаврик, А.В. Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности / А.В. Лаврик // Гуманизация образования. – 2014. – № 1. – С. 44–47.
11. Хазова, С.А. Ментальные ресурсы и жизнеспособность субъекта / С.А. Хазова // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 210–219 (глава в коллективной монографии).
12. Махнач, А.В. Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке / А.В. Махнач // Психол. журн. – 2017. – Т. 38, № 4. – С. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0205959217040018>.
13. Кашапов, М.М. Ресурсность мышления как ключевая компетентность педагога в условиях цифровизации образовательной среды [Электронный ресурс] / М.М. Кашапов, Н.В. Сурина, А.С. Кашапов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Психология. – 2022. – Т. 40. – С. 18–30. URL: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2022.40.18> (дата обращения: 26.08.2022).
14. Соловьёва, С.Л. Ресурсы личности. [Электронный ресурс] / С.Л. Соловьёва // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2010. – № 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 25.08.2022).
15. Варламова, О.В. Роль личностных ресурсов приемных родителей (матерей) в преодолении психологических трудностей / О.В. Варламова // Семья, брак и родительство в современной России / отв. ред. Т.В. Пушкарева, М.Н. Шведова, К.Б. Зуев. – М.: Когито-Центр, 2014. – С. 43–45.
16. Scannell, C. Parental Self-Efficacy and Parenting through Adversity / C. Scannell // Parenting-Studies by an Ecocultural and Transactional Perspective / Edited by Loredana Benedetto and Massimo Ingrassia. IntechOpen, 2021. – P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.5772/intechopen.91735>.
17. Махнач, А.В. Жизнеспособность замещающей семьи как малой социальной группы: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / А.В. Махнач. – Москва, 2019. – 434 с.
18. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
19. Ситников, В.Л. Применение методики СОЧ(И) при проведении судебно-психологических экспертиз в рамках семейного кодекса / В.Л. Ситников, А.А. Стреленко, В.Ф. Енгальчев // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2021. – № 2. – С. 77–87.
20. Воронин, А.Н. Когнитивный ресурс: структура, динамика, развитие / А.Н. Воронин, Н.Б. Горюнова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 276 с.
21. Стрижицкая, О.Ю. Воспринимаемый стресс, locus контроля и самопринятие: теоретические и эмпирические подходы / О.Ю. Стрижицкая // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Психология. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 21–31. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2019.102>.
22. Нартова-Бочавер, С.К. Настойчивость как ментальный ресурс / С.К. Нартова-Бочавер, В.Г. Ерофеева // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / отв. ред. А.Л. Журавлёв, М.А. Холодная, П.А. Сабашош. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. – С. 372–380.
23. Ерофеева, В.Г. Что такое «grit» и почему она может быть личностным ресурсом? / В.Г. Ерофеева, С.К. Нартова-Бочавер // Соврем. зарубеж. психология. – 2020. – Т. 9, № 4. – С. 22–31. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfr.2020090402>.
24. Белинская, Е.П. Совладание как социально-психологическая проблема [Электронный ресурс] / Е.П. Белинская // Психол. исследования: электрон. науч. журн. – 2009. – № 1(3). URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1001> (дата обращения: 26.08.2022).
25. Булышко, Н.А. К проблеме самоэффективности в психологии / Н.А. Булышко // Вестн. Мозыр. гос. пед. ун-та им. И.П. Шемякина. – 2009. – Т. 3, № 24. – С. 37–46.
26. Салмина, Н.Г. Компоненты представлений о самоэффективности специалиста / Н.Г. Салмина, Е.В. Звонова, Е.Ю. Елизарова // Вестн. ун-та. – 2021. – № 3. – С. 177–182. DOI: [10.26425/1816-4277-2021-3-177-182](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-177-182).
27. Осанов, А.А. Интерсубъективность в контексте процессов коммуникации / А.А. Осанов // Inter-Cultur@1-Net. – 2009. – № 8. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/178/> (дата обращения 22.02.2022).
28. Поливанова, К.Н. Самоэффективность как содержательная основа образовательных программ для родителей / К.Н. Поливанова [и др.] // Вопросы образования. – 2015. – № 4. – С. 184–200. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-4-184-200>.

Поступила в редакцию 19.12.2022

Искусственный интеллект: проблема и перспектива его использования в образовании

Шевцов А.В.

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

В статье представлен анализ различных подходов исследователей к вопросу о влиянии программ с искусственным интеллектом на самосознание личности, в особенности представителей нынешнего подрастающего поколения. Подчеркнута важность того, что, несмотря на упрощение различных сфер человеческой жизнедеятельности, с их появлением необходимо создание определенных условий и в образовательном процессе для сочетания искусственного интеллекта с естественным интеллектом. Именно поэтому педагогам уже сейчас следует способствовать развитию у учащихся навыков осознанного, целенаправленного и критичного применения программ с искусственным интеллектом в процессе организации конструктивной совместной деятельности между ними. И в данном случае программы с искусственным интеллектом могут являться важным и актуальным педагогическим средством.

Цель статьи – расширение научных сведений о применении конструктивного потенциала программ с искусственным интеллектом на примере организации совместной деятельности учащихся, обусловленной сочетанием искусственного интеллекта с естественным интеллектом самих субъектов. Все это должным образом может влиять на их познавательный мотив, а также на развитие таких качеств личности, как рефлексия и эмпатия.

***Материал и методы.** Материалом послужили труды исследователей и ученых, а также эмпирические данные, посвященные проблемам и особенностям возрастания роли программ с искусственным интеллектом на самосознание личности пользователя информационных технологий, особенно представителей подросткового возраста. Поэтому для решения поставленной задачи были применены: систематизация и концептуализация научных идей, а также их сравнительный анализ.*

***Результаты и их обсуждение.** Проанализированы существующие подходы и позиции различных исследователей в определении сущности искусственного интеллекта, его деструктивного влияния и конструктивного применения. Использование систематизации научных данных, а также определение важнейших концептуальных идей исследований позволило определить наиболее проблемный аспект применения искусственного интеллекта. В данном случае это касается слабой осознанности, критичности и ответственности при работе с ним, что может негативно сказаться на гармоничном развитии личности субъекта, а также его отношения к другим людям и различным сферам жизнедеятельности. В свою очередь совместная деятельность, в основе которой лежит познавательный мотив, использования программ с искусственным интеллектом в условиях образовательной среды играет определенную роль в развитии социально-значимых и индивидуально-важных качеств личности, таких как рефлексия и эмпатия. Это обусловлено сочетанием искусственного интеллекта с естественным интеллектом участвующих субъектов, что подтверждается эмпирическими данными, полученными в результате проведения двух формирующих экспериментов.*

***Заключение.** В настоящее время существует большое количество подходов в изучении программ с искусственным интеллектом. Данные программы могут способствовать как деформации личности человека, так и улучшению навыков работы с большим количеством информации, а также способствовать самообучению. Особенно это становится актуальным для современных детей и подростков. В то же время в результате совместной деятельности, в основе которой лежит познавательный мотив, при работе с программами искусственного интеллекта в среде подростков может сформироваться новый тип субкультуры. Так благодаря ему расширяются возможности применения программ с искусственным интеллектом, не ограничиваясь лишь совершенствованием познавательной активности учащихся, но и готовности к осмысленному несению персональной ответственности за совершаемые действия как в виртуальной среде, так и в окружающей действительности в целом.*

***Ключевые слова:** различные подходы, искусственный интеллект, самосознание, рефлексия, эмпатия, учащиеся, образовательный процесс, совместная деятельность, педагогическое средство.*

Artificial Intelligence: Problem and Perspective of its Use in Education

Shevtsov A.V.

Education Establishment "Brest State A.S. Pushkin University"

The article presents an analysis of various approaches of researchers to the issue of the impact of programs with artificial intelligence on the self-awareness of the individual, especially the representatives of the current younger generation. The importance of the fact is emphasized that, despite the simplification of various spheres of human life with their emergence, it is necessary to create certain conditions in the educational process to combine artificial intelligence with natural intelligence. That is why teachers now need to promote the development of students' skills in the conscious, purposeful and critical use of programs with artificial intelligence in the process of organizing constructive joint activities between them. Programs with artificial intelligence can be an important and relevant pedagogical tool.

The purpose of the article is to expand scientific information on the application of the constructive potential of programs with artificial intelligence on the example of organizing joint activities of students, due to the combination of artificial intelligence with the natural intelligence of the subjects themselves. All this can properly influence their cognitive motive, as well as the development of such personality traits as reflection and empathy.

Material and methods. *The material was the works of researchers and scientists, as well as empirical data on the problems and features of the increasing role of programs with artificial intelligence on the self-awareness of the personality of an information technology user; especially adolescents. Therefore, to solve the problem, the following were used: systematization and conceptualization of scientific ideas, as well as their comparative analysis.*

Findings and their discussion. *The existing approaches and positions of various researchers in determining the essence of artificial intelligence, its destructive influence and constructive application are analyzed. The use of systematization of scientific data, as well as the identification of the most important conceptual ideas of research, made it possible to determine the most problematic aspect of the application of artificial intelligence. In this case, this concerns weak awareness, criticality and responsibility when working with him, which can negatively affect the harmonious development of the subject's personality, as well as his relationship to other people and various spheres of life. In turn, the joint activity, which is based on a cognitive motive, using programs with artificial intelligence in an educational environment plays a certain role in the development of socially significant and individually important personality traits, such as reflection and empathy. This is due to the combination of artificial intelligence with the natural intelligence of the participating subjects, which is confirmed by empirical data obtained from two formative experiments.*

Conclusion. *Currently, there are a large number of approaches to the study of programs with artificial intelligence. These programs can contribute both to the deformation of a person's personality and to the improvement of skills in working with a large amount of information, as well as to promote self-learning. This is especially true for today's children and adolescents. At the same time, thanks to joint activities based on a cognitive motive, when working with artificial intelligence programs, a new type of subculture can form among adolescents. So thanks to him, the possibilities of using programs with artificial intelligence are expanding, not limited only to improving the cognitive activity of students, but also the readiness to meaningfully bear personal responsibility for the actions taken, both in the virtual environment and in the surrounding reality as a whole.*

Key words: *different approaches, artificial intelligence, self-awareness, reflection, empathy, students, educational process, joint activity, pedagogical tool.*

В каждой исторической эпохе развития общества доминировал определенный способ передачи и получения информации. Ранее это были различные физические носители: письма, газеты, а затем телеграф и телевидение. В начале XXI в. особое значение в нынешнем постиндустриальном обществе стали занимать различные средства информационных технологий для передачи цифровых данных или сведений. И здесь необходимо отметить, что из года в год постепенно происходит совершенствование данных технологий ввиду достижений в области научно-технического прогресса. Примером этого является цифровая бытовая техника, управляемая дистанционно с помощью специального приложения на смартфоне или планшете у большого круга пользователей. Так сопоставляя, к примеру, год 2005-й и 2020-й, видим, что сначала мобильный телефон выполнял преимущественно функцию связи между людьми в сравнении с его расширенным аналогом (смартфон) в настоящее время.

В свою очередь в кибернетике существует система искусственного интеллекта, в которой системы искусственного интеллекта (ИИ) подразделяются на четыре основные темы: тема 1 «автоматическое распознавание образов»; тема 2 «экспертные системы»; тема 3 «нейросети»; тема 4 «виртуальная реальность».

Искусственный интеллект представляет собой определенную систему, функционирующую на базе информационных технологий. Она способна имитировать работу высшей нервной деятельности человека (работу головного мозга), поведения для выполнения конкретных задач, а также способность к постепенному самообучению на основе новой полученной информации, согласно определению И.Д. Карпенко [1]. Так, примерами ИИ являются: приложение «Google Maps», персональный помощник «Siri», чат-боты интернет-сервиса «Outgrow», система «Умный дом» и др. В то же время остается открытым вопрос неоднозначного влияния ИИ на развитие личности человека, его отношения к собственной личности, а также взаимодействие с другими людьми. С одной стороны, ИИ помогает быстрому поиску ответов, имитации диалога с «другим» субъектом. С другой – происходит снижение критичности пользователя к полученной информации от ИИ в различных информационных данных, а также при осуществлении дистанционной коммуникации. Исходя из исследования Л.В. Смысловой [2], в данном случае особую актуальность использования ИИ представляет сфера образования. И это объясняется тем, что подрастающее поколение быстрее усваивает новые тенденции, возникающие в социальной действительности,

нежели более взрослое. Таким образом, следует рассмотреть различное влияние систем с ИИ для того, чтобы минимизировать их негативное воздействие на усвоение учебной информации на уроке, то есть сочетание использования ИИ совместно с естественным интеллектом (ЕИ) учащегося.

Цель статьи – расширение научных сведений о применении конструктивного потенциала программ с искусственным интеллектом на примере организации совместной деятельности учащихся, обусловленной сочетанием искусственного интеллекта с естественным интеллектом самих субъектов. Все это должным образом может влиять на их познавательный мотив, а также на развитие таких качеств личности, как рефлексия и эмпатия. Следовательно, конструктивные программы с искусственным интеллектом могут являться важным и актуальным педагогическим средством.

Материал и методы. Материалом послужили труды исследователей и ученых, а также эмпирические данные, посвященные проблемам и особенностям возрастания роли программ с искусственным интеллектом на самосознание личности пользователя информационных технологий, особенно представителей подросткового возраста. Поэтому для решения поставленной задачи были использованы: систематизация и концептуализация научных идей, а также их сравнительный анализ.

Проблема использования программ с искусственным интеллектом. Программы с искусственным интеллектом затрагивают очень много сфер и областей деятельности индивида в современном постиндустриальном обществе. Так имитация различных видов антропологических отношений переносится в виртуальное пространство, в котором происходит постепенное совершенствование ИИ в различных сферах или областях деятельности, подобно развитию сознания у ребенка и его дальнейшее совершенствование в будущем (Д.В. Винник) [3].

Практическое использование ИИ существенно способствует облегчению, а также упрощению человеческой деятельности. Примерами этого являются автоматизации и оптимизация промышленности, транспорта, автоматического расчета для поднятия экономического роста организаций, а также сокращения профессий механического труда, тем самым давая возможность реализации человека в различных областях его жизнедеятельности.

Однако здесь встает вопрос: как именно влияние и распространение ИИ может сказаться на такой важной сфере человеческой деятельности, как образование? Ведь благодаря системе образования происходит передача знаний от более опытного и старшего поколения к младшему в условиях образовательного процесса. При этом педагогическая сфера деятельности относится к системе «человек–человек», в которой важная роль отводится способности постановки самого себя на место другого. А также готовности работать с разным типом людей, умением прощать и помогать, вне зависимости от собственных индивидуально-личностных особенностей для получения должного результата – становление развитой, самостоятельной, ответственной личности каждого учащегося. И в данном случае первостепенная роль систем ИИ может потенциально способствовать деформации личности подрастающего поколения по ряду причин.

Во-первых, большое количество информации можно получить из систем поиска «Google», «Яндекс» или других. Эта информация может быть достоверной, но может оказаться и ложной (субъективной). А для этого необходимо критическое отношение учащихся к получаемым сведениям из цифровой среды, что маловероятно, если сам педагог принимает информацию от систем ИИ без детальной ее проверки и в последующем дает ее ученикам.

Во-вторых, чрезмерная помощь ИИ в выполнении заданий учащихся (использование по типу «шпаргалок») снижает как их познавательную активность, так и саму мотивацию к самостоятельному получению новых и объективных знаний по различным учебным предметам и дисциплинам.

В-третьих, сильное увлечение виртуальным пространством как способом удовлетворения познавательных или личностных интересов несет в себе опасность замены подлинных человеческих отношений на виртуальный «цифровой мир» со своей спецификой и особенностями.

В-четвертых, молодые люди могут стать жертвами вредоносных систем ИИ, разработанных хакерами или мошенниками для получения определенных сведений или данных, а также получить определенную психологическую травму. Примером этого являлась система по типу игровых действий, провоцирующая самоубийства среди детей и подростков, – «Синий кит». Встречаются также и другие ее названия:

«Тихий дом», «Море китов», «Млечный путь». В данном случае сниженная критичность к ее отрицательным особенностям стала причиной деструктивного поведения среди подрастающего поколения, на что указывала исследователь Л.О. Алгави [4].

Именно поэтому на основе вышеописанных аспектов и необходимо создание определенных ограничений использования и распространения ИИ в системе образования. При этом следует сделать акцент на положительной стороне ИИ для минимизации его негативных последствий на еще не сформировавшую личность детей и подростков.

Программы с искусственным интеллектом в условиях образовательного процесса. Такие исследователи, как О.А. Пырнова, Р.С. Зарипова и С.П. Миронов в своих научных трудах подчеркивали, что в настоящее время существует большое количество программ ИИ, помогающих в образовании, благодаря которым подрастающее поколение, а также педагоги, получают большое количество необходимой и полезной информации. И в данном случае весомым преимуществом является то, что разработанная образовательная технология на базе специально созданного ИИ, определенным образом адаптируется в соответствии с потребностями разного круга учащихся. Так система разработки программного обеспечения с ИИ помогает всем субъектам образовательного процесса работать над своими слабыми и сильными сторонами. Например, программа ИИ обнаруживает, где у индивида возникают трудности и отправляет необходимые материалы для дальнейшего их предотвращения. В данном случае были выделены следующие программы с ИИ:

1. «Автоматическая оценка». Специализированная компьютерная программа, основанная на ИИ, которая имитирует поведение педагога, проставляющего оценки за эссе, рефераты, контрольные работы. Она может оценивать знания учащихся, анализировать их ответы, давать обратную связь и составлять индивидуальные планы обучения.

2. «Промежуточный интервал обучения». Представленная программа перепроверяет те знания, которые учащиеся могли забыть. Так, система с ИИ отслеживает то, что было изучено уже ранее.

3. «Обратная связь для педагогов». На протяжении многих лет учителя оценивали друг друга, однако сейчас это делается уже не с по-

мощью бумажных носителей, а все чаще используются чат-боты с ИИ, которые способны собирать мнения через диалоговый интерфейс как настоящий интервьюер.

4. «Виртуальные помощники». На данный момент уже существуют помощники для педагогов, которые способны отвечать точно и быстро на запросы учащихся, благодаря встроенным в них программам с ИИ.

5. «Чат Кампус». Названный проект способен помогать детям и подросткам, которые начали заниматься с начала учебного года. Он объясняет, как попасть в необходимый класс, пройти или отнести документы.

6. «Персонализированное обучение». Проект относится к разнообразным образовательным программам, в которых темп обучения и учебный подход оптимизированы для потребностей каждого учащегося. В конкретном случае ИИ подберет нужный темп для учащихся, чтобы они могли лучше усвоить учебную программу.

7. «Адаптивное обучение». Проект предполагает, что ИИ способен отслеживать прогресс каждого учащегося в классе, а также информировать педагога о материале, который конкретному ученику трудно понять [5; 6].

Таким образом, на основе вышеизложенных фактов необходимо отметить, что использование различных конструктивных систем с ИИ способно определенным образом облегчить поиск новой учебной информации, а также повысить навыки самоконтроля и обратной связи.

Однако здесь встает вопрос: неужели это все, на что способны различные системы с ИИ в образовании? Именно поэтому еще необходима определенная совместная деятельность учащихся, в которой будет происходить не просто получение новой информации, но также развиваться и способность к лучшему пониманию личности другого человека.

Так в последнее время наблюдается новое научное направление: когнитивные технологии. В этом направлении присутствует идея о том, что система с ИИ должна сочетаться одновременно с работой естественного интеллекта самого человека. И это является наиболее оптимальным вариантом использования ИИ [7; 8]. Кроме этого, наметилось и еще одно направление замены персонализации обучения на обучение малыми группами учеников в школе, в учреждениях высшего и средне-специального образования. Данное направление получило развитие в России в УО «Ярославский университет имени

К.Д. Ушинского». Суть его заключалось в переходе к групповому обучению. Ученики решают поставленную задачу совместно, совещаясь друг с другом, а не выполняют ее самостоятельно.

Результаты и их обсуждение. Отличительная черта комплекса наших четырех авторских разработанных развивающих программ совместно с Объединенным институтом проблем информатики Национальной академии наук Беларуси и созданных на базе «ISTON» («Угадай мотив», «4 мышки», «Виртуальная комната», «Полет самолета») состоит в следующем. Система ИИ в этой разработке компьютерных программ представлена экспертными системами. Экспертами выступают сами компьютерные программы, а ученики в группе являются получателями по эстафете и носителями естественного интеллекта. Учебное действие совершается одним учеником, а остальные члены группы (2–3 человека) становятся экспертами в оценке успешности или неуспешности обучения первого ученика. Затем ученики меняются местами в режиме обучения. Экспертная оценка дается без баллов, без наказания и без поощрения. В этом учебном процессе работы экспертных оценок запрещается или минимизируется участие педагога. Занятия по обучению в группе проходят на протяжении длительного периода. И поэтому в коллективе в группе создается субкультура.

Другие три наши авторские развивающие программы («Ответ профессора», «Профессиональная персоналия», «Для чего нам нужен YouTube?») позволили доказать следующее: наличие в них системы искусственного интеллекта также оказывает определенное влияние на развитие рефлексии и эмпатии у учащихся. Например, в развивающей программе «Ответ профессора» была использована программа с ИИ «Google Translate». При этом: трое или двое учеников в ролях «Студентов курса» посылают другому ученику, который находится в противоположном конце класса и исполняет роль «Профессора», вопрос на иностранном языке по учебным предметам (физика, химия, биология и т.д.). Затем последний должен перевести вопрос на русский язык и отправить ответ также на иностранном языке, который был выбран изначально учениками (английский, испанский, арабский и др.).

В другой развивающей программе «Профессиональная персоналия» была использована программа с ИИ «Антиплагиат» (бесплатная

версия). Суть ее заключалась в следующем: трое или четверо учеников готовили научную статью по схеме: введение, актуальность, проблема, основная часть и заключение, на примере знаменитой личности учреждения образования, в котором они учатся или на примере своих знаменитых родственников. Затем проверяли статью на оригинальность с помощью выбранной программы, благодаря которой смогли определить также последовательность собственных мыслей и логичность ее оформления на примере других похожих статей в сети Интернет.

И в последней развивающей программе «Для чего нам нужен YouTube?» была использована программа с ИИ «АВВУ FineReader». Принцип ее работы: трое или четверо учеников из одной подгруппы пытались с ее помощью распознать нечеткие изображения с учебными или развивающими вопросами другой подгруппы, специально сфотографированными в «искаженном» варианте и распознать их фотографии, которые также были плохо просматриваемые («шум изображения»).

В формирующем эксперименте № 1 данные программы были использованы без ИИ (учащиеся делали все самостоятельно), а в формирующем эксперименте № 2 уже с использованием в них систем ИИ.

Сначала был организован формирующий эксперимент № 1. Данный эксперимент проводился на базах двух государственных учреждений образования г. Бреста – «Средняя школа № 16 г. Бреста» и «Средняя школа № 5 г. Бреста» на протяжении 8 месяцев с октября 2020 года по май 2021 года. В данном исследовании приняли участие 140 испытуемых возрастом от 12 до 14 лет (70 учащихся из контрольной выборки и 70 из экспериментальной). В процессе формирующего эксперимента № 1 в выделенном помещении учреждения образования (кабинет информатики) проводились занятия с учащимися экспериментальной выборки с очередностью 1–2 раза в неделю. Нами использовался метод наблюдения за испытуемыми в процессе исследования на базе учреждения образования.

Входной переменной в данном случае являлись уникальные условия использования конструктивных средств информационных технологий (авторских развивающих программ) группой подростков: ненаказуемость за ошибку, согласованность действий, отсутствие конкуренции, смена ролей, подлинный сценарий,

Таблица 1 – Результаты исследования рефлексии и эмпатии в формирующем эксперименте № 1

Тип выборки				
Контрольная группа	Этапы теста	Уровень	Рефлексия	Эмпатия
	1-й этап	Низкий	38,6%	27,1%
		Средний	47,1%	45,8%
		Высокий	14,3%	27,1%
	2-й этап	Низкий	32,9%	22,9%
		Средний	47,1%	44,3%
		Высокий	20%	32,8%
Статистические различия (F-критерий Фишера)			$f^*_{эмп} = 0,704$ – зона незначимости	$f^*_{эмп} = 0,574$ – зона незначимости
Экспериментальная группа	Этапы теста	Уровень	Рефлексия	Эмпатия
	1-й этап	Низкий	31,4%	18,6%
		Средний	54,3%	44,3%
		Высокий	14,3%	37,1%
	2-й этап	Низкий	14,3%	8,6%
		Средний	65,7%	48,6%
		Высокий	20%	42,8%
Статистические различия (F-критерий Фишера)			$f^*_{эмп} = 2,449$ – зона значимости	$f^*_{эмп} = 1,751$ – зона неопределенности

авторитетность разработчиков и минимальное участие педагога. Независимой переменной выступали две группы респондентов, которые не использовали и использовали конструктивные средства информационных технологий в процессе проведения эксперимента. Зависимой и выходной переменной в этом эксперименте являлся уровень развития у подростков рефлексии и эмпатии.

В формирующем эксперименте № 1 нами были использованы следующие методики:

1) тест «Уровень рефлексивности (А.В. Карпов)», который позволяет определить уровень выраженности рефлексивности (высокий, средний, низкий) у респондентов: рефлексия прошлой, настоящей, будущей деятельности и рефлексия взаимодействия с другими людьми;

2) тест «Шкала эмоционального отклика (А. Меграбян, Н. Эпштейн)» позволяет определить степень выраженности уровня эмпатии у испытуемых: очень высокий, высокий, средний (нормальный), низкий, очень низкий. То есть изучать способность субъекта становиться на место другого человека, понимать его взгляды, интересы, ценности и личностные предпочтения.

Таким образом, учащиеся подросткового возраста, которые использовали программу

с искусственным интеллектом «ISTON» и три развивающие программы без ИИ («Ответ профессора», «Профессиональная персоналия», «Для чего нам нужен YouTube?»), в условиях совместной деятельности, показывали более высокие результаты уровня рефлексивности и эмпатии, в отличие от тех учащихся, которые данную программу не применяли [9; 10]. Результаты тестирования обеих выборок представлены в таблице 1.

В дальнейшем нами был организован формирующий эксперимент № 2. Данный эксперимент проводился на базе одного государственного учреждения образования г. Минска – «Гимназия № 7 г. Минска» на протяжении 8 месяцев с сентября 2021 года по апрель 2022 года. В нем приняли участие 100 испытуемых в возрасте от 12 до 14 лет (50 учащихся из контрольной выборки и 50 из экспериментальной). В процессе формирующего эксперимента № 2 в выделенном помещении учреждения образования (кабинет информатики) проводились занятия с учащимися обеих выборок с очередностью 1–2 раза в неделю. Нами использовался метод наблюдения за испытуемыми в процессе исследования на базе учреждения образования.

Входными переменными являлись:

1. Уникальные условия использования ком-

пьютерной программы группой подростков (цифровой альтруизм в совместной деятельности): ненаказуемость за ошибку, согласованность действий, отсутствие конкуренции, смена ролей, подлинный сценарий, авторитетность разработчиков и минимальное участие педагога. При этом в этой входной переменной были следующие уровни ее эффективности использования: 1) высокоэффективный уровень (соблюдение всех семи условий использования компьютерной программы); 2) среднеэффективный уровень (несоблюдение 1–3 любых условий использования компьютерной программы из семи); 3) малоэффективный уровень (несоблюдение 4–5 любых условий использования компьютерной программы из семи); 4) неэффективный уровень (несоблюдение 6–7 условий использования компьютерной программы из семи).

2. Симуляция компьютерной программы с искусственным интеллектом «субъекта» субкультуры среди подростков.

В данном формирующем эксперименте № 2 у экспериментальной выборки учащихся подросткового возраста в первой входной переменной был высокоэффективный уровень использования компьютерной программы, а у учащихся контрольной выборки неэффективный уровень ее применения. В то же время вторая входная переменная осталась без изменений у обеих групп.

Независимой переменной выступали две группы респондентов, которые использовали конструктивные средства информационных технологий в условиях соблюдения цифрового альтруизма в совместной деятельности (экспериментальная выборка) и которые их применяли без соблюдения условий цифрового альтруизма совместной деятельности (контрольная выборка) в процессе проведения формирующего эксперимента № 2. Зависимой и выходной переменной в этом эксперименте являлся уровень развития системной рефлексии и эмпатии.

В формирующем эксперименте № 2 нами были применены следующие методики:

1. Опросник «Дифференциальный тип рефлексии (Д.А. Леонтьев)» позволяет определить уровень развития системной рефлексии у респондентов: низкий, заниженный, средний и высокий. В таком случае системная рефлексия позволяет лучше понять собственную личность, а также видение субъекта в окружающей его действительности в целом.

2. Методика «Диагностика уровня эмпатических способностей (В.В. Бойко)». Представленная методика нами использовалась для определения выраженности уровня эмпатии (низкий, заниженный, средний, высокий).

Таким образом, учащиеся подросткового возраста, которые использовали программу с искусственным интеллектом «ISTON» и три развивающие программы с ИИ («Ответ профессора», «Профессиональная персоналия», «Для чего нам нужен YouTube?») в условиях совместной деятельности, показывали более высокий рост именно высокого уровня системной рефлексии, а также более сильное снижение низкого и заниженного уровней эмпатии. И все это в сравнении с теми учащимися (контрольная выборка), которые применяли данные программы с ИИ без соблюдения условий совместной деятельности, то есть самостоятельно. Результаты тестирования обеих выборок представлены в таблице 2.

Проанализировав эмпирические данные двух формирующих экспериментов, необходимо отметить следующий аспект. Так в отличие от экспериментальной выборки в формирующем эксперименте № 1 у экспериментальной выборки в формирующем эксперименте № 2 имеется более выраженная положительная динамика изменения рефлексии и эмпатии. Так у экспериментальной выборки в формирующем эксперименте № 2 высокий уровень системной рефлексии стал встречаться значительно чаще (на 28% больше; $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,07$ – зона значимости), чем высокий уровень рефлексивности у экспериментальной выборки в формирующем эксперименте № 1 (на 5,7% больше; $\varphi^*_{\text{эмп}} = 0,899$ – зона незначимости). Также у данной выборки существенно сократились низкий и заниженный уровни эмпатии (на 22% меньше; $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,6$ – зона значимости) в сравнении с экспериментальной выборкой в формирующем эксперименте № 1, у которой низкий уровень эмпатии сократился у десятой части испытуемых (на 10% меньше; $\varphi^*_{\text{эмп}} = 1,751$ – зона неопределенности). Все это свидетельствует о том, что у подростков, которые применяли больше программ с ИИ, может быть более результативное формирование ответственного отношения к самому себе и другим людям. Кроме того, будут интенсивнее развиваться качества осознанности и критичности при выборе будущей профессиональной деятельности и создании семьи в будущем.

Таблица 2 – Результаты исследования системной рефлексии и эмпатии в формирующем эксперименте № 2

		Тип выборки			
Контрольная группа	Этапы теста	Уровень	Системная рефлексия	Эмпатия	
	1-й этап	Низкий		0%	30%
		Заниженный		20%	56%
		Средний		52%	14%
		Высокий		28%	0%
	2-й этап	Низкий		2%	32%
		Заниженный		22%	56%
		Средний		44%	12%
		Высокий		32%	0%
	Статистические различия (F-критерий Фишера)			$\varphi^*_{\text{эмп}} = 0,48$ – зона незначимости	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 0,3$ – зона незначимости
Экспериментальная группа	Этапы теста	Уровень	Системная рефлексия	Эмпатия	
	1-й этап	Низкий		2%	20%
		Заниженный		26%	66%
		Средний		54%	12%
		Высокий		18%	2%
	2-й этап	Низкий		2%	14%
		Заниженный		8%	50%
		Средний		44%	32%
		Высокий		46%	4%
	Статистические различия (F-критерий Фишера)			$\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,36$ – зона значимости	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,6$ – зона значимости

Таким образом, проанализировав основные аспекты использования программы с ИИ на примере «ISTON», а также научно-познавательных интернет-сервисов и средств дистанционной коммуникации (текстовые, аудио, видео) без использования ИИ и с его применением, мы пришли к следующим выводам:

1. Наиболее эффективным является сочетание искусственного интеллекта с естественным интеллектом в лабораторных занятиях по модели эстафеты. Поэтому правомерно допустить, что информационные технологии трансформируют психику учащегося не по психологическим, а по информационным законам кодирования, передачи, сохранения и декодирования психологических сообщений.

2. Имеется отличие новой, кибернетической концепции усвоения знаний учащегося от классической психологической концепции. Согласно новой концепции, если в акте передачи ученику знаний учитель отсутствует,

а есть только сверстники, книги, видео, то усвоение знаний в антропогенезе у человека само по себе произойти не может. Для усвоения знаний нужны специальные педагогические и психологические условия. Это соответствует позиции Л.С. Выготского о роли учителя: сначала учитель в натуре (или с экрана) должен продемонстрировать ребенку прототип действия, затем ребенок (подросток) постепенно выучивается выполнять это действие самостоятельно.

3. Кибернетическая позиция в отношении условий более жесткая. Для передачи ребенку или подростку опыта социума недостаточно демонстрации учителем ученику прототипа действия. Ученику недостаточно видеть учителя в кино, недостаточно прочесть о прототипе в книге. Этим демонстрациям опыта учителя и социума ученик, на всякий случай, из осторожности, теперь не верит и автоматически не подражает. Он устраивает проверку в виде эксперимента в субкультуре антропологической

целесообразности воспринятых от социума прототипов. Для этой проверки ребенку необходимы эпизодически уединение от социума, от учителя, детская субкультура, сверстники, сюжетно-ролевые с ними игры, режиссерские игры с самим собой.

4. Ученику следует научиться повторно загружать в буфер своей памяти картины прошлых событий. За счет повторной актуализации прошлых событий в буфере памяти, во время уединения, в субкультуре, он «открывает» свою функцию увиденного предмета, свою цель чужого действия. Ученик в отношении функции предметов и целей действий с ними руководствуется не статистикой, скрытой в поведении социума, а выдвигает социуму встречные гипотезы (концепция Ж. Пиаже) о том, правильно ли он интерпретировал смысл воспринятого. Примером могут служить явления словотворчества в речи детей, сказкотворчества, стихотворчества, смысловотворчества.

5. Необходимо сочетание компьютерной программы «ISTON» с научно-познавательными интернет-сервисами, средствами дистанционной коммуникации, которые содержат в себе элементы ИИ, способного к имитации «субъекта» деятельности. Все это влияет не только на более заметное снижение низких показателей в рефлексии и эмпатии, но и на их положительную динамику изменения в личности подростков. Это свидетельствует о том, что имеется конъюнкция в условиях их применения и использования учащимися.

Именно поэтому целесообразно педагогам делать акцент на использовании программ с ИИ, выступающих новым и актуальным педагогическим средством, в основе которого лежит познавательный мотив, играющий важную роль для появления нового позитивного типа субкультуры учащихся, изначально созданной в условиях образовательного процесса.

Подведя основные итоги, на основании проанализированных аспектов в данной статье следует отметить, что применение систематизации научных данных, а также определение важнейших концептуальных идей исследований позволило раскрыть наиболее проблемный аспект применения искусственного интеллекта. В нашем случае это касается слабой осознанности, критичности и ответственности при работе с ним, что может негативно сказаться на гармоничном развитии личности субъекта, а также его отношения к другим людям и различным

сферам жизнедеятельности. В свою очередь совместная деятельность, в основе которой лежит познавательный мотив использования программ с искусственным интеллектом в условиях образовательной среды, играет определенную роль в развитии социально-значимых и индивидуально-важных качеств личности, таких как рефлексия и эмпатия. Это обусловлено сочетанием искусственного интеллекта с естественным интеллектом участвующих субъектов, что подтверждается эмпирическими данными, полученными в результате проведения формирующего эксперимента.

Заключение. В условиях возрастающей цифровизации в современном обществе будет отмечаться и дальнейшее усиление воздействия различных видов и средств информационных технологий на жизнь каждого субъекта социума. ИИ несет в себе как риски, так и новые возможности совершенствования в различных областях жизнедеятельности людей. Однако этический аспект его распространения и применения требует особого подхода как со стороны специалистов в области информационных технологий, так и со стороны каждого человека со свободой выбора и несением персональной ответственности за данный выбор перед самим собой и другими людьми. В свою очередь сфера образования выступает одной из важных областей человеческой культуры и цивилизации, в которой происходит подготовка подрастающего поколения к дальнейшей жизни. Она имеет весомое значение в формировании мировоззрения и ценностных ориентаций. Именно поэтому так важно педагогам в условиях образовательного процесса определить проблемную и потенциальную сторону применения учащимися информационных технологий. В особенности это касается систем ИИ для формирования позитивных социально-значимых и личностных качеств каждого учащегося. И это требует разработки определенной педагогической технологии, в результате чего дети и подростки будут не просто применять различные средства ИИ для решения конкретных задач, а непосредственно взаимодействовать друг с другом с соблюдением определенных условий именно совместной деятельности, благодаря которой и происходит наиболее оптимальное сочетание искусственного интеллекта с их естественным интеллектом. И особенно это проявляется в их познавательной активности.

Таким образом, вышеизложенные рекомендации потенциально могут способствовать развитию у учащихся навыков критичности, осмысленности, целесообразности, значимости, психологической совместимости и безопасности при использовании искусственного интеллекта в решении широкого спектра задач. И в данном случае ключевым аспектом будет выступать несение представителями подрастающего поколения персональной ответственности за выбор совершаемых действий как в виртуальной среде, так и в окружающей их действительности в целом, благодаря совершенствованию таких качеств их личности, как рефлексия и эмпатия.

Литература

1. Карпенко, И.Д. Искусственный интеллект / И.Д. Карпенко // Новейший философский словарь. – 3-е изд., испр. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1280 с.
2. Смыслова, Л.В. Чат-бот как современное средство интернет-коммуникаций / Л.В. Смыслова // Молодой ученый. – 2018. – № 9(195). – С. 36–39.
3. Винник, Д.В. Проблема сознания: метафизическое и естественнонаучное содержание / Д.В. Винник // Философия науки. Научное издание по философии, методологии и логике естеств. наук. – 2011. – № 2(49). – Новосибирск, 2011. – С. 86–105.
4. Алгави, Л.О. «Синий кит»: пять аспектов новостного нарратива / Л.О. Алгави, Ш.Н. Кадыров, Н.Е. Расторгуева // Вестн. РУДН. – 2017. – Т. 22, № 4. – С. 660–668.
5. Зарипова, Р.С. Особенности и тенденции развития современного инженерного образования / Р.С. Зарипова, О.А. Пырнова // Совр. исследования соц. проблем. – Красноярск: Науч.-инновац. центр, 2018. – Т. 9. – № 8–2. – С. 43–46.
6. Зарипова, Р.С. Современные тенденции информатизации образования / Р.С. Зарипова, С.П. Миронов // NovaUm. Ru. – 2018. – № 12. – С. 18–19.
7. Лосик, Г.В. Виртуальное распознавание характеристик мотивов человека при осмотре им трехмерных объектов / Г.В. Лосик, В.Е. Морозов, А.В. Северин // Номотетическая и идеографическая парадигмы исследования: проблемы, попытка диалога: сб. науч. материалов и тезисов / редкол.: А.В. Северин, Н.В. Былинская. – Брест: Альтернатива, 2021. – С. 71–72.
8. Вольнец, Д.В. Подражание путем кодирования сенсорного образа в моторном пространстве и формирование моторного жеста / Д.В. Вольнец, Г.В. Лосик, В.Е. Морозов // BIG DATA and Advanced Analytics = BIG DATA и анализ высокого уровня: сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2021 / редкол.: В.А. Богуш [и др.]. – Минск: Бестпринт, 2021. – С. 458–461.
9. Шевцов, А.В. Роль рефлексивности и личностной рефлексии в становлении межличностной культуры общения у ИТ-пользователей подросткового возраста [Электронный ресурс] / А.В. Шевцов // Нар. асвета. – 2021. – № 12. – Режим доступа: <https://www.n-asveta.by/dadatki/2021/n12/shevcov.pdf>. – Дата доступа: 29.12.2021.
10. Шевцов, А.В. Эмпатия и рефлексия первого и второго порядка как важные компоненты психологической совместимости / А.В. Шевцов // Вестн. МГЛУ. Сер. 2: Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. – 2021. – № 2(40). – С. 96–109.

Поступила в редакцию 27.01.2022

Модификация современной белорусской семьи: от традиционализма до детоцентризма

Клещёва Е.А.

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»

Детоцентрическая семья как альтернатива семье традиционной становится модификационной формой современной белорусской семьи, которая мало соответствует славянским национальным и культурным традициям. Возникновение культа детства в социальной жизни общества позволило перенести западную (европейскую) модель семейного взаимодействия на реалии отечественной семьи, скорректировав национальные традиции семейного уклада (структура семьи, ее иерархия, функции семьи, роль взрослых в социализации ребенка).

Цель статьи – теоретически обосновать модификацию традиционной белорусской семьи в сторону детоцентризма.

Материал и методы. Теоретическое обобщение построено на результатах эмпирических исследований, позволяющие дифференцировать традиции семейного взаимодействия в западно-европейских семьях и семьях славянских народов.

Результаты и их обсуждение. Доказано, что современная белорусская семья неопатриархальная моногамная нуклеарная с сохранением патрилинейности и стратегическим лидерством мужа. Обязанности женщины сохраняются: хозяйка, отвечающая за эмоциональный микроклимат в семье, основной воспитатель. Роль женщины дополняется ролью стратегического партнера мужа. Материальная ответственность распределяется между супругами. Сохраняются традиционные практики семейного взаимодействия: ценность семьи, позитивное отношение к расширенной семье, ориентир на авторитетность взрослых, ответственность к прародителям и младшим членам семьи. Однако, очевиден переход к детоцентрической семье путем экстраполяции западно-европейского опыта семейного взаимодействия на уклад белорусской семьи. Уменьшается состав семьи, усиливается детоцентризм, обесценивается опыт старших в области родительства, усиливается родительский контроль и опека, искажаются временные границы между поколением детей и внуков за счет смещения родительской и прародительской роли.

Заключение. Традиционная белорусская семья модернизируется в сторону детоцентризма, что имеет последствия: разрушение традиционных практик воспитания, ребенок становится объектом родительских инвестиций и центром семейного взаимодействия. Это способствует его инфантилизации, эгоцентризму, неумению и нежеланию ребенка брать на себя роль родителя; конфликтности в отношении со сверстниками; нарушению адаптации; отсутствию некоторых социальных умений.

Ключевые слова: детоцентрическая семья, традиционная семья, национальные традиции семейного взаимодействия.

Modification of the Modern Belarusian Family: from Traditionalism to Child-Centrism

Klescheva E.A.

Education Establishment "Baranovich State University"

The child-centered family, as an alternative to the traditional one, is becoming a modification form of the modern Belarusian family, which hardly corresponds to the Slavic national and cultural traditions. The emergence of the cult of childhood in the social life of society made it possible to transfer the Western (European) model of family interaction to the realities of domestic family, correcting the national traditions of the family structure (its hierarchy, family functions, the role of adults in the socialization of a child).

The purpose of the article is to theoretically substantiate the modification of the traditional Belarusian family towards child-centrism.

Material and methods. The theoretical generalization is based on the results of empirical studies that allow differentiating the traditions of family interaction in Western European families and Slavic families.

Findings and their discussion. It has been proved that the modern Belarusian family is a neo-patriarchal monogamous nuclear system with the preservation of patrilinealism and strategic leadership of the husband. The responsibilities of a woman remain: the housewife who is responsible for the emotional microclimate in the family, and the main educator. The role of the woman is complemented by the role of the husband's strategic partner. Material responsibility is distributed between spouses. Traditional practices of family interaction persist: the value of the family, a positive attitude to the extended family, the authority of adults, responsibility to grandparents and younger family members. However, the transition to a child-centered family is obvious by extrapolating the Western European experience of family interaction to the Belarusian family. The composition of the family is decreasing, child-centrism is increasing, the experience of elders in parenting is depreciating, parental control and guardianship is increasing, the time boundaries between the generation of children and grandchildren are distorted due to the shift in parental and grandparental roles.

Conclusion. The traditional Belarusian family is modernizing towards child-centrism, which has its consequences. Destruction of traditional upbringing practices, a child becomes an object of parental investment and the center of family interaction, which contributes to his infantilization, egocentrism, inability and unwillingness of the child to take on the role of a parent; conflicts with peers; violation of adaptation; lack of some social skills.

Key words: child-centrist family, traditional family, national traditions of family interaction.

Современная отечественная семья переживает новую реальность. Она состоит в том, что во всем многообразии семей появляется семья совершенно нового типа – детоцентрическая семья. Детоцентрическая семья – семья с особым типом семейного взаимодействия, когда детско-родительское взаимодействие становится приоритетным перед супружеским; семья с особой семейной иерархией с ребенком на ее вершине. Родительская роль взрослого члена семьи в детоцентрической семье выходит на первый план, так как основной своей функцией супруги определяют воспитание ребенка, удовлетворение его потребностей в ущерб собственным. Забота о ребенке, чрезмерная опека, постоянное беспокойство о здоровье ребенка, а порой и немотивированная тревога за его физическую жизнь и успешное будущее [1] эмоционально окрашивают, а порой и отягощают детско-родительские отношения в детоцентрической семье, влияя на семейные взаимоотношения в целом. Семейное взаимодействие в детоцентрической семье мало соответствует установившимся славянским национальным и культурным традициям. Мы полагаем, что глобализация как социальное явление, внешняя привлекательность гуманистических подходов к воспитанию детей в семье, порой искаженное восприятие основных принципов гуманистического воспитания, возникновения культы детства на всех уровнях социальной жизни человека [2] позволили перенести западную (европейскую) модель семейного взаимодействия на реалии современной отечественной семьи, повсеместно распространяться, внося существенные коррективы в национальные традиции семейного уклада.

Данное исследование отражает основное противоречие. Белорусская семья с достаточно сильными национальными традициями организации семейного взаимодействия, подвергаясь глобальным изменениям института семьи в целом, все же перенимает западные тенденции к изменению структуры семьи и иерархии ее членов, к смещению акцентов в функциях семьи, к изменению роли взрослых в социализации ребенка и т.д. Детоцентрическая семья как альтернатива семье традиционной становится модификационной формой современной белорусской семьи.

Специфика семейного взаимодействия находит свое выражение в типе семейного воспитания, основанном на взаимодействии родителя и ребенка. Безусловно, как выстраивать с ребенком взаимодействие внутри семьи, какую стратегию воспитания выбрать решают исключительно ро-

дители. И тому свидетельство различные теории и концепции. Немаловажным фактором выбора стратегии детско-родительского взаимодействия являются особенности и потребности в развитии самого ребенка. Одна из концепций объясняет динамику детско-родительского взаимодействия (Е.О. Смирнова) от пассивности ребенка во взаимодействии с родителем до появления взаимности в отношениях родителей и взрослых детей, когда они становятся субъектами взаимодействия [3]. К другим факторам определения семейного типа детско-родительского взаимодействия относят требования общества и государства к личности ребенка, характерологические особенности самих родителей и прочие. Причем значимость или силу влияния того или иного фактора определить пока не представляется возможным.

К особым факторам влияния на выбор стратегии детско-родительского взаимодействия относим национальные и культурные традиции. Главная идея состоит в том, что в разных культурных условиях формируются собственные типы семейного взаимодействия, определяющие семейный уклад. В науке существуют теории, описывающие некоторые тенденции организации детско-родительского взаимодействия на основе культурного наследования.

Так, например, в теории подражания В. Вундта и Г. Гарда в рамках бихевиорального подхода раскрывается механизм установления отношений с людьми в целом: опыт отношений со значимыми другими в прошлом, а именно с родителями, находит свое выражение в Я, а затем определяет отношения с людьми в настоящем. Процесс подражания основан на позитивном подкреплении копирования поведения родителей. Учеными подчеркивается роль подкрепления как необходимого предшествующего условия приобретения имитирующего поведения. М. Мид, занимаясь в рамках теории социального научения проблемами социализации детей в разных культурах, уделяла особое внимание взаимоотношениям родителей и детей в семье, которую она характеризовала как одну из замкнутых культур. В своих исследованиях она отмечала ведущую роль доминирующего стиля общения в семье в формировании личности ребенка. Она определила, что конфликты между поколениями связаны с господствующим типом семейной организации. Есть работы, описывающие результаты исследования воспитания в российской семье в кросскультурном аспекте. Н.В. Дружинин исследовал психологию семьи с учетом таких аспектов, как религия, власть,

политика, юмор. Он считал, что социализация детей всегда, во все времена и у всех народов, была единственной специфической функцией семьи, а прочие функции были дополнительные и изменялись в ходе эволюции.

В рамках теории социокультурного наследования специфика семейного взаимодействия рассматривается через родительский аттитюд (Т.Ю. Соловьева) и семейный миф (А.А. Нестерова). Родительский аттитюд формирует направленность детско-родительского взаимодействия, «который представлен в виде многомерной структуры, в которой присутствуют социокультурные традиции, отраженные в опыте предыдущих поколений, индивидуальный опыт, полученный в результате непосредственного личного участия в решении жизненных ситуаций, и стремление реализовать накопленную информацию в жизненных проектах будущих поколений» [4]. Семейный миф рассматривается как более сложный социально-психологический феномен, детерминированный (среди прочих) рядом социокультурных и социально-групповых факторов. Все семейные мифологемы, присутствующие в социокультурных источниках (мифах, сказках, пословицах о семье), актуализируются в представлениях поколения и транслируются в детско-родительском взаимодействии [5].

Цель статьи – теоретически обосновать модификацию традиционной белорусской семьи в сторону детоцентризма.

Материал и методы. Настоящим теоретическим исследованием доказываем наличие существенной разницы между традициями воспитания, семейного и детско-родительского взаимодействия в западно-европейских семьях и семьях славянских народов, к которым относится и белорусская семья. Детоцентрическая семья является продуктом специфического отношения семьи к ребенку, свойственного скорее западным, нежели славянским традициям семейного взаимодействия и семейного уклада. Материалами указанного теоретического исследования выступили опубликованные результаты различных эмпирических исследований в России, Беларуси и англоязычных западных странах. В данном теоретическом обобщении представлены результаты исследования российской и белорусской семьи как семьи с идентичным вектором развития из-за того, что длительное время оба славянских народа имели общую историю, поле социально-экономического развития, схожие национальные и культурные традиции.

Результаты и их обсуждение. Несмотря на доказанную ранее модернизацию современной семьи, современная белорусская семья по-прежнему следует культурным традициям как некоторому базису для социализации нового поколения. Культурная традиция, представленная идеями, ценностями, обычаями, обрядами, способами восприятия мира и т.д., приобретает необходимую устойчивость, сохранность и передаваемость новому поколению для сохранения важных для существования общества функций семьи [6]. Современная белорусская семья изменяется, как в прочем и иные семьи, в направлении уменьшения ее состава, усиления детоцентризма, обесценивания опыта старшего поколения в области родительства, снижения авторитета старших, ориентации молодых родителей на экспертное мнение интернет-сообщества, снижения родительского контроля над сферой социального взаимодействия детей, искажения временных границ между поколением детей и внуков за счет смещения родительской и прародительской роли мужчины и женщины.

Однако признаки традиционной семьи очевидны, и они подкрепляются национальными и культурными традициями народа. Традиционная семья предусматривает некоторую организацию взаимодействия с непреложным авторитетом родителей и подчинением детей [7], где детям прививаются семейные ценности. Позиция белорусов в отношении организации семейного уклада, семейного взаимодействия, детско-родительских отношений, распределения ролей в рамках традиционной семьи отражена в народном фольклоре, который представляет собой четко сформулированные установки, некоторые семейные мифологемы, семейные правила, реализованные через пословицы, сказки, потешки и т.д.

Традиционно семейное взаимодействие в белорусском фольклоре представляется как жесткая иерархия с четким разделением родительской и сиблинговой подсистемы, основанная на авторитете родителей («Шануй бацьку з маткаю: другіх не знойдзеш», «Хто бацькоў не слухае, той у пальцы дзьмухае», «Хто бацькоў шануе, той і дзецям добрую долю гатуе», «Хто з матчынай гаворкі пасмяецца, той на старасці ад маткі адрачэцца»). Особая роль отводится демонстрации различий в мужских и женских обязанностях в семье («Хата без гаспадыні плача», «Не кажы, што бацька ўзяў, а кажы, што даў»).

Традиционно особенности воспитания детей состоят в отсутствии гиперопеки над взросле-

ющим ребенком («Тады дзяцей вучаць, як каля лаўкі ходзяць»). Детско-родительское взаимодействие основано на сочетании авторитарности родителей («Дай дзецям волю, то сам улезеш у няволю», «Калі тонкага дрэва не сагнеш, то тоўстага не адужаеш») и уважении к личности ребенка, но с использованием телесных наказаний («Не біце вяроўкамі, навучайце гаворкамі», «Ласкавае слова лепш за дубіну», «Бацька сахою дзецям так не дагодзіць, як маці палкаю»).

Особая роль в белорусском фольклоре отводится «родительским советам», сформулированным как некоторые интроекты, включаемые ребенком во внутренний мир воспринимаемых им от других людей взглядов, мотивов, установок, которые отыгрывают адаптивную роль («Дзе любяць – не часці, дзе не любяць – не ідзі», «Сам не ўмееш слухаць – другога не прымусяш», «Умеў памыліцца, умеў і паправіцца», «Шчыраму сэрцу і чужая болька баліць» и т.д.).

Однозначно порицаются нарушения традиционной семейной иерархии, обесценивание авторитета родителей и критика со стороны детей воспитательной практики родителей («Карміў да вусоў, кармі і да барады», «Бацька з маткай на век не нагатуюць», «Не навучышся выконваць каманду, не здолееш камандаваць сам»).

Современную белорусскую семью можно отнести к неопатриархальной моногамной нуклеарной семье. В такой семье деловым и стратегическим лидером является муж. Исследованиями подтверждено, что юноши видят основную функцию отца в материальном обеспечении семьи и ее защите [8]. Обязанности женщины сохраняются как в патриархальной семье, но и дополняются обязанностями, свойственными супружеским семьям, что усложняет быт женщины [7]. Представление о распределении ролей в семье является важной характеристикой института семьи. Исследователями отмечено, что, несмотря на активную женскую вовлеченность в профессиональную занятость, среди мужчин и женщин по-прежнему доминирует установка на второстепенность профессиональной роли женщины [9].

Жене отведена роль партнера и хозяйки, отвечающей за эмоциональный микроклимат в семье, основного воспитателя детей. Ранее нами было доказано, что у девушек и юношей предбрачного возраста стабильно позитивный образ гипотетической матери со следующими характеристиками: мать добрая, любящая, внимательная, заботливая, умная, всегда готова прийти на помощь, ответственная, откровенная и т.д. Девушки отмечают

увлечения, характерные матери: вкусно готовит, любит шить и вязать, любит ухаживать за маленькими детьми и растениями, ходить по магазинам, читать книги и журналы, любит побыть в одиночестве, беседовать с подругами, смотреть сериалы [10]. Однако материальная ответственность распределяется между супругами. В белорусской семье сохраняется патрилинейность (исчисление родства по мужской линии).

Сохраняются практики семейного взаимодействия, основанные на национальных и культурных традициях. Во-первых, на семью возлагается основной груз ответственности за воспитание и образование детей. Иные социальные институты, безусловно, включены в данный процесс как его субъекты, но ответственность им лишь частично делегируется. Отмечен такой важный фактор традиционализма, как сохранение ценности семьи среди важнейших жизненных ценностей человека и позитивное отношение молодежи к расширенной семье как возможности получения помощи [11]. Сохраняются ориентиры на поддержание авторитета взрослых членов семьи [7] и ответственное отношение к прародителям, и младшим членам семьи.

И все-таки очевидна трансформация традиционной семьи и переход к детоцентрической семье путем экстраполяции западно-европейского опыта семейного взаимодействия на уклад белорусской семьи. Так представители собственно теории детоцентризма (Д. Дьюи, Э. Кей) вывели принципы воспитания ребенка с ориентацией на его индивидуальные особенности, потребности. Все же общеизвестные гуманистические идеи имеют обоснования, объясняющие в целом философию детоцентризма. С позиции Э. Кей [12], ребенок имеет преимущественное право на выбор родителя. Это право может быть реализовано самими родителями на этапе его зачатия, подходя к самому процессу осознанно и ответственно. Родители настолько ответственны за своего ребенка, что должны просить прощение у него за навязанную жизнь. Мир детства противопоставляется миру взрослых. Ребенок является священным для родителей, что дает возможность обезопасить ребенка от посягательств мира взрослых. Роль взрослых в жизни ребенка различна. Главную роль играет мать, которая имеет обязанности по отношению к ребенку, следовательно, в первую очередь удовлетворяет его потребности, а не свои. Одна из позиций теории – поддержка инфантильности родителя. Это объясняется тем, что организовать взаимопонимание ребенка и роди-

теля возможно, если родитель становится равным ребенку. Умение взрослому оставаться ребенком среди детей, по мнению автора теории, является ключевым для содействия в нравственном росте ребенка. Эти спорные положения сталкиваются с противоречием внутри самой теории. Так, Э. Кей выступала против гиперопеки и жертвенности родителя, отказа от личной жизни, так как это формирует у ребенка образ его исключительности, главной ценности не только для родителей, но и для общества в целом [13].

Термин «детоцентрическая семья» является заимствованным и определяет тип семьи с позиции семейной иерархии и лидерства. В отличие от традиционной родительской семьи в детоцентрической семье на вершине семейной иерархии находится ребенок. Ему определена лидерская позиция, однако она не обременяется основными функциями принятия ключевых семейных решений. Лидерство ребенка обеспечивается родителями, так как он становится центральной фигурой в семье, потребности которого удовлетворяются [13].

В англоязычной литературе детоцентрическая семья (англ. *child-centrism family*) рассматривается с позиции детоцентризма как некоторой повсеместно распространенной воспитательной практики (англ. *Child-Centred Parenting*), ключевой позиции в отношении ребенка в семье [14; 15]. Термин используется для описания стратегии выбора жизни семьи глубоко вовлеченных родителей в воспитание ребенка, исключая собственную карьеру, ценность супружеских взаимоотношений, что считается совершенно естественным. Детоцентризм строится на таких родительских установках, как защита, поддержка и дозволенность. Поддержка ребенка как личности и удовлетворение его потребностей составляют основу здорового развития личности [16]. Исследованиями доказано, что одной из немаловажных причин такого выбора состоит в том, что чем больше заботы и внимания родители уделяют своим детям, тем больше счастья они испытывают и обретают индивидуальный смысл существования [15; 17]. Было доказано наличие у родителя субъективного счастья в те моменты, когда они проводят время со своими детьми, думают о них, когда разговаривают о своих детях с друзьями, прародителями, тратят финансы на своих детей. В моменты, когда ребенок уезжает, родители получают возможность его больше контролировать, появляется непреодолимое желание опекать ребенка. Кроме того, максимально ориентированные на ребенка

родители чаще жертвуют своими собственными желаниями, чтобы удовлетворить желания своих детей. Данные исследования детоцентризма имеют прямую связь с реальным поведением родителей инвестировать все семейные ресурсы в детей, а также была доказана корреляция между выполнением культурных ожиданий и поведенческой согласованностью с преобладающими социальными нормами.

Ряд исследований доказывают, что с появлением с точки зрения западно-европейской культуры семейного взаимодействия, основанного на детоцентризме и новых явлениях, возникают осложнения в развитии ребенка, сопровождающие их. Так, например, воспитание, ориентированное на ребенка, как отдельная воспитательная стратегия, некоторая воспитательная практика, при всем его позитивном опыте, способствует формированию у подростков склонности к алкоголизму и наркотической зависимости [14], инфантилизма, безответственности, подавлению самостоятельности [18].

В англоязычном пространстве появляется так называемый «язык нянь» («parentese» или «caregiver speech») и трактуется буквально как «ориентированная на ребенка напевная речь». Такая речь используется взрослыми членами семьи, общающимися с ребенком, сопровождается гипертрофированной, усиливающей реальную эмоцию мимикой, искажением слов по типу «сюсюканий», изменением слов по подобию нормативных нарушений детской речи или детского словообразования (например: «малыс, мася, пупусик» – обращение к ребенку, «кися» – котенок, «хрюня» – поросенок и т.д. [19]. Такая манера общения инфантилизирует ребенка, препятствует нормальному развитию речи, фиксирует в речи разного рода дефекты ее образования.

После немалочисленных исследований последствий воспитания, ориентированного на ребенка, обозначено нарушение в развитии ребенка, которое получило название «синдром избалованного ребенка» [20], симптомами которого называют тревожность, агрессивность, депрессию, дефицит внимания, расстройства поведения и проблемы в обучении.

Заключение. Такой научный взгляд на проблему детоцентризма основан на сравнении традиций семейного взаимодействия разных культур: западно-европейской и славянской. Традиционная белорусская семья далека от семьи детоцентрической. Однако модернизация современной семьи очевидна в сторону детоцентризма [13]. Обнаруживается

разрушение традиционных практик воспитания, что является следствием кризиса авторитета родителя. Власть и влияние родителя снижаются. Он перестает быть примером, образцом для подражания практически во всех сферах жизнедеятельности. Специфическое взаимодействие родителя и ребенка, когда ребенок становится объектом всех родительских инвестиций (от материальных до эмоциональных), способствует его инфантилизации, эгоцентризму. Из-за желания родителей, чтобы инвестиции в ребенка давали в будущем дивиденды в виде счастливой и благополучной жизни ребенка, появляются постоянное беспокойство за него, немотивированная тревога, что ограничивает ребенка в самостоятельности даже после его совершеннолетия. Сложности отмечены и в социализации ребенка: неумение и нежелание брать на себя роль родителя; конфликтность в отношении со сверстниками; нарушение адаптации; отсутствие социальных умений по принятию ответственных решений, по осуществлению жизненного выбора и т.д.

Литература

1. Эбехард, Д. Дети у власти. Как мы растим маленьких тиранов, которые управляют нами / Д. Эбехард; пер. с англ. В.В. Черепанова. – Москва: Эксмо, 2020. – 256 с.
2. Мамычева, Д.И. От детоцентризма к «потреблению» детства / Д.И. Мамычева // Философия права. – 2011. – № 4(47) – С. 79–82.
3. Смирнова, Е.О. Структура и динамика родительского отношения в онтогенезе ребенка / Е.О. Смирнова, М.В. Соколова // Вопросы психологии. – 2007. – № 2. – С. 57.
4. Соловьёва, Т.Ю. Социокультурное наследование родительских аттитюдов: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Т.Ю. Соловьёва; СГТУ. – Саратов, 1998. – 19 с.
5. Нестерова, А.А. Социально-психологические детерминанты семейных мифов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05; МГСУ. – Москва, 2004. – 22 с.
6. Алексеева, Н.Д. Семья как социальный механизм воспроизводства традиции в контексте развития национальной культуры / Н.Д. Алексеева // Школа университетской науки: парадигма развития. – 2010. – Т. II, № 1(1). – С. 191–193.
7. Карцева, Л.В. Российская семья на рубеже двух веков: монография / Л.В. Карцева. – Казань: РИЦ «Школа», 2001. – 124 с.
8. Вагапова, А.Р. Формирование представлений у молодежи о материнстве и отцовстве / А.Р. Вагапова // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2015. – Т. 15, № 2. – С. 31–35.
9. Сосновская, Н.А. Семья в Республике Беларусь: состояние и особенности изучения / Н.А. Сосновская // Социол. альманах. – 2020. – № 11. – С. 339–346.
10. Клещёва, Е.А. Образ матери как основа семейного воспитания / Е.А. Клещёва // Психологическое здоровье личности в контексте развития личности: материалы науч.-практ. конф., 18 февр. 2016 г., Брест / М-во образования Респ. Беларусь, УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»; каф. психологии; под ред. Г.И. Малейчука. – Брест: РИО БрГУ, 2016. – С. 18–22.
11. Андреева, А.Д. Социальные представления родителей об ответственности за образование детей / А.Д. Андреева // Актуальные вопросы перспективных научных исследований: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Смоленск 31 мая 2016 г. – Смоленск: Новаленсо, 2016. – Ч. 1. – С. 83–99.
12. Кей, Э. Век ребенка / Э. Кей. – М.: Издание Д.П. Ефимова, 1905. – 296 с.
13. Клещёва, Е.А. Детоцентризм в современной семье: феноменология и методология детоцентризма / Е.А. Клещёва // Вестн. БарГУ. Сер. Пед. науки. Психол. науки. Филол. науки. – 2021. – № 9. – С. 84–92.
14. Mascolo, M. The Failure of Child-Centred Parenting [Electronic resource] / M. Mascolo // Psychology Today, 2017. – Mode of access: <https://cdn.psychologytoday.com>. – Date of access: 13.01.2021.
15. Claire, E. Dunn Parents Reap What They Sow: Child-Centrism and Parental Well-Being / E. Claire [et al.] // Social Psychological and Personality Science. – 2013. – P. 2–8.
16. Aksoy, A.B. Child-Centered Attitudes of Mothers And Maternal Self-Perception [Electronic resource] / A.B. Aksoy, I. Ulutas // Conference paper. Conference: International Academic Conference on Social Sciences and Humanities, Prague, November 2014. – Prague, 2014. – P. 7. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/303006228_Child_Centered_Attitudes_of_Mothers_and_Maternal_Self-Perception. – Date of access: 22.04.2020.
17. Rusbult, C.E. The investment model scale: Measuring commitment level, satisfaction level, quality of alternatives, and investment size / C.E. Rusbult, J.M. Martz, C.R. Agnew // Personal Relationships. – 1998. – № 5. – P. 357–391.
18. Mascolo, M. Child-Centered Parenting: Good Intentions Gone Wrong [Electronic resource] / M. Mascolo // North Shore Children & Families, 2013. – Mode of access: <http://northshorefamilies.com/child-centered-parenting-good-intentions-gone-wrong/>. – Date of access: 18.01.2021.
19. Kell, M. Children's Language Learning [Electronic resource] / M. Kell. – Mode of access: <http://www.pbs.org/parents/child-development>. – Date of access: 20.12.2020.
20. Mamen, M. The pampered child syndrome: how to recognize it, how to manage it, and how to avoid it: a guide for parents and professionals / M. Mamen. – Jessica Kingsley Publishers London and Philadelphia, 2006. – 156 p.

Поступила в редакцию 26.02.2021

Влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценности в ранней взрослости

Андреева И.Н.

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»

В статье представлены результаты исследования совместного влияния эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности (макиавеллизма, нарциссизма и психопатии) на ценности в ранней взрослости. Актуальность темы заключается в том, что ранняя взрослость является периодом преобразований в системе ценностей, а также отсутствием подобных исследований в современной психологии. Выборка испытуемых составила 100 человек в возрасте от 20 до 40 лет ($M=23,34$, $SD=5,87$), среди них 60 женщин и 40 мужчин.

Цель исследования – изучить характер влияния эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценности в ранней взрослости.

Материалы и методы. Батарей методик включала: 1) опросник эмоционального интеллекта «ЭМИ» Д.В. Люсина. Использовались две интегральные шкалы опросника: «МЭИ» (межличностный эмоциональный интеллект), «ВЭИ» (внутриличностный эмоциональный интеллект); 2) опросник «Тёмная дюжина» (П. Джонсон, Г. Вебстер) в адаптации Т.В. Корниловой, С.А. Корнилова, М.А. Чумаковой, включающий три шкалы: макиавеллизм, нарциссизм и психопатия; 3) методику Ш. Шварца для изучения ценностей личности. Для обработки данных применялся множественный регрессионный анализ в рамках пакета компьютерных программ STATISTICA 8.0.

Результаты и их обсуждение. Определено, что формирование таких ценностей, как власть, безопасность, доброта, конформность, универсализм, самостоятельность, в ранней взрослости опосредовано совместным влиянием эмоционального интеллекта и субклинических свойств. Установлено совместное влияние на ценность власти межличностного и внутриличностного ЭИ и нарциссизма, на ценность безопасности – МЭИ и психопатии, на ценность доброты – МЭИ, нарциссизма и психопатии, на ценности конформности и универсализма – ВЭИ и психопатии, на ценность самостоятельности – МЭИ и психопатии.

Заключение. Таким образом, влияние переменных эмоционального интеллекта на ценности во всех случаях является положительным, а влияние субклинических свойств – в большинстве случаев, кроме ценности власти, отрицательным. Совместного влияния эмоционального интеллекта и субклинических свойств не обнаружено по отношению к ценностям гедонизма, традиции, достижения и стимуляции.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, субклинические свойства, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, ценности.

Influence of Emotional Intelligence and Subclinical Properties of the Personality on Values in Early Adulthood

Andreyeva I.N.

Education Establishment "Polotsk State Euphrosyne of Polotsk University"

The article presents the results of a study of the joint influence of emotional intelligence and subclinical personality traits (Machiavellianism, narcissism and psychopathy) on values in early adulthood. The relevance of the topic is due to the fact that early adulthood is a period of transformation in the value system, as well as the lack of such studies in modern psychology.

The purpose is to study the nature of the influence of emotional intelligence and subclinical personality traits on values in early adulthood.

The sample of subjects consisted of 100 people aged 20 to 40 ($M=23.34$, $SD=5.87$), including 60 women and 40 men.

Material and methods. The battery of methods included: 1) the questionnaire of emotional intelligence "EmIn" by D.V. Lyusin. Two integral scales of the questionnaire were used: "MEI" (interpersonal emotional intelligence), "VEI" (intrapersonal emotional intelligence); 2) the "Dark Dozen" questionnaire (P. Jonason, G. Webster) adapted by T.V. Kornilova, S.A. Kornilov, M.A. Chumakova, which includes three scales: Machiavellianism, narcissism and psychopathy; 3) S. Schwartz's methodology for studying the values of the individual. For data processing, multiple regression analysis was used within the STATISTICA 8.0 software package.

Findings and their discussion. It was found out that shaping of such values as Power, Security, Benevolence, Conformity, Universalism, Self-Direction in early adulthood is mediated by the combined influence of emotional intelligence and subclinical properties. A joint influence was identified of interpersonal and intrapersonal EI and narcissism on the value of power; of interpersonal EI and psychopathy on the value of Security; on the value of Benevolence – of interpersonal EI, narcissism and psychopathy, on the value of Conformity and Universalism – of intrapersonal EI and psychopathy, on the value of Self-Direction – of interpersonal EI and psychopathy.

Conclusion. The influence of emotional intelligence variables in all cases is positive, and the influence of subclinical properties is negative in most cases, except for the value of Power. The joint influence of emotional intelligence and subclinical properties was not found in relation to the values of Hedonism, Tradition, Achievement and Stimulation/

Key words: emotional intelligence, subclinical properties, Machiavellianism, narcissism, psychopathy, values.

Для современного общества с присущими ему тенденциями неустойчивости, неопределенности и сложности актуальна проблема формирования и реализации ценностных ориентаций. В ситуации кризиса для совершения правильного выбора поведения важно уметь осознавать собственные ценности и отличать истинные ценности от ложных: «Когда ваши ценности вам понятны, принятие решений становится простым», – отмечал американский художник Р.Э. Дисней [1]. Перефразируя это высказывание, будет справедливо отметить, что знание ценностей собеседника делает для нас более понятными причины, по которым он принимает те или иные решения, и вместе с этим позволяет прогнозировать его поведение.

Согласно Ш. Шварцу, ценности – это желаемые, выходящие за рамки конкретных ситуаций цели, отличающиеся друг от друга по значимости и являющиеся руководящими принципами в жизни людей [2; 3]. Актуальность изучения ценностей в ранней взрослости определяется тем, что это период преобразований в системе ценностных ориентаций. Центральным направлением развития в ранней взрослости является достижение зрелости. Зрелая личность ставит перед собой цели жизни и достигает их, опираясь на общечеловеческие ценности. По этой причине данный период интересен для изучения ценностей и предпосылок из становления.

Поскольку ценности определяются как убеждения, которые будучи продуктом интеллекта «смешиваются с чувством и окрашиваются им» [3, с. 10], то в качестве одной из предпосылок их возникновения может рассматриваться эмоциональный интеллект (ЭИ), который понимается автором как совокупность интеллектуальных способностей к обработке эмоциональной информации.

В данной статье в фокусе внимания оказывается индивидуально-личностный (рефлексивный) эмоциональный интеллект, т.е. представления об уровне собственного эмоционального интеллекта, которые формируются в результате рефлексии, осознаваемая эмоциональная самоэффективность индивида в сфере эмоций [4]. Рефлексия эмоционального интеллекта может преимущественно направляться вовне – на эмоции других людей, либо вовнутрь – на собственные эмоции. В связи с этим в соответствии с интегративной моделью ЭИ [4] автор относит к рефлексивному эмоциональному интеллекту выделенные Д.В. Люсиным [5] межличностный (МЭИ) – совокупность интеллектуальных способностей к пониманию чужих эмоций и управлению ими и внутриличност-

ный (ВЭИ) – совокупность интеллектуальных способностей к пониманию собственных эмоций и управлению ими, поскольку данные типы ЭИ основаны на самооценке и измеряются посредством самоотчета.

В качестве другой предпосылки формирования ценностей будут рассматриваться субклинические свойства личности, или так называемые черты «темной триады»: макиавеллизм, нарциссизм и психопатия. Актуальность выделения черт «темной триады» в качестве предпосылки ценностного развития индивида связана с одной из негативных тенденций общественного развития: наступлением нарциссической культуры, которая, затронув практически все сферы человеческого существования [6], породила те специфические свойства личности, являющиеся маркерами субклинических свойств: жестокость, безразличие, отсутствие милосердия. Рассмотрим подробнее специфику каждого из исследуемых свойств личности.

Макиавеллизм – склонность индивида к использованию манипуляций в межличностной сфере для достижения своих целей [7]. Индивиды, имеющие признаки макиавеллизма, сочетают в себе внешнее очарование и лидерские способности с цинизмом, склонностью к асоциальному поведению и безжалостным отношением к «жертвам» их манипуляций [8]. Нарциссизм – свойство характера, которое заключается в чрезмерной самовлюбленности и завышенной самооценке, абсолютно не соответствующей действительности. Характерные черты «нарцисса» – убежденность в собственной уникальности, превосходстве над остальными людьми; завышенное мнение о своих талантах и достижениях; поглощенность фантазиями о своих успехах; ожидание безусловно хорошего отношения и беспрекословного подчинения; поиск восхищения окружающих для подтверждения своей уникальности и значимости; неумение проявлять сочувствие [9]. В понимании психопатии существуют два различных по степени обобщения направления, в рамках которых последняя рассматривается как: 1) конкретное психическое расстройство, связанное с асоциальным поведением; 2) целый ряд расстройств личности, способствующих социальной дезадаптации [10]. Второму подходу соответствует определение психопатии как патологии характера, т.е. неадекватного развития его эмоционально-волевых черт, когда у индивида наблюдается практически необратимая выраженность свойств, препятствующих адаптации в социальной среде [11]. В качестве двух основных признаков психопатии выделяют высокую

импульсивность с тягой к острым ощущениям и низкую эмпатию [10]. В рамках триединой модели [12] психопатия определяется комбинацией расторможенности, смелости и подлости.

Личность, обладающая выраженными субклиническими чертами, характеризуется ориентацией на социальную доминантность, может проявлять склонность к асоциальному поведению и к насилию. Однако в норме, т.е. при некотором превышении среднего уровня, сочетание трех черт может определять адаптивное и успешное взаимодействие. По этой причине интересно рассмотреть, каким образом комбинация ЭИ с субклиническими свойствами повлияет на выбор личностью ценностных ориентаций. В современной психологии не обнаружено исследований совместного влияния ЭИ и субклинических свойств личности на ценности в ранней взрослости, что и обусловило актуальность данного исследования.

Цель исследования – изучить характер совместного влияния эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценности в ранней взрослости.

Выборка испытуемых составила 100 человек в возрасте от 20 до 40 лет ($M = 23,34$, $SD = 5,87$), среди них 60 женщин и 40 мужчин. Исследование проводилось на выборке в целом¹.

Методы исследования. В качестве эмпирического метода применялся метод опроса. Батарейка методик включала: 1) опросник эмоционального интеллекта «ЭИин» Д.В. Люсина [13]. Использовались две интегральные шкалы опросника: «МЭИ» (межличностный эмоциональный интеллект), «ВЭИ» (внутриличностный эмоциональный интеллект); 2) опросник «Темная дюжина»

(П. Джонсон, Г. Вебстер) в адаптации Т.В. Корниловой, С.А. Корнилова, М.А. Чумаковой, включающий три шкалы: макиавеллизм, нарциссизм и психопатия [14]; 3) методика Ш. Шварца [3] для диагностики следующих ценностей личности: «универсализм», «доброта», «самостоятельность», «конформизм», «власть», «безопасность», «достижение», «гедонизм», «традиция» и «стимуляция».

Для обработки данных применялся множественный регрессионный анализ в рамках пакета компьютерных программ STATISTICA 8.0.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования для выявления совместного влияния эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценности был проведен множественный регрессионный анализ. Модель множественной регрессии построена с помощью прямого пошагового метода. В процесс анализа были включены следующие показатели: коэффициент детерминации (r^2), который показывает долю изменчивости зависимой переменной; результаты дисперсионного анализа (F-критерий Фишера, p-уровень значимости, а также коэффициент Дарбина–Уотсона (DW), который необходим для оценки адекватности модели и изменяется от 1 до 4 (чем ближе его значение к 2, тем адекватнее модель). В данной статье рассматриваются только случаи совместного влияния ЭИ и субклинических свойств на ценности и не берутся в расчет главные эффекты (случаи влияния на ценности одной из рассматриваемых переменных).

На первом этапе исследования изучалось взаимное влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценность власти ($r^2 = 0,20$, $F(5,94) = 4,54$ ($p < 0,001$), $DW = 2,02$). Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты множественного регрессионного анализа, определяющие влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценность власти

Переменные	Стандартизированный (регрессионный) коэффициент β		Регрессионный коэффициент b		Уровень значимости p
	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	
МЭИ	0,098	0,400	0,164	2,434	0,017
ВЭИ	0,104	0,439	0,207	2,122	0,036
Макиавеллизм	0,114	-0,533	0,497	-1,073	0,286
Нарциссизм	0,100	0,825	0,404	2,043	0,044
Психопатия	0,107	-0,091	0,499	-0,183	0,855

Примечание. Регрессионный коэффициент (b) свободного члена (смещение) равен 26,569 стандартная ошибка (b) свободного члена равна 10,297, $p = 0,011$.

¹ Сбор эмпирических данных осуществлен П.Г. Портновой под нашим руководством в процессе подготовки дипломной работы

Таблица 2 – Результаты множественного регрессионного анализа, определяющие влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценность безопасности

Переменные	Стандартизированный (регрессионный) коэффициент β		Регрессионный коэффициент b		Уровень значимости p
	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	
МЭИ	0,248	0,100	0,351	0,142	0,015
ВЭИ	0,085	0,106	0,144	0,179	0,422
Макиавеллизм	0,121	0,116	0,450	0,430	0,297
Нарциссизм	-0,046	0,102	-0,159	0,349	0,651
Психопатия	-0,367	0,110	-1,447	0,432	0,001

Примечание. Регрессионный коэффициент (b) свободного члена (смещение) равен 64,606 стандартная ошибка (b) свободного члена равна 8,904, $p = 0,000$.

Таблица 3 – Результаты множественного регрессионного анализа, определяющие влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценность доброты

Переменные	Стандартизированный (регрессионный) коэффициент β		Регрессионный коэффициент b		Уровень значимости p
	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	
МЭИ	0,274	0,092	0,381	0,128	0,004
ВЭИ	0,052	0,097	0,087	0,161	0,592
Макиавеллизм	-0,043	0,106	-0,157	0,387	0,686
Нарциссизм	-0,233	0,093	-0,784	0,314	0,014
Психопатия	-0,398	0,101	-1,536	0,389	0,000

Примечание. Регрессионный коэффициент (b) свободного члена (смещение) равен 77,964 стандартная ошибка (b) свободного члена равна 8,019, $p = 0,000$.

Уравнение регрессии: *Ценность власти* = $26,569 + 0,098 \cdot (МЭИ) + 0,104 \cdot (ВЭИ) + 0,107 \cdot (нарциссизм)$.

В таблице 1 представлено, что на ценность власти положительное влияние оказывают межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект, а также нарциссизм. Иными словами, социальный статус и доминантная социальная позиция ценны для индивидов, склонных к нарциссизму, с высокоразвитыми способностями к пониманию эмоций и управлению ими.

На втором этапе исследования определялось совместное влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценность безопасности ($r^2 = 0,16$, $F(5,94) = 3,68$ ($p < 0,01$), $DW = 1,89$). Результаты исследования представлены в таблице 2.

Уравнение регрессии: *Ценность безопасности* = $64,606 + 0,248 \cdot (МЭИ) - 0,367 \cdot (психопатия)$.

В таблице 2 отражено, что на ценность безопасности положительное влияние оказывает межличностный эмоциональный интеллект, а отрица-

тельное – психопатия. Это означает, что наличие безопасности в ближайшем окружении и в обществе в целом ценят индивиды с высокоразвитыми способностями к пониманию чужих эмоций и управлению ими, не склонные к психопатии.

На третьем этапе исследования определялось взаимное влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценность доброты ($r^2 = 0,29$, $F(5,94) = 7,82$ ($p < 0,001$), $DW = 2,20$). Результаты исследования представлены в таблице 3.

Уравнение регрессии: *Ценность доброты* = $77,964 + 0,274 \cdot (МЭИ) - 0,233 \cdot (нарциссизм) - 0,398 \cdot (психопатия)$.

В таблице 2 отражено, что на ценность доброты положительное влияние оказывает межличностный эмоциональный интеллект, а отрицательное – психопатия и нарциссизм. Это означает, что склонность к сохранению благополучия людей в ближайшем окружении характерна для тех, кто обладает высокоразвитыми способностями к пониманию чужих эмоций

Таблица 4 – Результаты множественного регрессионного анализа, определяющие влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценность конформности

Переменные	Стандартизированный (регрессионный) коэффициент β		Регрессионный коэффициент b		Уровень значимости p
	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	
МЭИ	0,091	0,100	0,126	0,139	0,365
ВЭИ	0,254	0,106	0,420	0,175	0,018
Макиавеллизм	-0,050	0,116	-0,183	0,420	0,665
Нарциссизм	-0,149	0,102	-0,501	0,341	0,146
Психопатия	-0,238	0,110	-0,916	0,422	0,032

Примечание. Регрессионный коэффициент (b) свободного члена (смещение) равен 65,372 стандартная ошибка (b) свободного члена равна 8,708, $p = 0,000$.

Таблица 5 – Результаты множественного регрессионного анализа, определяющие влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценность самостоятельности

Переменные	Стандартизированный (регрессионный) коэффициент β		Регрессионный коэффициент b		Уровень значимости p
	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	
МЭИ	0,433	0,092	0,493	0,105	0,000
ВЭИ	0,162	0,097	0,220	0,132	0,099
Макиавеллизм	-0,003	0,107	-0,010	0,318	0,976
Нарциссизм	0,024	0,094	0,068	0,258	0,794
Психопатия	-0,255	0,101	-0,810	0,320	0,013

Примечание. Регрессионный коэффициент (b) свободного члена (смещение) равен 54,137 стандартная ошибка (b) свободного члена равна 6,590, $p = 0,000$.

и управлению ими, а также не склонен к психопатии и нарциссизму.

На четвертом этапе исследования определялось взаимное влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценность конформности ($r^2 = 0,16$, $F(5,94) = 3,66$ ($p < 0,01$), $DW = 2,04$). Результаты исследования представлены в таблице 4.

Уравнение регрессии: Ценность конформности = 65,372 + 0,254·(ВЭИ) - 0,238·(психопатия).

Как видно из таблицы 4, на ценность конформности позитивно влияет внутриличностный эмоциональный интеллект, а отрицательно – психопатия. Это означает, что склонность пресекать действия, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям, свойственна для респондентов, обладающих высокоразвитыми способностями к пониманию собственных эмоций и управлению ими, не склонных к психопатии.

На пятом этапе исследования изучалось взаимное влияние эмоционального интеллекта и

субклинических свойств личности на ценность самостоятельности ($r^2 = 0,29$, $F(5,94) = 7,74$ ($p < 0,001$), $DW = 1,62$). Результаты исследования представлены в таблице 5.

Уравнение регрессии: Ценность самостоятельности = 54,137 + 0,433·(МЭИ) - 0,255·(психопатия).

Как видно из таблицы 5, на ценность самостоятельности оказывает положительное влияние межличностный эмоциональный интеллект, а отрицательное – психопатия. Это означает, что независимость мышления и выбора действий, творчество, исследовательскую деятельность ценят индивиды, обладающих высокоразвитыми способностями к пониманию чужих эмоций и управлению ими, не склонные к психопатии.

На шестом этапе исследования изучалось взаимное влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценность универсализма ($r^2 = 0,17$, $F(5,94) = 3,93$ ($p < 0,01$), $DW = 1,75$). Результаты исследования представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Результаты множественного регрессионного анализа, определяющие влияние эмоционального интеллекта и субклинических свойств личности на ценность универсализма

Переменные	Стандартизированный (регрессионный) коэффициент β		Регрессионный коэффициент b		Уровень значимости p
	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	
МЭИ	0,172	0,100	0,251	0,145	0,087
ВЭИ	0,207	0,105	0,360	0,183	0,052
Макиавеллизм	-0,003	0,115	-0,012	0,439	0,979
Нарциссизм	-0,056	0,101	-0,197	0,357	0,582
Психопатия	-0,331	0,109	-1,341	0,442	0,003

Примечание. Регрессионный коэффициент (b) свободного члена (смещение) равен 58,998 стандартная ошибка (b) свободного члена равна 9,109, $p = 0,000$.

Таблица 7 – Влияние ЭИ и субклинических свойств на ценности в ранней взрослости

Ценности	Эмоциональный интеллект	Субклинические свойства
Власть	+МЭИ, ВЭИ	+нарциссизм
Безопасность	+МЭИ	-психопатия
Доброта	+МЭИ	-нарциссизм, -психопатия
Конформность, универсализм	+ВЭИ	-психопатия
Самостоятельность	+МЭИ	-психопатия
Гедонизм, традиция, достижение, стимуляция	Совместное влияние ЭИ и субклинических свойств не выявлено	

Уравнение регрессии: Ценность универсализма = $58,998 + 0,207 \cdot (ВЭИ) - 0,331 \cdot (психопатия)$.

Как видно из таблицы 6, на ценность универсализма оказывает положительное влияние межличностный эмоциональный интеллект, а отрицательное – психопатия. Это означает, что понимание, благодарность, терпимость и поддержание благополучия всех людей и природы ценны для индивидов, обладающих высокоразвитыми способностями к пониманию собственных эмоций и управлению ими, не склонных к психопатии.

Совместного влияния переменных эмоционального интеллекта и субклинических свойств не обнаружено по отношению к ценностям гедонизма, традиции, достижения и стимуляции ($p > 0,05$). Среди субклинических свойств у макиавеллизма не обнаружено совместного с ЭИ влияния на ценности ($p > 0,05$).

В обобщенном виде результаты исследования представлены в таблице 7.

Из таблицы видно, что становление всех рассматриваемых ценностей определенно требует развития эмоционального интеллекта: межличностного и внутриличностного (власть), межличностного (безопасность, доброта, самостоятель-

ность) или внутриличностного (конформность, универсализм). В большинстве случаев субклинические свойства, и в первую очередь психопатия, оказывают негативное влияние на становление исследуемых ценностей. Это объяснимо тем, что рассматриваемые ценности универсальны для человечества, они имеют социально-культурный характер. Бессердечие, эгоизм и недоразвитие эмоционально-волевой сферы у лиц, склонных к психопатии, препятствуют усвоению ими общественных ценностей и социально-психологической адаптации в целом.

Индивиды, имеющие признаки нарциссизма, даже при наличии высокоразвитого межличностного эмоционального интеллекта не расположены к предпочтению ценности доброты, поскольку для «нарциссов» характерна борьба за место под солнцем и за власть [6]. «Кажется, что именно стремление к власти и материально обеспеченной жизни заряжает имидж подобной личности, придает ей ощущение самодостаточности и внутренней силы, которых на самом деле нет», – отмечают С.Е. Соколов, О.А. Шамшикова [15, с. 229]. Ставя на первое место собственное благополучие и процветание и веря в собственную «уникальность», «нарцисс»

не склонен заботиться о благополучии других. По этой причине логично, что только в одном случае из шести для становления ценности (власти) наряду с развитием эмоционального интеллекта необходима склонность к нарциссизму. Это можно объяснить выраженным стремлением «нарциссов» к подтверждению их уникальности, значимости (для чего им необходимо восхищение окружающих, получить которое легче всего, имея власть над ними), а также принадлежностью ценности власти к блоку ценностей самоутверждения [2].

Заключение. Таким образом, формирование таких ценностей, как власть, безопасность, доброты, конформность, универсализм, самостоятельность в ранней взрослости действительно опосредовано совместным влиянием эмоционального интеллекта и субклинических свойств. Установлено совместное влияние на ценность власти межличностного и внутриличностного ЭИ и нарциссизма, на ценность безопасности – МЭИ и психопатии, на ценность доброты – МЭИ, нарциссизма и психопатии, на ценности конформности и универсализма – ВЭИ и психопатии, на ценность самостоятельности – МЭИ и психопатии. Влияние переменных эмоционального интеллекта во всех случаях является положительным, а влияние субклинических свойств – в большинстве случаев, кроме ценности власти, отрицательным. Совместного влияния эмоционального интеллекта и субклинических свойств не обнаружено по отношению к ценностям гедонизма, традиции, достижения и стимуляции.

Перспектива исследования состоит в определении половых различий в характере влияния эмоционального интеллекта и субклинических свойств на ценности в ранней взрослости.

Литература

1. Цитаты о ценности жизни человека [Электронный ресурс] // Citatko.com. – Режим доступа: <https://citatko.com/>. – Дата доступа: 07.02.2023.
2. Schwartz, S. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values [Electronic resource] / S. Schwartz // Online

Readings in Psychology and Culture, 2012. – № 2(1). – Mode of access: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>. – Data of access: 25.07.2022.

3. Карандашев, В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В.Н. Карандашев. – СПб.: Речь, 2004. – 72 с.
4. Андреева, И.Н. Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие / И.Н. Андреева. – Новополюк: Полоц. гос. ун-т, 2020. – 356 с.
5. Люсин, Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования: сб. ст. / Ин-т психологии Рос. акад. наук; под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М., 2004. – С. 29–36.
6. Скорев, В.А. Нарциссическая культура в действии: власть, общество, безопасность, самоопределение / В.А. Скорев // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 1. – С. 214–229.
7. Егорова, М.С. Макиавеллизм в структуре личностных свойств / М.С. Егорова // Вестн. Перм. гос. пед. ун-та, 2009. – Сер. 10, Дифференциальная психология. – № 1–2. – С. 65–80.
8. Ларина, А.Д. Подходы, установки и перспективы в исследовании макиавеллизма / Вопросы психологии / ред. Е.В. Щедрина, А.Г. Асмолов. – 2010. – № 3 (март – апрель). – С. 75–83.
9. Бурго, Дж. Осторожно, нарцисс! Как вести себя с этими самовлюбленными типами / Дж. Бурго. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 298 с.
10. Корнилова, Т.В. Методика диагностики личностных черт «темной триады»: апробация опросника «темная дюжина» / Т.В. Корнилова [и др.] // Психол. журн. – 2015. – Т. 36, № 2. – С. 99–112.
11. Психиатрия: учебник для студ. мед. вузов / М.В. Коркина [и др.]. – 3-е изд. – М.: МЕДпресс-информ, 2006. – 576 с.
12. Skeem, J.L. Psychopathic Personality: Bridging the Gap Between Scientific Evidence and Public Policy: [англ.] / Skeem, J.L. [et al.] // Psychological Science in the Public Interest. – 2011. – Vol. 12, no. 3. – P. 95–162.
13. Люсин, Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн / Д.В. Люсин // Психол. диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.
14. Корнилова, Т.В. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина» / Т.В. Корнилова, С.А. Корнилов, М.А. Чумакова // Психол. журн. – 2015. – Т. 36, № 2. – С. 99–112.
15. Соколов, С.Е. Ценности и ценностные ориентации личности в диапазоне ее нарциссических проявлений / С.Е. Соколов, О.А. Шамшикова // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 2(14). – С. 226–231.

Поступила в редакцию 15.02.2023

УДК 378:[334.021:334.7]

Социально-экономические закономерности трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации

Кузьмицкая Т.В.¹, Клименко В.А.²

¹Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

²Исполнительный комитет СНГ

Работа посвящена исследованию социально-экономических закономерностей трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации. Раскрыта значимость государственного участия, определяющего направления, формат и скорость данных процессов.

Цель статьи – выявить социально-экономические закономерности трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации.

***Материал и методы.** При проведении исследования были изучены труды отечественных и зарубежных ученых. В качестве методов использовались описание, индукция и дедукция, анализ и синтез.*

***Результаты и их обсуждение.** Исследование позволило раскрыть следующие социально-экономические закономерности трансформации функций университета: 1) государство выступает главной силой, конфигурирующей направления, инструменты, формы и скорость трансформации функций университетов в условиях современной технологической модернизации; 2) формирование сетевой экономики и таких принципиально новых форм общественно-функциональных технологий, как сетевые механизмы экономического управления, что значительно влияет на трансформацию форм союза между властью, бизнесом и университетом; 3) возрастание роли экономической науки в реализации и развитии взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали в контексте современной технологической модернизации; 4) реализация и развитие взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали происходит в условиях экономики рисков; 5) реализация и развитие взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали происходит в контексте Индустрии 4.0.*

***Заключение.** Выявлены социально-экономические закономерности трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации. Установлено, что в контексте модели тройной спирали главной закономерностью является то, что государство выступает решающей силой, конфигурирующей направления, инструменты, формы и скорость трансформации функций университетов в условиях современной технологической модернизации.*

***Ключевые слова:** технологическая модернизация, модель тройной спирали, университеты, промышленные предприятия, Индустрия 4.0, экономика рисков.*

Social and Economic Patterns of Transformation of University Functions in the Context of Modern Technological Modernization

Kuzmitskaya T.V.¹, Klimenko V.A.²

¹ Education Establishment "Belarusian National Technical University"

² CIS Executive Committee

The work is concerned with the study of social and economic patterns of the transformation of university functions in the conditions of modern technological modernization. The significance of state participation, which determines the direction, format and speed of these processes, is revealed.

The purpose of the work is to identify the social and economic patterns of the transformation of the functions of the university in the conditions of modern technological modernization.

Material and methods. *During the study, works of domestic and foreign scientists were studied. Description, induction and deduction, analysis and synthesis were used as methods.*

Findings and their discussion. *The study made it possible to identify the following social and economic patterns of transformation of university functions: 1) the state acts as the main force configuring the directions, tools, forms and speed of transformation of university functions in the conditions of modern technological modernization; 2) shaping of a network economy and such fundamentally new forms of socially functional technologies as network mechanisms of economic management, which significantly affects the transformation of the forms of union between government, business and the university; 3) the growing role of economic science in the implementation and development of interaction between universities and industrial enterprises based on the triple helix model in the context of modern technological modernization; 4) the implementation and development of interaction between universities and industrial enterprises based on the triple helix model takes place in the conditions of the risk economy; 5) the implementation and development of interaction between universities and industrial enterprises based on the triple helix model takes place in the context of Industry 4.0.*

Conclusion. *The social and economic regularities of the transformation of university functions in the conditions of modern technological modernization are revealed. It has been established that in the context of the triple helix model, the main regularity is that the state acts as a decisive force that configures the directions, tools, forms and speed of transformation of the functions of universities in the context of modern technological modernization.*

Key words: *technological modernization, triple helix model, universities, industrial enterprises, Industry 4.0, risk economics.*

Быстрота и глубина трансформаций, происходящих на рынках труда в условиях современной технологической модернизации, «кардинальным образом меняет социально-трудовой ландшафт экономики» [1, с. 8] и приводит к необходимости улучшения «согласованности рынка образовательных услуг и рынка труда, выстроенных с учетом стратегических приоритетов развития национальной экономики и сбалансированности интересов всех взаимодействующих субъектов: образовательных учреждений, государственных структур, бизнеса» [2, с. 70]. В таких условиях первостепенную важность приобретает предоставление образовательными учреждениями, главным образом университетами, широких возможностей для получения востребованных знаний и умений.

Несмотря на то, что многочисленные публикации отечественных ученых-экономистов В.В. Богатырёвой, Е.В. Ванкевич, Н.В. Маковской, А.П. Моровой, Т.В. Сергиевич, С.Ю. Солодовникова и других, посвящены исследованиям проблем трудовых отношений, человеческого капитала, рынков труда, вопросы трансформации

функций университета в условиях современной технологической модернизации в настоящее время остаются малоизученными.

Цель работы – выявить и содержательно описать социально-экономические закономерности трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации.

Материал и методы. При проведении исследования были изучены работы отечественных и зарубежных ученых. В качестве методов использовались описание, индукция и дедукция, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Во все исторические эпохи роль государства в развитии экономики была велика. Она могла варьироваться в зависимости от конкретной технико-технологической основы общественного производства, от достигнутого уровня социального прогресса в конкретном социуме, от культурных традиций, от личностных характеристик лидеров и многого другого. Но поскольку всегда государство обладало и обладает значительным властным ресурсом, то и борьба за названный ресурс в случае победы той или иной общественной группы в этой борьбе

позволяла ей (этой группе) значительно улучшать условия для реализации своих экономических интересов. Так, например, Великая французская революция явилась следствием того, что экономические интересы буржуазии вступили в противоречие с интересами феодальной знати. Решить этот конфликт мирным путем не получилось, и полилась кровь в борьбе, в которой победителю досталось все: возможность установить новые законы, регулировать финансовые и трудовые отношения и т.д.

Исходя из сказанного, выявление социально-экономических закономерностей трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации необходимо начать с формулирования принципа, описывающего роль государства в любой технологической модернизации. В свое время Максимилиан К.Э. Вебер в своем выступлении «Политика как призвание и профессия» так определил специфику и необходимость государства: «Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, тогда отпало бы понятие “государства”, тогда наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать “анархией”. Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства – об этом нет и речи, – но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно. В прошлом различным союзам – начиная с рода – физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области – “область” включается в признак! – претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи (десятилетия XX века. – *Т.К., В.К.*) характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: единственным источником “права” на насилие считается государство» [3]. Если оставить в стороне выпренность вышеприведенного высказывания, что, по нашему мнению, обусловлено как местом выступления, так и некоторой склонностью М.К.Э. Вебера к весьма образным оборотам и сравнениям, то следует согласиться с ним в том, что государство как социокультурный феномен и субъект политико-экономических отношений

обладает наибольшими легитимными инструментами принуждения хозяйствующих субъектов к желаемому поведению. Это позволяет государству перераспределять ресурсы в те сферы жизнедеятельности общества, которые, исходя из государственной политики, представляются наиболее важными. Коммерческие организации, стремящиеся к финансовой выгоде, фактически ориентируются в своей деятельности на интересы своих собственников, менеджеров и трудовых коллективов. Даже оставляя в стороне естественное противоречие в социально-экономических интересах этих субъектов (хотя эти противоречия, вытекающие из того, что как их потребности, так и формы реализации этих потребностей, очень различны), очевидно, что коммерческие организации не готовы решать общенациональные задачи – это не их социальная функция. Следует оговориться, что деятельность коммерческих организаций может осуществляться (и зачастую осуществляется) в интересах общества, но в этом случае речь идет лишь об одной из функций этих организаций. При этом коммерческие организации стремятся получать прибыль или, по крайней мере, не быть убыточными. Другое дело, государство, которое по самой своей природе создано для решения общенациональных задач.

Еще до М.К.Э. Вебера немецкий экономист К. Беллод (псевдоним Атлантикус) в книге «Государство будущего. Производство и потребление в социальном государстве» отмечал, что «при надлежащей организации производства, под условием использования всех возможных на данный момент технических усовершенствований, уровень благосостояния вырастет, доход рабочего может быть увеличен до трех раз, а рабочее время сокращено в два раза» [4]. Этот вывод К. Беллод подтвердил соответствующими математическими расчетами. Позже, подчеркивая значимость вклада этого ученого в развитие теории и практики государственного планирования, В.И. Ленин напишет, что К. Беллод «составил научный план <...> перестройки всего народного хозяйства Германии» [5].

Суверенное государство стремится проводить такую экономическую политику, которая позволяет создать материальную базу для успешного развития общества, социальных групп и индивидов. Именно государство обеспечивает целостность социума, его защиту, стремится снижать внутренние противоречия, не доводя их до антагонистического состояния. Таким образом, исходя из системного подхода (напомним, что «ис-

ходным пунктом системного подхода является представление о целостности изучаемой среды» [6, с. 7]) следует, что государство во все исторические эпохи было главным инструментом технологической модернизации. Названная модернизация проводилась как в интересах общества, так и в интересах правящих классов. При этом механизмы обеспечения экономической политики, выбор инструментов ее проведения и допустимых границ принуждения всегда зависели от конкретной исторической эпохи, культурных и национальных особенностей, форм политической власти и способа поддержания баланса политико-экономических интересов в обществе.

Исходя из поставленной исследовательской задачи – выявить социально-экономические закономерности трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации – и опираясь на уже проведенные нами исследования в этой области, можно сформулировать главную социально-экономическую закономерность этого процесса: государство выступает главной силой, конфигурирующей направления, инструменты, формы и скорость трансформации функций университетов в условиях современной технологической модернизации.

Второй социально-экономической закономерностью трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации выступает: *формирование сетевой экономики и таких принципиально новых форм общественно-функциональных технологий, как сетевые механизмы экономического управления, что значительно влияет на трансформацию форм союза между властью, бизнесом и университетом.* Как отмечается в литературе, «в экономически развитых, новых индустриальных и во многих развивающихся странах сформировалась сетевая экономика (выделено нами. – Т.К., В.К.), которая может выступить в качестве важнейшего фактора перехода к опережающей модели развития в Республике Беларусь» [7, с. 114]. Сетевая экономика неразрывно связана с сетевыми механизмами экономического управления, которые, «являясь принципиально новыми формами общественно-функциональных технологий, отличаются значительным ускорением процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования новейших интернет-технологий, что приводит к изменениям логики поведения субъектов сетевой экономики, усиливая тем самым значение поведенческой экономики» [8, с. 61]. Поведенческая экономика, в свою очередь,

непосредственно связана с развитием взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали. Как справедливо отмечает С.Ю. Солодовников, «развитие сетевых механизмов экономического управления вызывает значительное увеличение институционального разнообразия, что ставит перед социально-научным сообществом новые задачи» [8, с. 61]. Соответственно, процессы формирования сетевой экономики и таких принципиально новых форм общественно-функциональных технологий, как сетевые механизмы экономического управления, влияющих на трансформацию форм союза между властью, бизнесом и университетом, нуждаются в научном познании как обязательном условии сознательной оптимизации процессов трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации.

В связи с вышесказанным нами выделяется третья социально-экономическая закономерность трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации: *возрастание роли экономической науки в реализации и развитии взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали в контексте современной технологической модернизации.* В свое время еще П.А. Столыпин писал о необходимости для практической деятельности четкого научного мышления следующее: «Связать все отдельные правительственные предложения одной общей мыслью, мысль эту выяснить и положить ее в основу всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или ином законопроекте» [9]. А.С. Галушка, А.К. Ниязметов и М.О. Окулов делают на основании названной цитаты справедливый вывод, что «культивируемый способ публичного мышления определяет доминирующий способ практического осуществления государственной деятельности» [10, с. 40].

Вместе с тем, как отмечается в литературе, «в терминологическом плане ученые-экономисты до настоящего времени не сумели соотнести понятия, используемые для описания современной структурной политики, в том числе такие как реиндустриализация, новая индустриализация, сверхиндустриальное общество, постиндустриальное общество и многие другие. В результате такая терминологическая чехарда в ряде случаев затрудняет соотнесение различных научных точек зрения, текстов, выводов и рекомендаций. Последнее само по себе значительно снижает теоретическое и практическое значение выводов

и рекомендаций» [11]. Кроме терминологической путаницы, которая, по-видимому, достаточно типичное явление при научном описании новых экономических феноменов, необходимо учитывать, что в последние годы значительно усилилось применение информационного оружия против Республики Беларусь, в том числе и направленного против технологической модернизации нашей экономики. Соответственно, при рассмотрении роли экономической науки в реализации и развитии взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали в современных условиях необходимо учитывать, что «результаты экономических исследований могут быть использованы при определенных обстоятельствах и как информационное оружие, т.е. с целью разрушения экономики» [12, с. 12].

Четвертой социально-экономической закономерностью трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации выступает то, что сегодня *реализация и развитие взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали происходит в условиях экономики рисков*, для которой характерны «высочайшая степень политико-экономических, технологических, финансовых, экологических неопределенностей и возрастание роли общественно-функциональных технологий как инструментов конкурентной борьбы, претерпевают трансформацию формы и методы управления» [7, с. 114]. Непредсказуемость (или низкая предсказуемость) тех хозяйственных процессов и явлений, которые относительно недавно воспринимались экономическим мейнстримом как устойчивые, сущностные и предсказуемые, требуют отказаться от использования очень многих экономико-математических моделей, в том числе и применяемых в модели тройной спирали. Также отметим, что современная технологическая модернизация несет в себе дополнительные риски и угрозы. Так, по мнению ряда авторов, «цифровизация добавляет и еще одну новую сферу деятельности – обеспечение безопасности информационных систем и ресурсов и защиты от кибератак» [13, с. 10].

Пятой социально-экономической закономерностью трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации выступает то, что сегодня *реализация и развитие взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали происходит в контексте*

Индустрии 4.0. Как отмечает Ю.В. Мелешко, «ядром Индустрии 4.0 определены кибер-физические системы. <...> Основной функцией кибер-физических производственных систем является согласование разрозненных производственных процессов <...>. Концепция кибер-физических производственных систем реализуется с помощью множества информационно-коммуникационных технологий, которые, следует отметить, могут и наверняка будут постоянно меняться, что, однако, не влечет распад самой системы. <...> Для Индустрии 4.0 центральной технологией стал Интернет, позволяющий объединить компьютеризированные еще в результате третьей промышленной революции производства, в том числе на межотраслевом, межрегиональном или международном уровнях. <...> Однако для полноценного функционирования интернета вещей требуется также и соответствующее развитие сопутствующих услуг (услуг связи, услуг по сбору и обработке данных и т.д.)» [14, с. 81–82]. Названный автор также отмечает, что, «рассматривая Индустрию 4.0 как совокупность технологий (“технологии Индустрии 4.0”), эксперты обращают внимание, что Индустрия 4.0 предполагает не только цифровое производство и логистику, но и сопутствующие им цифровые услуги и цифровые бизнес-модели. Тем самым подчеркивается тесная взаимосвязь в Индустрии 4.0 всех стадий промышленного производства, цифровизация одной из которых – производственной стадии – влечет цифровизацию остальных» [15, с. 84]. Как следует из сказанного выше, такое явление как Индустрия 4.0 непосредственно влияет на модель тройной спирали, в то же время и названная модель оказывает воздействие на Индустрию 4.0, в результате чего и возникает пятая закономерность.

Заключение. В результате проведенного исследования выявлены следующие социально-экономические закономерности трансформации функций университета в условиях современной технологической модернизации: 1) государство выступает главной силой, конфигурирующей направления, инструменты, формы и скорость трансформации функций университетов в условиях современной технологической модернизации; 2) формирование сетевой экономики и таких принципиально новых форм общественно-функциональных технологий, как сетевые механизмы экономического управления, что значительно влияет на трансформацию форм союза между властью, бизнесом и университетом; 3) возрастание роли экономической науки в реализации и развитии взаимодействия универ-

ситетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали в контексте современной технологической модернизации; 4) реализация и развитие взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали происходит в условиях экономики рисков; 5) реализация и развитие взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали происходит в контексте Индустрии 4.0.

Высокая скорость преобразований на рынке труда, проявляющаяся в динамике численности и структуры занятости, в устойчивом спросе на непрерывное обновление персональных навыков и профессиональных компетенций работников может привести к риску структурной безработицы. Как справедливо указывается в литературе, «адекватно ответить на эти негативные тенденции развития трудовых отношений в Республике Беларусь в контексте развития цифровой экономики можно только при условии наличия сильного социального белорусского государства и эффективно функционирующей системы общественно-государственно-частного партнерства» [16, с. 33–34].

Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор с БРФФИ № Г21МН-002 от 01.07.2021 г.).

Литература

1. Богатырёва, В.В. Роль социального и человеческого капиталов в формировании и функционировании социально-экономической системы государства / В.В. Богатырёва // Экон. наука сегодня. – 2020. – Вып. 11. – С. 5–11. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2020-11-5-11>.
2. Кузьмицкая, Т.В. Трансформация рабочих мест в Беларуси: источники неопределенности и возможные сценарии развития / Т.В. Кузьмицкая // Вестн. Ин-та экономики НАН Беларуси: сб. науч. тр. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2022. – Вып. 5. – С. 62–72. <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2022-5-62-72>
3. Вебер, М. Политика как призвание и профессия [Электронный ресурс] / М. Вебер // Избр. произведения; пер. с нем. – М.: «Прогресс», 1990. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/6064>. – Дата доступа: 06.10.2022.
4. Атлантикус. Государство будущего. Производство и потребление в социальном государстве. – СПб.: Изд-во «Дело», 1906. – Изд. 2-е. – С. 2.
5. Ленин, В.И. О едином хозяйственном плане. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 32. – М.: Изд-во полит. литературы, 1969. – С. 117.
6. Солодовников, С.Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С.Ю. Солодовников // Экон. наука сегодня. – 2018. – Вып. 7. – С. 5–18.
7. Солодовников, С.Ю. Теоретико-методологические основы исследования сетевых механизмов инновационного развития в Республике Беларусь / С.Ю. Солодовников // Наука и техника. – 2020. – № 19(2). – С. 113–118. <https://doi.org/10.21122/2227-1031-2020-19-2-113-118>
8. Солодовников, С.Ю. Сетевые механизмы инновационного развития: подходы к онтологическому определению / С.Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. – 2019. – № 3(15). – С. 57–65.
9. Пожигайло, П.А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911) / П.А. Пожигайло. – Москва, 2007. – С. 31.
10. Галушка, А.С. Кристалл роста к русскому экономическому чуду / А.С. Галушка, А.К. Ниязметов, М.О. Окулов. – М., 2021. – 360 с.
11. Солодовников, С.Ю. Современная структурная политика и кризис nanoиндустрии / С.Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3(8). – С. 44.
12. Солодовников, С.Ю. Цивилизация, экономическая система общества, институциональные матрицы, изучение иностранного языка и национальная безопасность / С.Ю. Солодовников // Экон. наука сегодня. – 2020. – Вып. 11. – С. 12–17. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2020-11-12-17>.
13. Богатырёва, В.В. Эволюция трудовых отношений в Республике Беларусь в контексте цифровизации и роботизации экономики / В.В. Богатырёва, М.Ю. Бобрик, Т.В. Сергиевич // Экон. наука сегодня. – 2021. – Вып. 13. – С. 6–14. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-13-6-14>.
14. Мелешко, Ю.В. Индустрия 4.0 – новая промышленная политика Германии: теоретическая основа и практические результаты / Ю.В. Мелешко // Экон. наука сегодня. – 2018. – Вып. 8. – С. 80–93. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-8-80-93>.
15. Мелешко, Ю.В. Индустрия 4.0: трансформация теоретических подходов к трактовке понятия / Ю.В. Мелешко // Управление инновациями – 2019: материалы междунар. науч.-практ. конф.; под ред. Р.М. Нижегородцева, Н.П. Горидько. – Новочеркасск: Южно-Рос. гос. политехн. ун-т (НПИ) имени М.И. Платова, 2019. – С. 80–85.
16. Богатырёва, В.В. Тенденции развития трудовых отношений в Республике Беларусь / В.В. Богатырёва, Т.В. Сергиевич // Право. Экономика. Психология. – 2022. – № 2(26). – С. 30–34.

Поступила в редакцию 21.02.2023

Эффективность деятельности ОАО «Витебский завод тракторных запасных частей»

Бекиш Е.И.¹, Мантур Е.Е.²

¹Международный университет «МИТСО»

²Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет»

В условиях ухудшения общей политической и экономической ситуации работа предприятий сильно осложнилась. Поэтому вопросам повышения результативности их деятельности в настоящее время уделяют большое значение. Поиск путей увеличения эффективности учеными непрерывно ведется. Исследования по этой проблеме не прекращаются.

Цель статьи – провести анализ эффективности деятельности организации и определить направления ее повышения.

***Материал и методы.** Информационной базой для исследования стали данные бухгалтерской и статистической отчетности организации, электронные информационные ресурсы и другие материалы.*

В процессе работы для оценки и анализа данных были использованы статистические и экономические методы.

***Результаты и их обсуждение.** Анализ объема реализации ассортимента продукции выявил его положительную динамику, а самый большой удельный вес в его структуре приходится на запасные части. Конкурентоспособность и рост экспорта обеспечивает сертификация продукции компании. Экспорт товаров составляет около 75%, большая часть которого осуществляется в Россию. Специалистами маркетинга и логистики тщательно изучается и прорабатывается каждый отдельный регион Российской Федерации. В результате объемы поставок на российский рынок путем налаживания торговых отношений с торговыми сетями конкретных регионов постоянно растут. Ведется разработка новых логистических каналов для поставки запасных частей в Африку.*

***Заключение.** Установлено, что положительная динамика показателей выручки от реализации характеризует эффективную деятельность ОАО «Витебский завод тракторных запасных частей». Рост выручки позволит повысить финансовую прибыль, которая будет использована для увеличения объемов производства и реализации.*

***Ключевые слова:** эффективность, деятельность, запасные части, выручка, продукция, реализация, экспорт, рынок, трактор.*

Efficiency of JSC “Vitebsk Plant of Tractor Spare Parts”

Bekish E.I.¹, Mantur E.E.²

¹International University of “MITSO”

²Education Establishment “Belarusian State Agrarian Technical University”

In the context of the deterioration of the general political and economic situation, the work of enterprises has become very complicated. Therefore, the issues of improving the effectiveness of their activities are currently given great importance. The search for ways to increase efficiency by scientists is ongoing. Research on this problem does not stop.

The purpose of the article is to analyze the effectiveness of the company activities and determine the directions for its improvement.

***Material and methods.** The information base for the research was the data of the accounting and statistical reporting of the company, electronic information resources and other materials.*

In the process of the research, statistical and economic methods were used to evaluate and analyze the data.

***Findings and their discussion.** An analysis of the sales volume of the product range revealed its positive dynamics, and the largest share in its structure falls on spare parts. Competitiveness and export growth are ensured by the certification of the company products. The export of goods is about 75%, most of which is carried out to Russia. Marketing and logistics specialists carefully study and work out each individual region of the Russian Federation. As a result, the volume of supplies to the Russian market through the establishment of trade relations with retail chains of specific regions is constantly growing. New logistics channels are developed for the supply of spare parts to Africa.*

***Conclusion.** It has been established that the positive dynamics of sales revenue characterizes the effective activity of JSC “Vitebsk Plant of Tractor Spare Parts”. Revenue growth will increase financial profit, which will be used to increase production and sales volumes.*

***Key words:** efficiency, activity, spare parts, revenue, products, sales, export, market, tractor.*

В условиях санкционного давления на Российскую Федерацию и Республику Беларусь, специальной операции на Украине, при постоянном колебании курсов основных мировых валют, ухудшении общей экономической ситу-

ации работа предприятий сильно осложнилась. Поэтому вопросы повышения результативности их деятельности в Республике Беларусь в настоящий период времени приобретают особое значение. Пути повышения эффектив-

ности учеными непрерывно ищутся уже более 100 лет. Исследования по этой проблеме никогда не прекращались.

Эффективность деятельности представляет собой важнейшее направление в стратегии развития организации и возможности ее выхода на внешние рынки в условиях динамичной внешней среды [1, с. 112], что характеризует рост финансовой привлекательности для партнеров и внешних инвесторов, а также собственников организации. Экономические результаты обуславливают успешность инновационного развития и совершенствования предприятия. Для того чтобы увеличить продуктивность функционирования предприятия, разрабатывается комплекс специальных мероприятий по повышению эффективности работы [2, с. 69].

Поэтому была поставлена следующая цель – провести анализ эффективности деятельности организации и определить направления ее повышения.

Материал и методы. Информационной базой для исследования стали данные бухгалтерской и статистической отчетности организации, электронные информационные ресурсы и другие материалы.

В процессе работы для оценки и анализа данных были использованы статистические и экономические методы.

Результаты и их обсуждение. В настоящий период открытое акционерное общество «Витебский завод тракторных запасных частей» является в республике одним из ведущих производителей запасных частей к тракторам и сельскохозяйственной технике. С 1 августа 2014 года оно вошло наряду с другими восьмью предприятиями в холдинг «МТЗ-ХОЛДИНГ» [3].

Для успешного развития предприятия следует постоянно наращивать объем продаж выпускаемого ассортимента. С этой целью с помощью данных таблицы 1 проанализируем динамику объема реализации продукции организации за 2020–2021 годы по выпускаемым ассортиментным группам.

Как видно из таблицы 1, объем реализации товаров по всем ассортиментным группам в 2021 году значительно увеличился, что свидетельствует о его положительной динамике. Всего реализовано товаров за последний год на сумму 55030 тыс. руб., что выше на 11141 тыс. руб. или на 25,4% по сравнению с предыдущим годом. При этом заметно повышается спрос на товары народного потребления, рост продаж которых вырос на 1431 тыс. руб. или на 41,7%.

Проведем анализ структуры объема сбыта по ассортиментным группам общества за 2021 год, представленной на рисунке 1.

Согласно данным рисунка 1 наибольший удельный вес в структуре объема реализованных товаров приходится на запасные части – 47,8%. Самую низкую долю в данной структуре занимают товары народного потребления. При чем, как отмечалось выше, для этой категории товаров присутствовал рост продаж.

Основным видом деятельности предприятия является производство узлов и деталей для сборочного конвейера ОАО «Минский тракторный завод», что составляет 64% в общем объеме выручки, и изготовление запасных частей к тракторам «Беларус». Кроме этого, общество еще основной дилер ОАО «Минский тракторный завод» и ОАО «Сморгонский агрегатный завод» по гарантийному обслуживанию и предпродажной подготовке тракторной техники «Беларус».

Таблица 1 – Динамика объема реализации продукции по ассортиментным группам за 2020–2021 годы, тыс. руб.

Основной ассортимент	2020 г.	2021 г.	Абсолютное отклонение, тыс. руб	Темп роста, %
Запасные части	20584	26304	+5720	127,8
Кооперированные поставки	10972	12712	+1740	115,9
Товары народного потребления	5398	7649	+2251	141,7
Прочая продукция	6934	8365	+1431	120,6
Итого	43889	55030	+11141	125,4

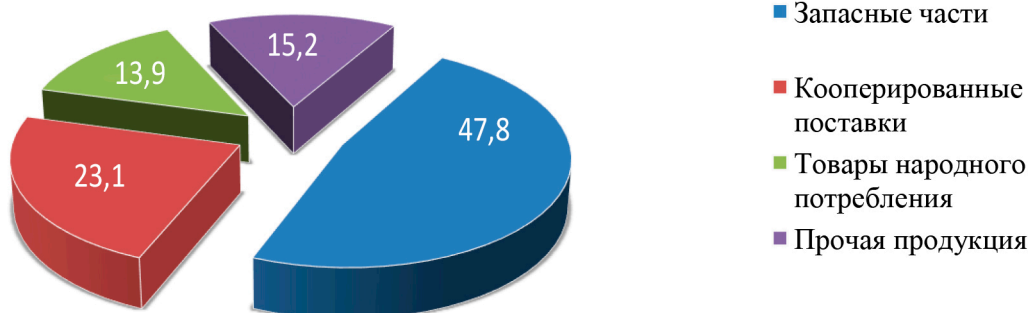

Рисунок 1 – Структура объема сбыта основного ассортимента за 2021 год, %

Маркетинг и логистика на предприятии используются для повышения конкурентоспособности производимой продукции. Они постоянно взаимодействуют между собой, в первую очередь, в системе сбыта предприятия.

Одним из конкурентных преимуществ выпускаемой продукции витебского производства является большое разнообразие их ассортимента [4, с. 61].

Акционерное общество выпускает около 300 наименований деталей и узлов для конвейерной сборки тракторов ОАО «Минский тракторный завод» и предприятий-изготовителей холдинга «МТЗ-ХОЛДИНГ».

В таблице 2 рассмотрим объемы сбыта ассортимента запасных частей организации за 2020–2021 годы.

Как видно из данных таблицы 2, объем сбыта запасных частей в организации значительно увеличился по всему ассортименту в 2021 году. Его увеличение составило 5720 тыс. руб. или 27,8%. При этом наибольшими темпами повысился объем продаж среди запасных частей оси передней. Его прирост составил 204 тыс. руб. или 32,0%, а также переднего ведущего моста – 646 тыс. руб. или 31,6%. Наибольший удельный вес в структуре реализации ассортимента в исследуемом периоде занимают продажи коробок передач – 25,9% в 2020 году и 26,2% в 2021 году. В то же время наблюдается увеличение их удельного веса в структуре продаж на 0,3 п.п.

Для обеспечения своего стабильного функционирования общество стремится постоянно внедрять технологические новшества в производство, чтобы получить высокий уровень качества товаров, разрабатывать их новые виды, позволяющие расширять ассортимент конкурентоспособной продукции.

Конкурентоспособность относится к показателям, которые могут характеризовать результативность производственной деятельности компании. Неконкурентоспособное предприятие не может считаться эффективным.

Для повышения конкурентоспособности и освоения новых рынков сбыта в зарубежных странах продукция компании сертифицирована. По системе менеджмента качества требованиям СТБ 16949-2018 – 3-й уровень соответствует производству деталей к узлам переднего ведущего моста трактора «Беларус».

Система менеджмента качества для производства узлов и деталей трактора «Беларус» соответствует требованиям СТБ ISO 9001–2015 [5].

Организация продвижения продукции тракторостроения требует комплексного рационального подхода и решения целого ряда вопросов, связанных с согласованием опытных образцов, конструкторской документации, цен, условий поставки.

Наличие сертификатов значительно повышает шансы успешного продвижения и продаж товаров на новых высококонкурентных рынках.

Значительные преимущества организации для возможности освоения и расширения каналов реализации создают единое таможенное пространство между Республикой Беларусь и Российской Федерацией и выгодное географическое положение [6, с. 32].

В настоящее время рынок основных видов выпускаемой продукции акционерного общества сформировался и достаточно устойчивый. Предприятие уже более 70-ти лет на рынках запасных частей. Поставки осуществляются в 16 стран мира. Основными традиционными рынками продаж являются страны СНГ: Российская Федерация, Республика Азербайджан, Казахстан, Республика Молдова, Узбекистан и Украина.

Таблица 2 – Характеристика объема сбыта основного ассортимента запасных частей

Основной ассортимент запасных частей	2020 г.		2021 г.		Абсолютное отклонение, тыс. руб.	Темп роста, %
	тыс. руб.	удельный вес, %	тыс. руб.	удельный вес, %		
Колеса и ступицы	3355	16,3	4261	16,2	+906	127,0
Коробка передач	5331	25,9	6892	26,2	+1561	129,3
Тормоза	2141	10,4	2709	10,3	+568	126,5
Передний ведущий мост	2038	9,9	2683	10,2	+645	131,6
Рулевое управление	1564	7,6	2025	7,7	+461	129,5
Рама	576	2,8	710	2,7	+134	123,3
Ось передняя	638	3,1	842	3,2	+204	132,0
Передняя и задняя навеска	885	4,3	1078	4,1	+193	121,8
Сцепление	1173	5,7	1447	5,5	+274	123,4
Кабина трактора	741	3,6	973	3,7	+232	131,3
Отбор мощности	1256	6,1	1631	6,2	+375	129,9
Раздаточная коробка	885	4,3	1052	4,0	+167	118,9
Итого	20584	100,0	26304	100,0	+5720	127,8

Таблица 3 – Динамика и структура объемов реализации продукции по рынкам сбыта за 2020–2021 гг.

Рынки сбыта	2020 г.		2021 г.		Темп роста, %
	объем продаж, тыс. руб.	уд. вес, %	объем продаж, тыс. руб.	уд. вес, %	
Внутренний рынок	10753	24,5	13758	25,0	127,9
Внешний рынок	33136	75,5	41272	75,0	124,6
Всего	43889	100,0	55030	100,0	125,4

По-прежнему доля экспорта тракторов в эти страны высока и составляет 87%. За исключением Украины, куда поставки в настоящее время приостановлены. При этом из-за очень великой потенциальной емкости рынка больше всего экспорт продукции осуществляется в Россию. Специалистами маркетинга и логистики тщательно изучается и прорабатывается каждый отдельный регион Российской Федерации. В результате объемы поставок на российский рынок путем налаживания торговых отноше-

ний с торговыми сетями конкретных регионов постоянно растут.

Проанализируем динамику и структуру объемов реализации продукции организации по рынкам сбыта в 2020–2021 годах (таблица 3).

Как свидетельствуют данные таблицы 3, в исследуемом периоде основным рынком реализации продукции общества является внешний рынок – 75,5% и 75,0% соответственно в 2020 и в 2021 году. В 2021 году увеличился удельный вес продукции, реализуемой внутри Республи-

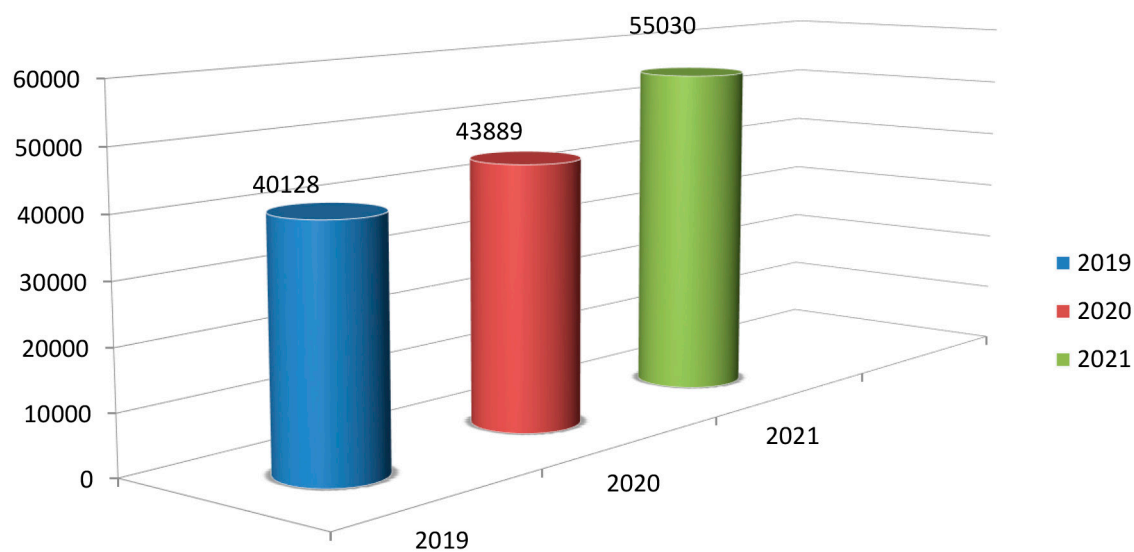

Рисунок 2 – Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг, тыс. руб.

ки Беларусь – на 0,5 п.п. В целом наблюдается увеличение объемов продаж в стоимостном выражении по всем указанным рынкам на 25,4%. В том числе объем продаж на внутреннем рынке Республики Беларусь вырос на 27,9%, экспорт – на 24,6%.

Для обеспечения успешной стабильной работы предприятия в усложнившихся современных условиях конкуренции проводится постоянно работа по расширению существующих и поиску новых каналов продвижения, изучается и анализируется информация по ценам конкурентов и динамике спроса на основных экспортных рынках [7, с. 63].

Ведется усиленная работа по увеличению объемов поставок на рынки Казахстана, Киргизии, Туркменистана, стран Прибалтики, Молдовы. Также осуществляется разработка новых логистических каналов для поставки запасных частей клиентам по всей территории Африканского континента.

Для расширения товаропроводящей сети в Африке после визита А.Г. Лукашенко ОАО «Витебский завод тракторных запасных частей» открыл свое представительство в Зимбабве в г. Хараре. Оно будет заниматься реализацией запасных частей к тракторам «BELARUS», выполнять техническое обслуживание и ремонт тракторов в гарантийный период эксплуатации. При этом здесь организовано обучение специалистов и оказывается бесплатная консультация

по техническим вопросам, возникающим при эксплуатации сельскохозяйственной техники. Будет налажена логистическая сеть перевозок запасных частей из Республики Беларусь. Рост реализации запасных частей обеспечивает увеличение поставок тракторов в Зимбабве ОАО «Минский тракторный завод». Если в 2020 году в эту страну было продано 230 тракторов, то уже в 2022 году их количество составило 793. При чем планируется увеличить их продажи более, чем в 2 раза.

Основная задача деятельности любой компании состоит в получении наибольшей финансовой прибыли, которая будет в дальнейшем использована для расширения производства и повышения эффективности финансово-хозяйственных результатов [8, с. 30].

Установленный выше рост объемов продаж предприятия положительно сказывается на динамике показателей выручки от реализации продукции за последние три года, которые представлены на рисунке 2.

Как видно из данных рисунка 2, для исследуемого предприятия характерна положительная динамика показателей выручки от реализации продукции, работ, услуг за последние три года. Ее прирост в 2020 году по сравнению с 2019 годом составил 9,4%, а ее величина в 2020 году – 43889 тыс. руб. В 2021 году по сравнению с предыдущим годом наблюдается рост выручки от продаж на 25,4%. В 2021 году выручка

от реализации продукции, работ, услуг составила 55030 тыс. руб.

Заключение. Проведенный анализ объема реализации товаров по всем ассортиментным группам показал его положительную динамику. Самый большой удельный вес в структуре объема реализованной продукции занимают запасные части – 47,8%.

Установлено увеличение объема сбыта запасных частей по всему ассортименту организации в 2021 году. Его повышение составило 5720 тыс. руб. или 27,8%.

С целью повышения конкурентоспособности на рынках продукция компании сертифицирована. Реализация продукции на экспорт составляет около 75%.

На основании изучения показателей выручки от реализации продукции, работ, услуг за последние три года выявлена ее положительная динамика, которая обеспечивает повышение эффективности финансово-хозяйственной деятельности ОАО «Витебский завод тракторных запасных частей».

Литература

1. Князева, Е.В. Эффективность деятельности предприятия и факторы, влияющие на нее / Е.В. Князева, Е.В. Шаповал // Вестн. ун-та. – 2018. – № 2. – С. 112–115.

2. Лычковская, М.Д. Оценка эффективности деятельности предприятий и разработка мероприятий по ее улучшению / М.Д. Лычковская // Науч.-практ. исследования. – 2017. № 9(9). – С. 69–72.

3. Официальный сайт «ОАО «Витебский завод тракторных запасных частей»» [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <http://vztzch.by/ru/> – Дата доступа: 19.04.2023.

4. Бекиш, Е.И. Значение интеграции маркетинга и логистики в условиях конкуренции / Е.И. Бекиш, О.А. Брагина, Е.Е. Мантур // Право. Экономика. Психология. – 2022. – № 3(27). – С. 60–64.

5. Официальный сайт «ОАО «Витебский завод тракторных запасных частей»» [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <http://www.vztzch.by/ru/sistema-menedzhmentakachestva> – Дата доступа: 19.04.2023.

6. Бекиш, Е.И. Анализ логистической деятельности организации / Е.И. Бекиш, О.А. Брагина, Е.Е. Мантур // XVIII Междунар. Плехановские чтения в Монголии. Проблемы и перспективы развития экономики и образования в Монголии и России: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Улан-Батор, 8 апр. 2022 г. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом “Среда”», 2022. – С. 29–35.

7. Бекиш, Е.И. Сбытовая деятельность ОАО «Витебские ковры» / Е.И. Бекиш // Право. Экономика. Психология. – 2020. – № 1(17). – С. 61–66.

8. Бекиш, Е.И. Использование логистики для повышения эффективности деятельности организации / Е.И. Бекиш, Е.Е. Мантур // Право. Экономика. Психология. – 2023. – № 1(29). – С. 28–33.

Поступила в редакцию 03.05.2023

Взаимообусловленность и взаимное влияние цифровой трансформации экономики и системы образования

Турковский С.Р.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Множественные изменения, неравномерно происходящие в пространственно-временной структуре глобальной экономической системы под воздействием цифровых технологий, обуславливают необходимость социума динамично изменяться в высококонкурентной и волатильной глобальной среде. В этих условиях, а также с учетом особого значения знаний и компетенций в информационном обществе, система образования в полной мере ощущает на себе все вызовы цифровой трансформации (равно как и располагает всеми возможностями, которые она предоставляет).

Исходя из вышеизложенного, цель данной статьи заключается в уточнении характера взаимного влияния системы образования и цифровой трансформации экономики и формулирование ключевых направлений адаптации современных университетов к новым императивам развития.

Материал и методы. Исследование базируется на научных публикациях отечественных и зарубежных экономистов и социологов. Основные методы работы: анализ и синтез, дедукция, индукция.

Результаты и их обсуждение. В статье рассмотрены различные подходы к определению цифровой трансформации. Уточнены предпосылки и факторы трансформации общества под воздействием цифровых технологий. Обоснована роль системы образования для обеспечения результативности преобразований социума под воздействием цифровизации. Сформулированы барьеры и определены приоритеты цифровой трансформации университетов в разрезе их ключевой роли в адаптации экономики и социума в целом к цифровой реальности.

Заключение. Система образования через реализацию комплекса базовых функций определяет способность социума эффективно осваивать цифровые технологии и формировать новые модели экономического и социального взаимодействия, а общество по мере своего комплексного преобразования начинает предъявлять новые требования к образованию как с технической точки зрения (цифровизация образования), так и с позиций функционально-методологического обеспечения (формирование цифрового университета), что предопределяет отраслевые особенности цифровой трансформации образования (в первую очередь на уровне высших учебных заведений).

Ключевые слова: цифровая трансформация, экономика знаний, социальные институты, цифровой университет.

Interdependence and Mutual Influence of the Digital Transformation of the Economy and the Education System

Turkovsky S.R.

Plekhanov Russian University of Economics

Multiple changes occurring unevenly in the spatio-temporal structure of the global economic system under the influence of digital technologies necessitate the society to change dynamically in a highly competitive and volatile global environment. Under these conditions, and also taking into account the special importance of knowledge and competencies in the information society, the education system fully feels all the challenges of digital transformation (as well as has all the opportunities that it provides).

Based on the foregoing, the purpose of this study is to clarify the nature of the mutual influence of the education system and the digital transformation of the economy and formulate key directions for adapting modern universities to new development imperatives.

Material and methods. The study is based on scientific publications of domestic and foreign economists and sociologists. Basic research methods: analysis and synthesis, deduction, induction.

Findings and their discussion. The article discusses various approaches to the definition of digital transformation. The prerequisites and factors for the transformation of society under the influence of digital technologies are clarified. The role of the education system to ensure the effectiveness of social transformations under the influence of digitalization is substantiated. Barriers have been formulated and priorities for the digital transformation of universities have been identified in the context of their key role in adapting the economy and society as a whole to digital reality.

Conclusion. The education system, through the implementation of a set of basic functions, determines the ability of society to effectively master digital technologies and form new models of economic and social interaction, and society, as it undergoes a complex transformation, begins to impose new requirements on education, both from a technical point of view (digitalization of education) and from positions of functional and methodological support (formation of a digital university), which predetermines the industry-specific features of the digital transformation of education (primarily at the level of higher educational institutions).

Key words: digital transformation, knowledge economy, social institutions, digital university.

Глобальные широкомасштабные изменения, приносимые интенсивным проникновением цифровых технологий в большинство сфер общественной жизни, в конце XX – начале XXI столетия, возможно, выступают ключевой чертой социально-экономического развития. Данный процесс, получивший название «цифровая трансформация», оказывает комплексное многогранное влияние на большинство отраслей экономики, но, что еще более важно, на формы и содержание социальных взаимодействий.

Названные процессы, неравномерно происходящие в пространственно-временной структуре глобальной экономической системы, скрывают в себе существенные риски как для отдельных экономических агентов, так и для целых социально-экономических систем, связанные с необходимостью динамично изменяться в высококонкурентной и волатильной глобальной среде. В этих условиях, а также с учетом особого значения знаний и компетенций в информационном обществе, система образования в полной мере ощущает на себе все вызовы цифровой трансформации (равно как и располагает всеми возможностями, которые она предоставляет).

С учетом вышеизложенного, целью данной статьи является уточнение характера взаимного влияния системы образования и цифровой трансформации экономики и формулирование ключевых направлений адаптации современных университетов к новым императивам развития.

Материал и методы. Исследование базируется на научных публикациях отечественных и зарубежных экономистов и социологов. Основные методы работы: анализ и синтез, дедукция, индукция.

Результаты и их обсуждение. С точки зрения большинства исследователей, цифровая трансформация – это процесс, в котором комбинации цифровых технологий (информационных, вычислительных, коммуникационных и сетевых) создают и усиливают структурные и функциональные сдвиги в обществе и отраслях экономики, вызывая потребность в стратегических изменениях на уровне предприятий, организаций, индивидов, связанных с использованием цифровых технологий для изменения моделей поведения, взаимодействия, технологических и коммуникационных процессов.

Ю.И. Грибанов рассматривает цифровую трансформацию прежде всего с экономической точки зрения и определяет ее как «перевод элементов социально-экономической системы

в цифровое пространство для взаимодействия с использованием максимума потенциала внедренных цифровых технологий» (цит. по [1, с. 35]). Более широкий, междисциплинарный подход использует в своих работах А.Ю. Косенков, описывающий цифровую трансформацию как «комплекс многомерных трансформаций, выраженных в первую очередь в изменении параметров информационных процессов социальной реальности, трансформации институциональной структуры, социального пространства, к появлению новых практик и других процессов» [2, с. 247].

Многомерность процессов цифровой трансформации отражается в специальных ее определениях, касающихся отдельных сфер и областей социума. Так, Т. Кудрявцева характеризует цифровую трансформацию как «использование оцифрованной информации и цифровых технологий для внесения изменений в бизнес-процессы и бизнес модели» [3, с. 150]. Сходной точки зрения придерживаются М. Эллинг и М. Леманн, которые интерпретируют цифровую трансформацию как «интеграцию аналогового и цифрового миров с новыми технологиями, улучшающими взаимодействие с клиентами, доступность данных и бизнес-процессы» [4, с. 363].

Г. Виал выработал универсальное определение цифровой трансформации, применимое на различных уровнях исследования. По его мнению, под цифровой трансформацией следует понимать «процесс, направленный на улучшение объекта путем инициирования значительных изменений его свойств за счет сочетания информационных, вычислительных, коммуникационных и сетевых технологий» [5, с. 118].

Цифровая трансформация влияет на общество на нескольких уровнях. Что касается производственной стороны экономики, цифровая трансформация позволяет автоматизировать бизнес-операции, обеспечивая повышение экономической эффективности (например, снижение транзакционных издержек). Точно также цифровая трансформация открывает новые возможности для ведения бизнеса, влияет на рынок труда и предпринимательство. Наконец, цифровая трансформация воздействует на человеческие отношения и индивидуальное поведение, облегчая социальную интеграцию и общение.

Вместе с тем для социально-экономических систем внешние силы изменений могут быть разрушительными, поскольку они не учитывают институциональную основу региональных сооб-

щества, вызывая неадаптированные преобразования с новыми конфигурациями, которые могут подорвать социальную устойчивость. Развивающаяся цифровая трансформация имеет форму экзогенной силы, при этом отсутствие возможностей (в первую очередь навыков и ресурсов) снижает восприимчивость социальных агентов к воздействию цифровой трансформации. В конце 1980-х годов было замечено, что в развитых странах темпы роста производительности снижались, несмотря на крупные инвестиции в ИТ и тот факт, что развитие ИТ привело к экспоненциальному росту вычислительных мощностей. Данное явление было определено как цифровой парадокс продуктивности [6]. В то же время на эндогенные изменения влияет внедрение технологий в соответствии с существующими системами знаний и практиками, так что технологии повышают производительность существующих систем производства и воспроизводства. Для этого необходимо, чтобы общества обладали адекватными предполагаемым изменениям свойствами и ресурсами, позволяющими им воспроизводить и формировать изменения [7].

Трансформации подвергаются все социальные институты современного общества в том числе институт образования. Но, как отмечают многие практики, цифровая трансформация – это точка соприкосновения человеческих навыков и возможностей с возможностями, предоставляемыми цифровыми технологиями и инструментами. Это непрерывный процесс обучения и переучивания, экспериментирования, внедрения новых способов работы и мышления. Таким образом, цифровая трансформация общества является процессом, в ходе которого люди переформируют социум путем реинтерпретации общества в том числе использования цифровых технологий в повседневной жизни. В современных условиях молодые люди и люди в целом (постоянно) проходят процесс изменения того, как «работает» общество, включая модели коммуникации. Характер цифровой трансформации подразумевает, что недостаточно передать адекватное знание – оно должно быть сконструировано акторами, участвующими в трансформации.

Следовательно, мы сталкиваемся с вопросом того, что технологии и общество оказывают друг на друга взаимное влияние, а характер и результативность внедрения технологий определяется качественными характеристиками общества, которые, в свою очередь, формируются в рамках

системы образования. Традиционно рассматриваются три основных механизма, через которые высшее образование влияет на социально-экономическое развитие.

Во-первых, образование позволяет увеличить человеческий капитал, содержащийся в трудовых ресурсах страны, повышая производительность труда и смещать точку экономического равновесия до больших объемов предложения (неоклассические теории).

Во-вторых, образовательная система увеличивает способность экономики к инновационному развитию, благодаря которому через создание новых технологий, продукции и систем организации экономической и общественной деятельности происходит экономический рост.

В-третьих, образование позволяет активизировать процессы передачи и диффузии знаний и навыков, необходимых для усвоения и внедрения новых технологий, разработанных другими странами, что опять-таки способствует экономическому росту [8, с. 149–151].

По мере становления экономики знаний очевидным для большинства исследователей является изменение роли университетов в организации общественно-экономической деятельности, особенно в региональном контексте. Большинство концепций в исследованиях экономики знаний, таких как национальные и региональные инновационные системы и модель тройной спирали (triple helix), возникшие в контексте пост-индустриального развития, подчеркивают новые виды отношений между университетами и социумом. С точки зрения теорий экономического развития университет превратился из вторичного в первичный институт экономического роста в обществе, основанном на знаниях. Это явно контрастирует с краткосрочным мультипликативным эффектом, который заключается в прямом экономическом эффекте на региональном уровне через стимулирование занятости (университет как организация предоставляет рабочие места), создание непосредственного спроса на товары (сопутствующие реализации образовательного процесса и научных исследований) и услуги (аренда, коммунальные платежи, ремонт помещений и оборудования и пр.).

Однако значительно более существенные предпосылки изменений кроются в переходе (трансформации) от функции университета как центра передачи технологий к функции связующего звена в цепочке обмена знаниями. Если трансфер технологий можно рассматривать

в самом упрощенном виде как перемещение технологии из научно-исследовательской организации (в частности, высшего учебного заведения) в промышленную организацию, которая ее коммерциализирует, то обмен знаниями уже является двунаправленным, включает в себя и аспекты коллективного обучения между организациями из разных секторов, и (традиционную) передачу технологий. Такой двунаправленный характер обмена знаниями является ключом к формированию на региональном уровне синергетического эффекта от взаимодействия социума, промышленности, образования и науки за счет ценностного совместного творчества. Здесь университет не только создатель знаний, но и средство совместного создания ценностей. Взаимодействия между участниками инновационной экосистемы в данном контексте необходимо понимать не только как экономические, но и как социальные отношения, при этом обмен знаниями – результат социальных отношений, медиатором в которых выступают учреждения высшего образования.

Данный факт позволяет в общих чертах сформулировать следующий базовый тезис: система образования через реализацию комплекса базовых функций определяет способность социума эффективно осваивать цифровые технологии и формировать новые модели экономического и социального взаимодействия, а общество по мере своего комплексного преобразования начинает предъявлять новые требования к образованию – как с технической точки зрения (цифровизация образования), так и с позиций функционально-методологического обеспечения (формирование цифрового университета), что предопределяет отраслевые особенности цифровой трансформации образования (в первую очередь на уровне высших учебных заведений).

Можно определить следующие ключевые принципы цифровой трансформации образования [9]:

- активная, широкая интеграция информационных технологий в образовательный процесс;
- адаптация образовательных методик под цифровой характер обучения, развитие цифровой дидактики;
- переход учащегося «в субъектную позицию в процессе определения целей и содержания образования»;
- управляемость процесса, наличие строго определенного ожидаемого результата и стратегии его достижения;

– системность изменений, проявляющаяся в изменении всей образовательной системы под влиянием цифровизации.

Магистральные направления трансформации:

1. Наличие в виртуальном пространстве всех возможностей оцифровки, формирование баз данных и механизмов доступа заинтересованных лиц ко всему спектру информационных ресурсов.

2. Цифровизация процессов: обеспечение цифрового формата взаимодействия для всех видов административных, образовательных, научно-исследовательских и вспомогательных (сервисных) процессов.

3. Многостороннее взаимодействие: формирование институциональной основы, физической и цифровой инфраструктуры для обеспечения обратной связи между потребителем процесса, его создателем и администратором. В данном случае все связи между университетом, бизнесом, государством и обществом превращаются в субъект-субъектные.

4. Обеспечение адаптивности и гибкости: все процессы должны быть легко трансформируемы, исходя из изменяющихся потребностей, трансформаций (в том числе форс-мажорных) внешней и внутренней среды. Также должен обеспечиваться свободный переход между виртуальным и физическим пространствами, которые должны не взаимозаменять, а взаимодополнять друг друга.

При определении моделей трансформации вузов важно выявить особенности использования цифровых технологий, влияющие на отношения между субъектами образовательных услуг. Изменились, прежде всего, студенты, требования и ожидания которых резко выросли за последнее десятилетие и которым должны соответствовать современные поставщики услуг в сфере высшего образования.

Конвейер массового образования с конечным результатом выпуска специалистов «одной программы» на рынок труда с новыми реалиями становится неактуальным. Ценность обладания знаниями и осведомленностью в определенной области уже не достаточна в условиях объема и доступности информации в цифровой среде; необходимо научить ориентироваться в этом море информации и правильно выбирать необходимый материал и инструментарий его освоения.

Многие университеты разрабатывают конкретные цифровые стратегии в ответ на массовый переход на новые технологии. Но таким стратегиям часто не хватает комплексности, что приводит к отсутствию ожидаемых результатов при вложе-

нии достаточно значительных средств в попытку информационного прорыва. Высшие учебные заведения неохотно признают, что одной цифровой стратегии для университета недостаточно.

Чтобы соответствовать цифровой эпохе, каждому вузу необходимо придерживаться холистического подхода, который бы охватывал помимо сферы информационных технологий и все институциональные аспекты вуза. Цифровая зрелость в университетах основывается не только на их способности обеспечивать соответствующую ИТ-инфраструктуру (например, подключение к сети, компьютерные классы), применять технологии в образовательном процессе (например, открытые образовательные ресурсы, интерактивные уроки, виртуальные симуляторы), но также реализовывать комплексные обновленные процессы, формировать динамичные компетенции, совмещать виртуальную и реальную среды в контексте внутриорганизационных процессов, взаимодействия с внешней средой, предоставлять платформы для совместной работы и организации для интеграции процессов и людей (например, системы рабочих процессов, образовательные социальные сети, системы управления обучением, интегрированные с системами академического администрирования, и виртуальные сообщества). Способность университетов достичь этих целей сильно ограничена контекстуальными ограничениями в политической, социальной и экономической областях.

Переход от традиционной структуры высших учебных заведений к инновационной цифровой предусматривает комплекс мер в следующих областях: нормативной, организационной, экономической, социальной, идеологической. Создание цифрового университета как инновационной экосистемы достижимо как путем структурирования и наполнения образовательного пространства, так и цифровой активности и заинтересованности преподавателей в создании контента, участия «...в продвижении и повышении доступности цифровых сервисов для обучающихся...» [10, с. 91].

Состояние экономической среды, которая не является благоприятной, может препятствовать успеху всей интеграции и использованию ИКТ как такового. Также цифровой трансформации может препятствовать отсутствие адекватного решаемым задачам правового обеспечения (с учетом того, что система образования представляет собой преимущественного комплекс государ-

ственных учреждений). Однако помимо правовых и экономических барьеров в исследовании Б. Адитья, Р. Фердиана и С. Кусумавардани [11] было выявлено еще 5 групп препятствий для эффективной цифровой трансформации в контексте высшего образования.

Во-первых, концептуальные барьеры. У большинства высших учебных заведений отсутствует целостное видение цифровой трансформации. В конечном итоге каждый университет действует методом проб и ошибок, внедряя цифровые решения ситуативно, исходя из имеющихся ресурсов, либо реагируя на негативное внешнее воздействие (яркий пример – период пандемии COVID-19).

Во-вторых, отсутствие институциональной стратегии и политики. В большинстве вузов до сих пор наблюдается формальный подход к разработке и внедрению стратегии цифровой трансформации: не просто количественные параметры наполнения виртуальной образовательной среды или переоснащения учебных аудиторий, но весь комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов, начиная от организационной стратегии до стратегии поддержки процесса преподавания и обучения, цифровой трансформации научно-исследовательской деятельности.

В-третьих, человеческие ресурсы и фонд рабочего времени. Дефицит финансовых ресурсов трансформируется в дефицит времени – имеющийся персонал перегружен работой, связанной с исследованиями, преподаванием и иными обязанностями, что не составляет пространства ни для реального повышения квалификации, ни для эффективной реализации задач цифровой трансформации в повседневной работе.

В-четвертых, цифровые навыки и знания. Отсутствие компетенций по-прежнему становится основным препятствием в различных высших учебных заведениях. Академический персонал, не привыкший к цифровым технологиям и не понимающий их, не может осуществлять интеграцию ИКТ в свою учебно-методическую деятельность и образовательную среду.

В-пятых, психологические барьеры. Для многих опытных преподавателей психологически некомфортен переход к системе новых форм и методов обучения и взаимодействия. В этом смысле можно часто наблюдать внутриорганизационное сопротивление трансформации и отрицание возможных изменений со стороны педагогических работников.

Заключение. Таким образом, проведенное нами исследование позволяет определить взаимное влияние системы образования и цифровой трансформации экономики через базовые функции системы образования в обществе, к которым относятся формирование человеческого капитала, обеспечение инновационной восприимчивости экономической системы и акселерация процессов обмена знаниями. При этом и сами университеты выступают объектом цифровой трансформации, реагируя на новые требования со стороны изменяющегося под воздействием цифровых технологий социума. Данный факт обуславливает необходимость дальнейшей разработки теоретико-методологических основ адаптации системы образования к цифровому обществу, конкретных форм и моделей цифровой трансформации образовательной сферы, что является перспективным направлением дальнейших исследований.

Литература

1. Шиплюк, В.С. Сущность категории «Цифровизация» и ее место в технологическом развитии / В.С. Шиплюк // Вестн. Владимир. гос. ун-та имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. Сер. Экон. науки. – 2020. – № 3(25). – С. 23–39.
2. Косенков, А.Ю. Процессы цифровизации: сущность, ключевые векторы и стратегии исследования / А.Ю. Косенков // Филос. исследования. – 2021. – № 8. – С. 242–249.
3. Кудрявцева, Т.Ю. Основные понятия цифровизации / Т.Ю. Кудрявцева, К.С. Кожина // Вестн. Академии знаний. – 2021. – № 3(44). – С. 149–151.
4. Eling, M. The impact of digitalization on the insurance value chain and the insurability of risks / M. Eling, M. Lehmann // Geneva Pap. R. I. – 2018. – issue 43(3). – pp. 359–396.
5. Vial, G. Understanding digital transformation: a review and a research agenda / G. Vial // The Journal of Strategic Information Systems. – 2019. – Vol. 28, № 2. – pp. 118–144.
6. Rodríguez-Abitia, G. Assessing Digital Transformation in Universities / G. Rodríguez-Abitia, G. Bribiesca-Correa // Future Internet. – 2021. – № 13. – pp. 52–68.
7. Jones, C.I. Paul Romer: Ideas, nonrivalry, and endogenous growth / C.I. Jones // The Scandinavian Journal of Economics. – 2019. – No.121(3). – pp. 859–883.
8. Benhabib, J. The role of human capital in economic development: Evidence from aggregate cross-country data / J. Benhabib, M.M. Spiegel // Journal of Monetary Economics. – 1994. – Vol. 34, № 2. – P. 143–174.
9. Корчак, К.И. Современные подходы к понятию цифровой трансформации образования / К.И. Корчак, В.В. Красильников, В.С. Тоискин // Проблемы современного образования. – 2022. – № 1. – С. 171–183.
10. Кузина, Г.П. Концепция цифровой трансформации классического университета в «цифровой университет» / Г.П. Кузина // E-Management. – 2020. – № 2. – С. 89–96.
- Aditya, B. Categories for Barriers to Digital Transformation in Higher Education: An Analysis Based on Literature / B. Aditya, R. Ferdiana, S. Kusumawardani // International Journal of Information and Education Technology. – 2021. – № 11. – pp. 658–664.

Поступила в редакцию 22.05.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Ирина Николаевна – профессор кафедры технологии и методики преподавания Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, доктор психологических наук, профессор.

Бекиш Евгений Иванович – доцент кафедры экономики и информационных технологий Международного университета «МИТСО», кандидат сельскохозяйственных наук.

Гайдукова Диана Михайловна – студентка 2-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова.

Клещёва Елена Анатольевна – доцент кафедры педагогики и социально-гуманитарных дисциплин Барановичского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры социальной и организационной психологии Белорусского государственного университета.

Клименко Валерий Адамович – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор, советник Исполнительного комитета СНГ.

Козловская Виолетта Викторовна – декан юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова.

Кузьмицкая Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета.

Мантур Елена Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Белорусского государственного аграрного технического университета, кандидат филологических наук.

Не Синьчунь – аспирант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Петров Анатолий Петрович – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Стаценко Владимир Григорьевич – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

Стреленко Анна Анатольевна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Тиковенко Ольга Анатольевна – аспирант кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Трацевская Людмила Фёдоровна – доцент кафедры информационных технологий и управления бизнесом ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент.

Турковский Станислав Ромуальдович – аспирант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Фурманов Игорь Александрович – заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

Шевцов Андрей Владимирович – аспирант кафедры психологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Andreyeva Irina Nikolayevna – Professor of Polotsk State Euphrosyne of Polotsk University Department of Technology and Teaching Methods, Dr.Sc. (Psychology), Professor.

Bekish Evgeny Ivanovich – Assistant Professor of International University “MITSO” Department of Economics and Information Technologies, PhD (Agriculture).

Gaidukova Diana Mikhailovna – 2nd year Law student of Vitebsk State P.M. Masherov University.

Klescheva Yelena Anatolyevna – Ph.D. (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of Department of Pedagogy and Social and Humanitarian Disciplines of Baranovichi State University”, doctoral student of Belarusian State University Department of Social and Organizational Psychology.

Klimenko Valeri Adamovich – Dr.Sc. (Social Sciences), PhD (Economics), Professor, CIS Executive Committee Counselor.

Kozlovskaya Violetta Viktorovna – Dean of Vitebsk State P.M. Masherov University Law Faculty.

Kuzmitskaya Tatyana Vladimirovna – Senior Lecturer of Belarusian National Technical University Department of Economics and Law.

Mantur Elena Evgenievna – Senior Lecturer of Belarusian State Agrarian Technical University Department of Foreign Languages, PhD (Philology).

Nie Xinchun – postgraduate student of Belarusian State University Department of Social and Organizational Psychology Faculty of Philosophy and Social Psychology.

Petrov Anatoly Petrovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process, PhD (Law), Assistant Professor.

Statsenko Vladimir Grigoryevich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process, PhD (History), Assistant Professor.

Strelenko Anna Anatolyevna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Tikovenko Olga Anatolyevna – postgraduate student of Belarusian State University Department of Constitutional Law Faculty of Law.

Tratsevskaya Liudmila Fedorovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Information Technologies and Business Management, PhD (Economics), Assistant Professor.

Turkovsky Stanislav Romualdovich – post-graduate student, Plekhanov Russian University of Economics.

Fourmanov Igor Aleksandrovich – Head of Department of Social and Organizational Psychology of Belarusian State University Faculty of Philosophy and Social Sciences, Dr.Sc. (Psychology), Professor.

Shevtsov Andrei Vladimirovich – postgraduate student of Brest State A.S. Pushkin University Department of Psychology.

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется

в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal "Law. Economics. Psychology" publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section "Material and methods";
- section "Findings and their discussions";
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section "Material and methods" includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section "Findings and their discussion" the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section "Conclusion" must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows.

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200-250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 1.06.2023. Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 9,36. Тираж 70 экз. Заказ 56.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.